Герритсен Тесс

Надежда умирает последней

Адаму и Джошуа – моим маленьким разбойникам...

Введение

Лаос в районе границы с Северным Вьетнамом, 1970

Первые огни трассирующих зенитных снарядов рассекли небо в 30 милях от местечка Муонг-Сам.

«Де-Хэвиленд Твин Оттер» получила удар в заднюю часть фюзеляжа, и, словно необъезженная кобылка, машина взбрыкнула в воздухе под сиденьем Уильяма Мэйтленда – летчика по кличке Дикарь Билл. Движением, доведенным до автоматизма, он рванул штурвал, спасаясь от опасности резким набором высоты. Не успели уйти вниз опоясанные туманом горы, как новая очередь трассеров пронеслась сбоку от самолета, окутав кабину осколками.

– Тысяча чертей, Кози. Проклятье ты на мою голову, – процедил Мэйтленд в сторону напарника. – Чуть только мы оказываемся в небе в паре с тобой, как у меня на языке появляется привкус свинца.

Козловский в ответ только хлопнул пузырем жвачки.

– А чего ты волнуешься? – невозмутимо кивал он в сторону растрескавшегося лобового стекла. – Промазали на добрую пару дюймов.

– Да не на пару, а всего на один!

– Подумаешь, большая разница.

– Лишний дюйм – это охренеть какая разница.

Кози засмеялся, глядя в окно:

– Именно это я все время слышу от своей жены.

Дверь в кабину открылась, и грузчик Валдес просунул голову внутрь:

– Что, черт возьми, у нас все-таки творится... – Очередной трассер пронесся мимо, не дав ему договорить.

– Да комары у нас тут завелись нехилые, – отозвался Козловский и надул здоровенный розовый пузырь.

– Это что было, АК-47? – спросил Валдес.

– Да больше похоже на пятидесятимиллиметровые, – ответил Мэйтленд.

– Да, но нам ничего не сказали про пятидесятимиллиметровые, что за ознакомительную такую с нами все-таки провели?

– Такую, на какую твоих налогов только и хватило, – повел плечами Козловский.

– А как там дела с твоим «грузом», он штаны еще не намочил? – спросил Мэйтленд.

Валдес наклонился и доверительно сообщил:

– У нас тот еще пассажирчик на этот раз, доложу я тебе.

– Ну а когда было иначе? – поинтересовался Козловский.

– Нет, этот действительно странный. Вокруг зенитки шмаляют, а этот и глазом не моргнет, сидит, словно порхает над прудом с лилиями. Видел бы ты медальон у него на шее – там килограмм веса как минимум.

– Да брось ты.

– Да говорю же тебе, на этой толстенькой шейке болтается добрый килограмм золота.

– Кто он такой?

– Некий Лао, Ви Ай Пи, – ответил Мэйтленд.

– И все, шо про него сказали?

– Мое дело – доставка, остальное мне знать ни к чему.

Мэйтленд выровнял «Де-Хэвиленд» на прежние 8000 футов. Глянув назад через открытую дверь в кабину, он различил фигуру пассажира, преспокойно сидящего среди накиданных ящиков с припасами. В тускло освещенном салоне его загорелое лицо сияло медью. Глаза были закрыты, а губы что-то шептали. «Поди, молится», – подумал Мэйтленд. Пассажир и впрямь был не из простых.

Не то чтобы Мэйтленд никогда раньше не брал на борт белых ворон. За десять лет работы в «Эйр Америка» список переправленных им пестрел и немецкими овчарками, и кадровыми генералами, и обезьянами, и даже его собственными подружками. Куда скажут, туда и летал. Как он сам выражался: «Дайте мне аэродром у самих чертей в аду, и я вас там высажу, только покажите билет». «Что угодно, когда угодно, куда угодно» – таково было правило компании «Эйр Америка».

* * *

– Река Сонг-Ма, – объявил Козловский, глядя вниз, на щупальца тумана, окутавшие густые заросли джунглей.

– Укрытий уйма, если у них там имеются пятидесятимиллиметровки, нам придется попотеть при посадке.

– Попотеть придется в любом случае, – заверил Мэйтленд, оценивая взглядом зеленый бархат косогоров по обеим сторонам посадочной полосы.

Расщелина была узенькой. Приходилось на скорости резко забирать вниз. Полоса была катастрофически короткой и выглядела так, словно кто-то царапнул по лесу булавкой. К тому же нет гарантий, что в лесу не развернута артиллерия, ускользнувшая от внимания разведки. Однако, согласно заданию, требовалось высадить важную персону Лао, кем бы он там ни являлся, сразу при попадании на территорию Северного Вьетнама. Подбор же пассажира с места в задании не значился. «Словно прямиком на тот свет», – подумал тогда Мэйтленд.

– Через минуту заходим, – бросил он через плечо Валдесу. – Подготовь пассажира, вот уж придется ему взять быка за рога.

– Он говорит, ящик там его.

– Чего? Мне ни о каком ящике не говорили.

– Закинули на борт в последний момент, сразу после багажа для Нам-Та. Увесистый, чертяка, помог бы мне кто-нибудь, а?

Козловский, покорившись судьбе, отстегнулся.

– Ладно, – вздохнул он, – но имей в виду, мне за это не платят.

Мэйтленд захохотал:

– А за что, блин, тебе вообще платят?

– О, много за что, – произнес Козловский, пригибаясь, он лениво прошел мимо Валдеса в открытую дверь, – за то, что ем, сплю, отпускаю скабрезные шутки.

Последние его слова перерезал оглушительный взрыв, чуть не лишивший Мэйтленда барабанных перепонок. Ударной волной отшвырнуло Козловского, а вернее, то, что от него осталось, обратно в носовую часть. Кровью забрызгало приборы, закрыло показания высотомера, но Мэйтленд и без показаний ясно ощутил, что они стремительно теряют высоту.

– Кози! Кози! – глядя на останки напарника, вопил Валдес, почти полностью заглушаемый встречным вихрем.

«Де-Хэвиленд», эта раненая птица, изо всех сил старался удержаться в воздухе, сотрясаясь всем корпусом. Мэйтленд, тщетно давя на штурвал, понял, что гидравлика отказала, и единственное, что оставалось, – это плюхнуться «брюхом» на заросли джунглей. Он бросил взгляд в салон и в поднятой ветром кутерьме из всевозможных предметов разглядел окровавленное тело их пассажира, вмятое в ящики, а через дыру в подозрительно искореженном железе бил дневной свет, облака и небо мелькали на том месте, где раньше был грузовой люк. Что за черт? Неужели шарахнуло внутри самолета?!

– Покинуть машину! – приказал он Валдесу, но грузчик не отреагировал, в ужасе он по-прежнему не сводил глаз с изуродованного тела Козловского. Тогда Мэйтленд вывел его воплем из оцепенения: – Сваливай на хрен!

Наконец Валдес очнулся и, спотыкаясь, стал пробираться в салон через груду разбитых ящиков и искореженного металла.

Дойдя до зияющей дыры грузового люка, он остановился и выкрикнул сквозь свист ветра:

– Мэйтленд!

Взгляды их встретились, и в ту же секунду они оба поняли, что видят друг друга живыми в последний раз.

– Я успею, – прокричал Мэйтленд, – прыгай!

Валдес немного отошел назад и спустя мгновение прыгнул в грузовую дыру. Мэйтленду некогда было оглядываться, чтобы посмотреть, раскрылся ли парашют, у него был другой повод для волнения. Самолет вихрем несло вниз. Он хоть и потянул было за ремень, чтобы

отстегнуться, но уже знал, что удача ему не светит. Ни запаса высоты для прыжка, ни времени, чтобы влезть в парашют, у него уже не было. Да и парашют он никогда всерьез не воспринимал. Надеваешь его – значит, в себе как в летчике ты не уверен, а уж Мэйтленд знал, и все знали, что лучше его пилота нет. Сохраняя спокойствие, он снова пристегнулся и взялся за штурвал. Через разбитое носовое окно он видел верхушки леса: жестокие в своей равнодушной красоте, в буйстве зелени джунгли мчались ему навстречу. Почему-то он всегда знал, что все закончится вот так: вой ветра сквозь разбитую машину, земля, несущаяся навстречу, и руки, крепко, до белизны в суставах, сжимающие штурвал. На этот раз все было по-настоящему, и уйти было некуда. Это было потрясением – столь внезапное осознание конца.

Ошеломляющее прозрение: «Сейчас я умру». И это было действительно ошеломляюще – «Де-Хэвиленд» врезался в гущу леса.

Вьентьян, Лаос

В семь часов пополудни было получено сообщение: рейс «Эйр Америка» 5078 исчез.

Собравшиеся в оперативном кабинете связи армии США полковник Джозеф Кистнер и его сотрудники из центральной и контрразведки, оглушенные, молча переваривали новость.

Получается, та миссия, которую они так тщательно готовили, которая столько значит для страны, провалилась? Полковник Кистнер сразу же запросил подтверждения. Управление «Эйр Америка» предоставило все подробности. Рейс 5078, с посадкой в Нам-Та в 3 часа пополудни, на место назначения не прибыл. Поиски вдоль предполагаемого пути, продолжавшиеся до захода солнца, останков самолета не выявили. Однако было известно о большом скоплении зенитных орудий на подступах к Муонг-Саму. К тому же данная местность была испещрена горами, погодные условия непредсказуемы, а обходные пути для посадки своих ограниченны. Пришли к законному логическому заключению, что самолет был сбит.

По лицам собравшихся вокруг стола было видно, что они примирились с этим мрачным фактом.

Вместе с погибшим самолетом улетучились их самые светлые надежды. Все смотрели на Кистнера и ждали его дальнейших действий.

– С рассветом возобновить поиски, – приказал он.

– Но это значит, ради мертвых пускать в расход живых, – возразил офицер из разведуправления, – помилуйте, господа, все мы знаем, что экипаж погиб.

«Негодяй ты бездушный», – подумал Кистнер. Хотя тот, как всегда, был прав.

Полковник собрал со стола бумаги и вытянулся.

– Речь не о людях, – сказал он, – мне нужен самолет. Чтобы обломки были найдены.

– А что же потом?

Кистнер щелкнул замком портфеля.

– На переплавку.

Офицер из управления кивнул в знак согласия. Никто не возражал. Задание провалено, и сделать с этим ничего было нельзя. Оставалось лишь уничтожить следы.

Глава 1

Настоящее время. Бангкок, Таиланд

Генерал Джо Кистнер не страдал от жары и этим глубоко изумлял Вилли Джейн Мэйтленд, чье тело изнывало от зноя в пропитанном потом хлопковом нижнем белье, блузке «шамбре» без рукавов и саржевой в складку юбке. Краснощекий, с массивной нижней челюстью, с испещренным жилками носом и толстой шеей, готовой лопнуть под накрахмаленным воротником, – весь облик Кистнера говорил о том, что в такую жару этот человек должен ходить насквозь мокрым от пота, но он был бодр и свеж. «Старый твердолобый вояка до мозга костей, непрошибаемый во всяком случае и прямолинейный» – таким его видела Джейн. Разве что глаза – этот скрытный уклончивый взгляд – ее несколько смущали. И теперь эти прохладные бледно-голубые глаза смотрели сквозь веранду в пустоту, туда, где заросшие холмы Таиланда источали влагу под действием жаркого послеобеденного солнца.

– Бессмысленное предприятие, мисс Мэйтленд, – сказал он, – прошло уже двадцать лет, могу заверить, ваш отец мертв.

– Но моя мать никогда не поверит в это, пока лично не предаст тело земле, генерал.

– Ах, ну да, конечно, – вздохнул он, – жены, как же без них. Вдов было столько, что лучше и не вспоминать.

– Но она-то помнит.

– Даже не знаю, что вам и сказать… и что вообще я должен говорить?

Он обернулся и уставился на нее своими выцветшими глазами.

– Бросьте, мисс Мэйтленд, ну к чему вам все это, разве что хотите потешить свое любопытство?

Вот наглец! Видеть в ее действиях простое любопытство! Мало что в мире раздражало Вилли больше, чем пренебрежительное отношение к ней. Особенно такого узколобого, напыщенного поджигателя войны. Чины для нее ничего не значили. Скольких болванов от армии она уже перевидала за последние несколько месяцев. Все они выражают сожаление, помочь ничем не могут и просто отделываются пустыми отговорками. Но от нее им просто так не избавиться. Она продолжала наседать на истуканов, пока те либо не давали ей вразумительный ответ, либо не указывали на дверь. И, надо сказать, ей не раз приходилось быть выставленной.

– Обратитесь в комитет по потерям, – предложил Кистнер, – они должны помочь.

– Они уже заверили меня, что не могут помочь.

– Но и я не могу.

– Мы с вами оба знаем, что *вы* можете.

Возникла пауза, и генерал вкрадчиво спросил:

– Неужели?

Она придвинулась к нему, желая улучить момент:

– Я не сидела сложа руки, генерал. И письма писала, и десятками опрашивала всех, кто был хоть как-то причастен к тому последнему заданию. И всякий раз при упоминании Лаоса или рейса 5078 ваше имя тут как тут.

Генерал лениво улыбнулся:

– Что ж, приятно, когда тебя помнят.

– Я слышала, что вы были военным атташе во Вьентьяне и что миссией руководил ваш штаб. И что вы лично были инициатором этого задания.

– Откуда эти сплетни?

– У меня есть связи в «Эйр Америка», старые друзья отца, уж им-то, я думаю, можно верить.

Кистнер ответил не сразу. Он вглядывался в собеседницу, словно в карту военных действий.

– Вполне возможно, что и был, – наконец выговорил он.

– В том смысле, что вы неотчетливо помните?

– В том смысле, что я не уполномочен обсуждать этот вопрос, тем более с вами. Это секретная информация, и то, что произошло тогда в Лаосе, – весьма щекотливая тема.

– О каких секретах может идти речь? Ведь война уже пятнадцать лет как кончилась.

Кистнер умолк, озадаченный таким напором, тем более необычным для человека ее скромных пропорций. Ему вдруг стало ясно, что Вилли Мэйтленд, ростом каких-нибудь пять с лишним футов, не считая обуви, могла задать шороху не хуже, чем шестифутовый десантник, такая без боя сдаваться не будет. В ту самую минуту, как она ступила на веранду – гордо расправленные плечи, острый подбородок независимой, уверенной в себе женщины, – он почувствовал, что с ней придется считаться. Он вспомнил избитое выражение, которое любил повторять Эйзенхауэр: «Не огнем ружья, но огнем бойца». Три войны, через которые он прошел, – Япония, Корея, Вьетнам – научили Кистнера, что никогда нельзя недооценивать противника, и сейчас он понимал, что дочь Дикаря Билла Мэйтленда – достойный противник. Его взгляд скользнул по веранде, и остановился на волшебных зеленых горах. Попугай ара, в кованой клетке, издал недовольный вопль.

Наконец, Кистнер заговорил:

– Рейс 5078 стартовал из Вьентьяна с тремя членами экипажа на борту: ваш отец, грузчик и помощник пилота. В ходе полета они свернули с маршрута в сторону Северного Вьетнама, где, как мы полагаем, их сбил вражеский огонь. Лишь одному грузчику, по имени Луис Валдес, удалось покинуть гибнущую машину. Его тут же схватили вьетконговцы. Вашего отца обнаружить так и не удалось.

– Но это не значит, что он погиб. Ведь Валдес выжил.

– Слово «выжил» в его случае не совсем уместно.

Они оба на мгновение смолкли, почтив память человека, который пять лет пробыл военнопленным, чтобы затем погибнуть в родной стихии. Луис Валдес вернулся на родину в субботу, а в воскресенье пустил себе пулю в лоб.

– Вы кое-что недоговариваете, генерал. Я слышала, что в самолете был пассажир.

– Ах да, – слишком быстро ответил Кистнер, – я совсем забыл.

– Кто это был?

Кистнер пожал плечами:

– Некий Лао, имя вовсе не важно.

– Он работал на разведку?

– А вот этого вам знать не полагается, мисс Мэйтленд.

Кистнер отвел глаза, и стало ясно, что все, что касается Лао, он обсуждать не станет.

– После того как самолет разбился, – продолжал генерал, – мы всех подняли на поиски, но местность насквозь простреливалась. Стало очевидно, что, даже если кому-то посчастливилось выжить, плена им не избежать.

– И вы оставили их там?

– У нас не принято разбрасываться людьми, мисс Мэйтленд, а операция по спасению экипажа рейса 5078 обернулась бы гибелью живых людей во имя покойников.

Несомненно, в его словах был резон. Это был трезвый расчет тактика. Он был начеку. Вот и теперь, прямой как шомпол, он сидел в своем кресле, не сводя глаз с невинной зелени холмов, окружающих виллу, будто и там мог появиться враг.

– Мы так и не нашли место падения, – продолжал он, – но это и неудивительно, в джунглях и не такое можно потерять. Вечная дымка над ущельями, а деревья растут так густо, что земля никогда не видит солнца. Да вы и сами в этом скоро убедитесь. Когда вы отправляетесь в сторону Сайгона?

– Завтра утром.

– И что же, вьетнамская сторона не воспротивилась?

– Я не раскрывала им цели посещения, боялась, что мне не выдадут визу.

– Мудрый поступок, они не любят прямолинейность. Что вы же им сказали?

– Что я простая путешественница, каких пруд пруди, – она усмехнулась, покачав головой, – что иду дикарем, решила установить личный рекорд и за две недели обойти шесть городов.

– По-другому на Востоке и нельзя, напрямик – ни в коем случае, только окольными путями.

Он посмотрел на часы, дав понять, что ее время истекло. Они оба встали, и в момент рукопожатия она почувствовала на себе его оценивающий взгляд. Он быстро, по-деловому сжал ей руку, как и следовало ожидать от бывалого вояки.

– Желаю удачи, мисс Мэйтленд, – он поставил кивком точку на ее визите, – надеюсь, ваши поиски увенчаются успехом.

И тут только она заметила капельки пота, алмазно сверкающие на лбу генерала.

Проводив взглядом молодую женщину, сопровождаемую слугой внутрь дома, генерал Кистнер почувствовал, что его охватила тревога. Слишком хорошо он помнил, каков был Дикарь Билл Мэйтленд. Дочь же явно недалеко ушла от отца, и от нее следовало ждать неприятностей. Он подошел к чайному столику и позвонил в серебристый колокольчик. Звон легко проник через веранду в дом, и минуту спустя явился секретарь.

– Мистер Барнард не приехал? – спросил генерал.

– Вот уже полчаса, как он ожидает вас.

– А шофер мисс Мэйтленд?

– Я отпустил его, как вы и велели.

– Хорошо, – генерал удовлетворенно кивнул, – очень хорошо.

– Пригласить мистера Барнарда в дом?

– Не надо, скажи ему, что я отменяю на сегодня все встречи. И на завтра тоже.

Секретарь насупился:

– Он будет весьма недоволен.

– Не сомневаюсь, – ответил Кистнер, уже направляясь к себе в кабинет, – не моя забота.

Шаги отдавались эхом в просторном, как в соборе, зале, через который таец, слуга в безупречном белом пиджаке, проводил ее в приемную. Там он, с выражением почтения на лице, предложил вызвать для нее авто.

– Нет, благодарю, меня отвезет мой шофер.

Слуга удивился:

– Но ваш шофер недавно уехал.

– Как это так? – Она посмотрела в окно. – Ему было сказано ждать.

– А может быть, он поставил машину за деревьями, в тени, я проверю.

В окно Вилли видела, как слуга изящно спорхнул по ступенькам вниз. Сад был огромным и весь утопал в зелени, так что машина могла легко спрятаться в зарослях. В стороне от автомобильного съезда работал, подравнивая кусты жасмина, садовник. Безупречная дорожка из щебня вела через газон к цветнику с каменными скамейками. А совсем вдалеке, окутанные голубоватой дымкой, всплывали как во сне городские постройки Бангкока. За спиной Вилли, привлекая ее внимание, прокашлялся мужчина. Она обернулась и только тут заметила человека в дальнем углу приемной. Он слегка кивнул, как бы приветствуя ее. Едва заметная кривая усмешка промелькнула на его лице, на загорелый лоб спадала копна каштановых волос. Затем он снова принялся разглядывать старинный гобелен на стене. Нет, он не производил впечатления человека, интересующегося изъеденными молью коврами. Пот проступил на спине через защитную рубашку, с лихо засученными по локоть рукавами. Его брюки выглядели так, словно в них спали бесменно целую неделю. Портфель с надписью «Армия США, отдел опознания» стоял тут же возле его ног, но он не производил впечатления военного. В том, как он держал себя, не было заметно выправки. Ему бы

скорее пошло сидеть развалясь где-нибудь у барной стойки, нежели обивать мраморные пороги генеральской приемной.

Но тут вошел слуга, виновато качая головой:

– Это какое-то недоразумение, мисс Мэйтленд. Садовник сказал, что ваш шофер уехал обратно в город.

– Не может быть, – с отчаянием воскликнула она, глядя в окно, – как же я теперь вернусь в Бангкок?

– Я уверен, что водитель мистера Кистнера отвезет вас, сейчас он ненадолго отъехал по делам, но скоро должен вернуться, а пока не желали бы вы осмотреть наш сад?

– Да, да, наверное… в общем, это было бы замечательно.

Слуга, гордо улыбаясь, отворил дверь, ведущую в сад.

– Этот сад заслужил себе немалую славу. Генерал известен своей коллекцией орхидей дендробиум. Они в конце аллеи, у пруда с карпами.

Она шагнула в духоту предвечернего марева и пошла вниз по дорожке из щебня.

Все вокруг застыло, только щелканье ножниц садовника нарушало тишину.

Она направилась к деревьям, растущим поодаль, но на середине пути внезапно обернулась и посмотрела в сторону дома. Сперва ее ослепило солнце, отражавшееся от мраморного фасада, но потом она присмотрелась и разглядела на первом этаже человеческую фигуру у окна. «Прислуга?» – подумала она, повернулась и пошла дальше, но теперь ясно ощущала, что кто-то непрерывно за ней следит.

Гай Барнард стоял возле французского окна и наблюдал за женщиной, идущей по газону в сад. Ему нравилось, как лучи играли на ее стриженых янтарных волосах. Ему нравились ее движения, ее легкая энергичная походка. Затем его взгляд, как полагается, скользнув по одежде, по блузке без рукавов, по юбке уж слишком строгого фасона, выхватил искомое: тонкая талия, красивые бедра, чудные ножки, прелестные щиколотки… Он с усилием остановил полет воображения. Не время было отвлекаться. И все-таки он еще раз бросил взгляд на стройные очертания. Еще чуть-чуть, и она была бы, что называется, кожа да кости. Но ножки! Ножки были хороши. Позади простучали шаги по мрамору, Гай обернулся и увидел генеральского секретаря, тайца с безволосым, каменным лицом.

– Мистер Барнард, мы приносим извинения за задержку, но возникли чрезвычайные обстоятельства…

– По крайней мере сейчас он сможет меня принять?

Секретарь замялся:

– Боюсь, что не…

– Я жду уже с трех часов!

– Я прекрасно понимаю, но случилось так, что… боюсь, ваша встреча с мистером Кистнером не состоится.

– Хочу вам напомнить, что это он желал меня видеть, а не я его.

– Да, но…

– Я потратил время, хотя я очень занятой человек, – здесь он позволил себе некоторое преувеличение, – проделал сюда такой путь, и что же…

– Я все понимаю.

– Хотя бы объясните мне, зачем я ему был нужен.

– Вам придется спросить об этом у него самого.

Гай все это время сдерживал раздражение, и наконец не выдержал. Хотя он не был слишком высок ростом, однако на добрую голову возвышался над секретарем.

– И что же, генерал всегда так ведет дела?

Секретарь только беспомощно пожал плечами:

– Извините, мистер Барнард, но в этом виноваты чрезвычайные обстоятельства.

Взгляд его скользнул в окно. Гай посмотрел в ту же сторону и увидел через стекло то, на что смотрел таец, – женщину с янтарными волосами.

Секретарь шаркнул ногой в знак того, что ему пора идти.

– Не сочтите за труд, позвоните через несколько дней, мистер Барнард, и я уверен, он вас примет.

Гай подхватил свой портфель и направился к выходу.

– Через несколько дней, – бросил он, – я уже буду в Сайгоне.

«Полдня коту под хвост», – с отвращением подумал он, спускаясь по балюстраде. Не найдя своей машины у спуска, он снова выругался. Машина стояла метрах в ста отсюда, в тени раскидистого дерева, водителя не было и в помине, ох уже этот Пуапонг, наверняка приударяет где-нибудь за дочерью садовника. Солнце пекло как в духовке, и от дорожного щебня несло жаром. На полпути к машине он ненароком опять посмотрел в сторону сада и увидел, что на каменной скамейке сидит та, с янтарными волосами. Вид у нее был потерянный, и неудивительно, ведь бог его знает, когда вернется водитель, чтобы отвезти ее в город, а туда путь неблизкий.

«А какого черта, – подумал Гай, направив шаги в ее сторону, – пусть составит мне компанию».

Она пребывала в глубокой задумчивости и взглянула на него, лишь когда он подошел вплотную.

– Прекрасная погода, – сказал он.

– Добрый день. – В задумчивости она посмотрела сквозь него, в ее голосе не было ни дружелюбия, ни неприязни.

– Вам ведь, кажется, нужно в город?

– Меня скоро должны подвезти, спасибо.

– Так можно долго прождать, а мне все равно в ту же сторону.

Она не отвечала, и тогда он добавил:

– Мне это пара пустяков, правда.

Она изучающе посмотрела на него своими серо-голубыми немигающими глазами, и казалось, видела его насквозь. Эта красотка была не из тихонь.

– Водитель Кистнера должен отвезти меня, – наконец произнесла она, оглядываясь на дом.

– Но я-то здесь, а он нет.

Она опять молча пронизывающе посмотрела на него. Кажется, он внушил ей доверие, она поднялась:

– Спасибо, очень обяжете.

Они направились по гравию к машине. Подойдя, Гай увидел, что задняя дверца открыта и из нее торчат две загорелые немытые пятки – на заднем сиденье возлежал, распластавшись точно покойник, его водитель. Женщина приостановилась, не сводя глаз с безжизненного тела:

– Боже мой, я надеюсь, он не…

Изнутри раздался счастливый храп.

– Он? О нет, – ответил Гай. – Эй, Пуапонг. – Он постучал по крыше машины.

В ответ из машины раздались новые раскаты храпа.

– Вставай, спящая красавица, проснись, или, может, тебя сначала поцеловать?

– А-а? Что-о? – Пуапонг зашевелился и приоткрыл красный, весь в жилках глаз. – Салют, начальник, ты уже вернулся?

– Хорошо поспал? – дружелюбно спросил Гай.

– Да неплохо.

– Слушай-ка, боюсь показаться наглым, но мне бы надо подвезти вот эту даму, – сказал Гай, элегантным жестом давая понять шоферу, что надо бы освободить место.

Водитель выполз наружу, кое-как в полусне добрался до водительского места, помотал головой несколько раз и стал шарить по полу рукой в поисках ключей.

Сомнения одолевали спутницу Гая, и она осторожно спросила его:

– А он в состоянии вести машину?

– Он? Да у него реакция, как у кота! Когда он трезвый.

– И что же сейчас, он трезвый?

– Пуапонг, ты трезвый?

Уязвленное самолюбие прозвучало в голосе водителя.

– А что, не видно, что ли?

– Вот вам и ответ, – сказал Гай.

– М-да, утешили, – вздохнула она. С тоской она посмотрела на дом, там, на ступеньках, теперь стоял тот самый слуга, таец, и махал на прощание рукой.

Гай поторопил ее жестом, предлагая садиться, ведь «до города путь неблизкий».

Она сидела молча, пока они ехали вниз по извилистой горной дороге.

Они оба сидели сзади, на расстоянии локтя друг от друга, но вид у нее был отчужденный.

Она, казалось, поглощена созерцанием пейзажа за окошком.

– Вы провели немало времени в кабинете у генерала, – заметил он.

– У меня было к нему много вопросов, – кивнула она.

– Вы репортер?

– Что? – Она посмотрела на него. – О нет, это давние семейные дела.

Он ждал, что она расскажет подробнее, но она снова отвернулась к окну.

– Должно быть, что-то уж очень важное, – предположил он.

– Почему вы так думаете?

– После того как вы ушли, он отменил все свои встречи, со мной в том числе.

– Вас так и не приняли?

– Дальше секретаря пройти не удалось. При том что генерал сам изъявил желание меня видеть.

На мгновение она нахмурила брови, явно озадаченная, но затем лишь пожала плечами:

– Уверена, что я здесь ни при чем.

«Уверен, что еще как при чем», – подумал он про себя раздраженно. Боже, что же его в ней напрягает? Вот ведь сидит не шелохнувшись, но он явно чувствовал, что в этой хорошенькой головке бушуют вихри. Насчет хорошенькой теперь, конечно, сомневаться не приходилось, но

безо всяких там глупостей. Ей хватало ума не пользоваться косметикой: это поставило бы под сомнение облик «правильной девочки». Его никогда раньше не интересовали такие «правильные». Ему ближе были «неправильные» – те, что из «неправильных» районов или с «неправильных» улиц. Но на этот раз все по-другому. У нее были глаза дымного оттенка, острый подбородок и небольшой вздернутый носик, слегка присыпанный веснушками.

Рот же, при правильном обращении, вполне годился для поцелуев.

Сам собой с его языка сорвался вопрос:

– Ну и надолго вы в Бангкоке?

– Я уже пробыла здесь два дня и завтра улетаю.

«Черт», – подумал он.

– В Сайгон.

– Сайгон?! – У него отвисла челюсть от удивления.

– Ну или город Хошимин, как угодно.

– Вот это совпаденьице, – сказал он тихо.

– Что именно?

– Я лечу в Сайгон через два дня.

– Неужели? – Она глянула на сиденье, где лежал портфель с выведенным через трафарет «Армия США, отдел опознания».

– Правительственное задание?

Он кивнул.

– А у вас что?

Она устремила взгляд строго вперед:

– Я по семейному делу.

– Ясно, – сказал он, раздумывая, что же это за дела, блин, такие семейные, – а вы раньше бывали в Сайгоне?

– Была один раз, но мне тогда было всего десять лет.

– Отец там служил?

– Положим. – Она продолжала смотреть куда-то вдаль перед собой. – Города я толком не помню, пыльно, жарко, полно машин, одна большая пробка. Еще женщины красивые.

– Многое изменилось с тех пор, машин здорово поубавилось.

– А женщин?

Он засмеялся:

– Нет, женщины остались, жара и пыль тоже. Но все остальное изменилось.

Он замолчал. Потом словно невзначай добавил:

– Если случится застрять там где-нибудь, так я смогу помочь.

Явно заинтересованная его предложением, она не знала, принимать ей его или нет.

«Ну же, давай, не отказывай мне», – думал он и вдруг поймал в зеркале ухмыляющуюся физиономию Пуапонга, который откровенно глумливо подмигивал ему. Только бы она ничего не заметила! Но Вилли, разумеется, видела подмигивания и ухмылки Пуапонга и немедленно разгадала их глубокий смысл. «Старая история», – подумала она устало. «Сейчас он предложит с ним отужинать, я скажу, что не могу, тогда он позовет чего-нибудь выпить вместе, и тогда я сломаюсь и соглашусь, ведь как устоять перед таким красавцем».

– Представляете, у меня сегодня выдался свободный вечер, – сказал он, – вы не хотели бы поужинать со мной?

– Я не могу, – ответила она и подумала, кто же все-таки сочинил этот постылый сценарий и удалось ли кому-нибудь хоть раз отклониться от него?

– Ну, может быть, тогда пропустим по стаканчику? – Легкая зовущая улыбка в ее сторону.

И тут ей показалось, что она вот-вот сорвется в пропасть. Самое-то смешное, что он вовсе не был красавцем. Нос приплюснут – где-то, наверное, умудрился сломать его и даже не позаботился выправить. К волосам явно давно не притрагивались расческой, чего там говорить о парикмахере. По ощущениям, ему было где-то под сорок, хотя возраст не сказался на внешности, разве что морщинки вокруг глаз от привычки

улыбаться. Бесспорно, она встречала в жизни куда более привлекательных мужчин, и таких, которые могли бы предложить побольше, чем просто ночка кувырканий в гостинице на чужбине. «Что же все-таки меня в нем привлекает?»

– Всего по стаканчику, – снова предложил он.

– Да нет, – ответила она, – нет, спасибо.

Слава богу, он не стал больше настаивать.

Кивнув, он откинулся на сиденье и стал смотреть в окно. Пальцами он барабанил по портфелю, и этот беспорядочный ритм стал выводить ее из себя. Она попробовала не обращать на него внимания, так же как и он старался игнорировать ее, но у нее ничего не получалось – слишком заметным было его присутствие. Когда они приехали к отелю «Ориенталь», ей уже хотелось выпрыгнуть из машины, что она в общем-то и сделала.

– Спасибо, что подвезли, – сказала она на прощание и хлопнула дверцей.

– Эй, погодите, – крикнул он через окрытое окно, – я так и не знаю вашего имени.

– Вилли.

– А фамилия есть?

Она обернулась и, зашагав вверх по ступенькам, бросила через плечо:

– Мэйтленд.

– Как-нибудь увидимся, Вилли Мэйтленд! – выкрикнул он.

«Сомневаюсь», – подумала она, но, как только дошагала до входа, не удержалась и взглянула вслед исчезающей за поворотом машине. Тут только она осознала, что не знает, как его зовут.

Гай сидел на кровати в гостинице «Либерти» и гадал, что же его занесло в эту дыру.

Пожалуй, воспоминания. Ну и скидки для правительственных сотрудников. Он всегда, с самой войны, останавливается здесь, когда ездит в Бангкок, и только теперь осознал давнюю нужду в перемене. Конечно, с этим местом было связано много воспоминаний. Он никогда

не забудет тех жарких любовных ночей 1973 года. Ему двадцать, он – рядовой в отпуске; ей тридцать, она – военная медсестра. Дарлин, точно, так ее звали. Когда он видел ее в последний раз, она была обвешана тремя детьми, дымила как паровоз и на ней было килограммов двадцать лишнего веса. Жалкое зрелище. Скатилась – что она, что эта гостиница. «Да я и сам, наверное, скатился», – подумал он, его взгляд блуждал по улицам Бангкока за грязным гостиничным окном. Как он любил раньше этот город, любил бродить по рынкам, таким пестрым, что в глазах рябило. Любил шататься ночами по закоулкам Пэт-Понга, где не было отказа в музыке и женщинах. Он был тогда совершенно беззаботен: ни жара, ни шум, ни запахи его не волновали, ни даже пули. Он ощущал себя неуязвимым, бессмертным. Кто-то другой получит пулю и будет отправлен в деревянном ящике домой, кто-то, но только не он. Ну а если ты начинал трястись беспрестанно за свою жизнь, боец из тебя получался некудышный. И в конце концов он превратился в такого бойца. Он до сих пор недоумевал, как это ему удалось тогда выжить. Сам факт того, что он живым вернулся домой, был выше его понимания – как подумаешь об остальных на том транспортном самолете из Дананга – этой руке спасения, что должна была их вытащить из пекла и доставить в родное гнездо. По-прежнему на нем шрамы от крушения, и по-прежнему он до смерти боится летать. Он откинул в сторону мысль о предстоящем полете в Сайгон. Передвижение по воздуху, к сожалению, было неотъемлемой частью его профессии, и ему ничего не оставалось, как в очередной раз сесть в самолет.

Он открыл свой дипломат, вытащил охапку папок и разложил на диване. Раскрыл первое досье – таких с Гонолулу он привез десятки. В каждом упоминалось имя, звание, порядковый номер, фотокарточка и подробнейшее описание обстоятельств исчезновения. На этот раз перед ним был морской летчик, капитан-лейтенант Юджин Стоддард – в последний раз его видели, когда тот катапультировался из вышедшего из строя бомбардировщика в сорока милях к западу от Ханоя.

Досье включало записи зубного врача и показания рентгеновского снимка поврежденного в подростковом возрасте предплечья. Пропущены были лишь сущие мелочи: овдовевшая жена, дети, и еще пробелы, пробелы… Всегда оставались пробелы, когда боец оказывался без вести пропавшим.

Гай наскоро пробежал записи, кое-что отметил про себя и перешел к следующему досье. В этом фотографии не было. Это дело было добавлено сверху, в последний момент ему пришлось его взять с остальными. На обложке стоял гриф «Секретно», а год назад его переделали в «Рассекречено».

На первой же странице он нахмурился.

Кодовое имя: Фрайер Так.

Стадия: дело открыто (на текущий момент 10.1985).

В деле имеются:

1. Показания свидетелей.

2. Подложные личности.

3. Состояние розыска на данный момент.

Фрайер Так. Человек-легенда, про которого знает всякий, кто воевал во Вьетнаме. Во время войны Гай был уверен, что россказни про гадину американца, рассекающего небо на стороне врага, были простой выдумкой. Но несколько недель назад вскрылось другое. Гай сидел за своим письменным столом в военной лаборатории, когда двое представителей из организации под названием «Эриал груп» вошли в его кабинет.

– У нас к вам дело, – сказали они, – нам известно, что вы собираетесь лететь во Вьетнам, так вот нам нужно, чтобы вы занялись поисками одного военного преступника.

Им нужен был Фрайер Так.

– Да бросьте вы, – Гай расхохотался, – я вам не армейская ищейка. Да и нет никакого преступника, это миф.

В ответ они вручили ему чек на двадцать тысяч – «на расходы», как они выразились. Он получит за предателя и больше, если передаст его в руки правосудия.

– А что, если я откажусь?

– А вот это вряд ли, – последовал ответ, и они поведали Гаю что-то, что они о нем знали, одну историю из прошлого – кое-что, совершенное им во время войны. Такая тайна, которую повороши – и ему конец, так что он отгородился от нее стеной страха и презрения к себе. В случае

разоблачения, говорят они, его ждет сначала горькая слава обнародования, затем судебный процесс, решетка. Он оказался в ловушке. Чек был принят, и он стал ожидать дальнейших указаний. За день до его отбытия из Гонолулу в особом конверте пришло задание.

Не вскрывая, он сунул его в дипломат. И теперь, читая его в первый раз, он отдельно задержался на разделе «Скрывается под именами». Ему попалось несколько имен из своего списка пропавших без вести, что возмутило его до глубины души. Ведь люди не вернулись домой, скорее всего погибли, и навешивать на них ярлык предателей было кощунством по отношению к памяти бойцов. Один за другим перед ним вставали летчики, подозреваемые в измене. Где-то на середине списка его внимание задержалось на записи «Уильям Т. Мэйтленд, пилот «Эйр Америка». Рядом стояла сноска, в ней значилось: «См. док. М-70-4163 из отдела контрразведки (секретно)».

«Уильям Т. Мэйтленд», – думал он, пытаясь вспомнить, где он мог слышать это имя. Мэйтленд, Мэйтленд. Тут он вспомнил женщину на вилле у Кистнера, миниатюрную блондинку с потрясающими ногами. Она говорила о каком-то семейном деле, и по этому делу она приходила к Кистнеру, человеку, связь которого с контрразведкой была неоспоримой.

– Увидимся как-нибудь, Вилли Мэйтленд.

Невозможное совпадение. И все же…

Он вернулся на первую страницу и заново прочел весь раздел о Фрайере Таке, от начала до конца. Дважды он прочитал «Состояние розыска на данный момент», затем встал с кровати и заходил по комнате, прикидывая свои дальнейшие действия, хотя по-всякому выходило плохо.

Он никогда не приветствовал манипулирование людьми, однако его взяли за самое горло, его старый проступок был описан во всех подробностях. «Сколько же еще таких, как я, – думал он, – скрывающих позорное прошлое и держащих рот на замке? А проговорись – и тебе крышка».

Он захлопнул дело. В нем не хватало сведений, ему нужна была помощь той женщины.

«Но хватит ли у меня духу? – думал он. А внутренний голос спрашивал: – А разве у тебя есть выбор?»

Было скверно на душе от предстоящего, но выбора не было.

В 5 часов вечера жизнь в ночном клубе «Бонг-Бонг» только разгоралась. Трое женщин на сцене, лоснящихся и сверкающих, извивались как одна, словно некое змеиное трио. Из стереодинамиков грохотала музыка – тупой, но напористый ритм, от которого дрожал в темноте воздух. Сидя в углу за своим обычным столиком, Сианг следил за бурлением в клубе: потягивали спиртное мужчины, официантки ошивались вокруг в ожидании чаевых. И тут его взгляд приковала девица на сцене, та, что была в середине. Она выделялась из прочих. Широкие бедра, крепкие ляжки и розовый, плотоядный язык. Он не смог бы описать словами ее взгляд, но это был тот самый взгляд. На джи-стрингах болталась цифра 7. Он обязательно спросит попозже номер 7.

– Доброе утро, мистер Сианг.

Он поднял глаза, чтобы разглядеть того, кто стоял в стороне от света. Никогда не переставал он поражаться размерам этого человека. Даже теперь, спустя двадцать лет после их первой встречи, он чувствовал себя малышом рядом с этим великаном. Человек заказал пива и сел за его столик.

– Что, новенькая? – спросил он, глядя на сцену.

– Та, что посередине, да.

– Ну что же, хороша, и в твоем вкусе, не так ли?

– Может быть, посмотрим.

Сианг сделал глоток виски, не сводя глаз со сцены.

– Так ты говорил, что для меня есть работа?

– Ничего особенного.

– Надеюсь, про оплату такого не скажешь?

Человек тихо усмехнулся:

– Ну что ты, разве я когда-нибудь обижал тебя деньгами?

– Имя?

– Это женщина, – он кинул на стол фотографию, – зовут Вилли Мэйтленд. Тридцать два года, чуть ниже среднего роста, рыжеватые

волосы, короткая стрижка, серые глаза. Остановилась в гостинице «Ориенталь».

– Американка?

– Да.

– Необычный заказ.

– Дело в некотором роде срочное.

«Так, а вот и наценочка», – промелькнуло у Сианга.

– Что так?

– Она улетает в Сайгон завтра утром, так что у тебя в распоряжении только сегодняшний вечер.

Сианг кивнул и снова устремил взгляд на сцену. Было приятно, что та, под номером 7, смотрела прямо на него.

– Времени достаточно, – сказал он.

Вилли Мэйтленд стояла у реки, глядя на речную воду, спадающую с порога вниз. Находясь на обеденной веранде, Гай заприметил ее изящную фигурку, склонившуюся над заграждением, ветер трепал ее короткие волосы. По приподнятым плечам, по сосредоточенному взгляду ему показалось, что она сейчас была не расположена к общению. Подойдя к барной стойке, он взял себе пиво – добрый голландский «Оранджбум», который он уже сто лет не пил, – потом, с наслаждением приложив к щеке заиндевевшую бутылку, постоял немного, глядя на нее. Она по-прежнему стояла без движения, задумчиво глядя вниз, словно завороженная чем-то там, в мутной глубине реки. Он направился через веранду в ее сторону, протанцевав между пустыми столиками и стульями и встал как ни в чем не бывало рядом с ней у заграждения. Ах, как восхитительно играл багровым золотом закат на ее волосах!

– Есть на что посмотреть, – сказал он.

Она подняла на него глаза: взгляд полный безразличия – вот и все, чего он был удостоен. Она отвернулась. Тогда он водрузил бутылку пива на заграждение.

– Я подумал, почему бы не проведать вас, подумал, может, вы передумали и все-таки выпьете со мной…

Она упрямо смотрела на воду.

– Я же знаю, что такое – оказаться одному в чужом городе. Некому выговориться. Вот я и подумал, что вам, наверное, не очень-то…

– Да оставьте же вы меня, – сказала она и зашагала прочь.

Где же его былое обаяние? Он подхватил пиво и припустил за ней. С видом нарочитого безразличия она шагала вдоль террасы, то и дело смахивая волосы, падающие на лицо. В ее походке было какое-то притягательное раскачивание, и будь в ней поменьше задора, то можно было сказать, что она несет себя с достоинством.

– Мне кажется, мы могли бы вместе поужинать, – сказал он, стараясь не отставать, – просто поужинать и поболтать о том о сем.

– О чем же это?

– Ну, допустим, сначала о погоде, потом о политике, о религии, потом про семью, вашу, мою…

– И все это конечно же с какой-то целью, так?

– Ну, в общем, да…

– Дайте-ка я угадаю с какой: чтобы я оказалась у вас в номере?

– Неужели же вы меня в этом подозреваете, – спросил он обиженным тоном, – думаете, подцепить вас хочу?

– А что, нет?

И она снова пошла прочь от него. На сей раз он за ней не последовал. Какой смысл? Облокотившись на заграждение и прихлебывая пиво, он смотрел ей вслед, на то, как она поднялась по ступенькам на террасу, как села за столик и раскрыла меню. Время чая уже прошло, а ужина еще не настало. Терраса была пуста, если не считать десятка шумных итальянцев за соседним столиком. Какое-то время он не трогался с места, допивал пиво и раздумывал, что же ему делать дальше и можно ли тут было вообще что-либо сделать. На редкость бойкая, ничего не скажешь, крепкий орешек – эта кавалер-дама, едва достающая ему до плеч. Маленькая да удаленькая. Требовалась дополнительная бутылка пива, а к ней – светлая мысль. Сейчас, сейчас он что-нибудь придумает. Он снова направился наверх, по ступенькам к бару. Пересекая веранду, он не удержался и повернул голову в ее сторону, и за те несколько секунд, что он смотрел на нее, навстречу ему вышел хорошо одетый мужчина, таиландец. Едва не столкнувшись с ним, Гай машинально пробубнил

извинения, но незнакомец молча, не останавливаясь прошел мимо, вперив взгляд куда-то перед собой. Гай сделал еще пару шагов, и вдруг все нутро его забило тревогу. Это было на уровне инстинкта, в нем заговорил боец, почуявший беду. Что-то не то было в глазах незнакомца. Гаю уже доводилось видеть такие же, леденящие душу глаза у одного вьетнамца. Выходя как-то из популярного ночного клуба под названием «Дананг», Гай столкнулся с ним плечом к плечу, и на мгновение глаза их встретились. До сих пор Гай помнил, как мороз пошел у него по коже, когда он заглянул в глаза тому человеку. Спустя две минуты, когда Гай стоял на улице, ожидая своих приятелей, здание клуба разнесло взрывом. Погибло семнадцать американцев. И теперь, все больше чувствуя тревогу, он наблюдал за тайцем, который остановился, изучая обстановку. Похоже, он высмотрел то, что ему было нужно, и направился в сторону столиков на террасе, из которых заняты были только два: за одним – группа итальянцев, за другим – Вилли Мэйтленд. Человек приостановился у входа на террасу, рука его потянулась к внутреннему карману пиджака. Сами собой ноги Гая сделали несколько шагов вперед, глаза еще не успели охватить всю обстановку, но тело уже было готово к действию. В закатных лучах что-то ярко блеснуло у человека в руке, и только тогда на смену интуиции пришло полное осознание происходящего.

– Вилли, осторожно! – выкрикнул Гай и бросился в сторону убийцы.

Глава 2

Услышав крик, Вилли опустила меню и обернулась, и – о боги! – там опять этот сумасброд американец, который несся теперь во весь опор через коктейль-бар, опрокидывая на ходу стулья.

Что этот чокнутый затеял на сей раз? Не веря своим глазам, она увидела, как он пронесся мимо официанта и прыгнул на представительного тайца, в момент столкновения что-то просвистело в воздухе, и острая боль пронзила ей руку выше локтя. Вилли метнулась со стула в сторону, когда двое мужчин рухнули на землю у самых ее ног. Итальянцы повскакивали со своих мест, крича и тыча пальцами в соседей. Тела сцепившихся катались по полу, опрокидывая столики, с которых летели вниз сахарницы, разбиваясь вдребезги о каменный пол террасы. Вилли не помнила себя от изумления. Что здесь происходит? Что толкнуло этого балбеса на драку с предпринимателем-таиландцем?

Наконец оба кое-как поднялись на ноги, и таец нанес сопернику точный удар ногой в живот. Тот скрючился, взревел и свалился на землю, подперев спиной стену террасы. Таец был таков.

Итальянцы уже не находили себе места, а Вилли, пробравшись через поваленные стулья и побитую посуду, села на корточки возле поверженного. На скуле у него уже вздулась шишка, а из порванной губы сочилась кровь.

– Ты живой? – спросила она почти с криком.

Он дотронулся до скулы и вздрогнул от боли.

– Бывало и похуже…

Она оглядела перевернутую мебель.

– Ты только посмотри на этот кавардак! Очень хотелось бы знать, зачем ты все это устроил, – возмутилась она, но он схватил ее за руку.

– Не прикасайся ко мне!

– Да ты в крови!

– Что?!

Она проследила за его взглядом и увидела пятно крови, насквозь пропитавшей рукав, с которого капало на плитняк. В тот же момент организм приказал ей отключиться, покачнувшись, она обмякла и села на пол. Сквозь туман она почувствовала, как ее усадили поудобнее, затем услышала звук распарываемого рукава, кто-то стал осторожно ощупывать руку.

– Расслабься… – пробормотал он, – ничего страшного, надо только наложить несколько швов, только и всего, а пока дыши поглубже.

– Не трогай меня, – пролепетала она, но, как только попыталась поднять голову, вся терраса поехала в сторону. Она различила расплывающиеся очертания изумленных свидетелей происшедшего: итальянцы что-то обсуждали и качали головой, официанты стояли раскрыв от ужаса рот. Американец же с беспокойством в глазах следил за ней. Она попыталась навести на нем резкость и, несмотря на головокружение, отметила, что глаза его излучают тепло и спокойствие. Наконец появился менеджер гостиницы, смертельно испуганный хилый англичанин в превосходном костюме. Официанты стали тыкать в Гая пальцем, менеджер заохал и неодобрительно закачал головой, взирая на потери, понесенные гостиницей.

– Это кошмар какой-то, – пробормотал он, – нет, у меня в гостинице я такого не потерплю, вы остановились здесь? Ах нет? – Тут он повернулся

к одному из официантов: – Вызовите полицию, я требую, чтобы этого человека арестовали.

– Да вы что тут все, ослепли? – заорал Гай. – Неужели никто из вас не заметил, что ее пытались убить?!

– Как? Что? Кто?

Гай разворошил осколки на полу и выудил орудие.

– У вас такими на кухне пользуются? – спросил он, подняв кверху нож явно боевого назначения, с острым как бритва клинком, с украшенной перламутром эбонитовой ручкой. – Этот нож предназначен для метания.

– Чушь собачья, – прошипел менеджер.

– Да вы посмотрите на ее руку!

Менеджер обратил взгляд на Вилли и на окровавленный рукав и в ужасе отшатнулся.

– Боже, боже мой, я вызову доктора!

– Не стоит затрудняться, – сказал Гай и подхватил Вилли на руки, – я довезу ее до больницы сам, так будет быстрее.

Вилли дала себя поднять. От Гая исходил запах, вызывающий доверие, – этакое мужественное сочетание пота и лосьона после бритья. Пока он нес ее через террасу, на них глазели изумленные официанты и зеваки из числа постояльцев.

– Какой стыд, – пожаловалась она, – опусти меня, я уже в порядке.

– Отключишься, если опущу.

– Да я ни разу в жизни не отключалась!

– Ладно, давай потом это обсудим.

Он погрузил ее в такси, и она забилась на заднее сиденье, словно раненый зверь.

Доктор в амбулатории не признавал анестезии, Вилли, в свою очередь, не могла позволить себе кричать, и всякий раз, как кривая хирургическая игла впивалась ей в руку, она стискивала зубы и молилась, чтобы этот чудак американец был рядом и держал ее за руку. Ну зачем она строила из себя «железную леди», зачем отправила его

ждать снаружи? Даже теперь, когда у нее вот-вот от боли польются слезы, ей так не хотелось признаваться самой себе в том, что ей нужен мужчина, который держал бы ее за руку. И все-таки как было бы хорошо… было бы просто здорово.

«А ведь я по-прежнему не знаю его имени».

Доктор, который вызвал у нее подозрения в садистских наклонностях, закончил последний шов, оборвал нить и дружелюбно произнес:

– Ну вот видите, все не так уж и плохо.

В ответ ей захотелось дать ему в зубы и сказать: «Ну вот видишь, у тебя тоже все не так уж плохо».

Доктор перебинтовал ей руку, похлопал дружески – непременно по этой же руке! – и отправил ее ожидать в приемную.

Гай ходил туда-сюда по приемной комнате; весь в ссадинах и царапинах, он был похож на залетного бомжа с улицы, при этом во взгляде светились тепло и забота о ней.

– Как рука? – спросил он.

Она осторожно дотронулась до плеча.

– В этой стране что, новокаин людям не полагается?

– Разве что нытикам, а ты у нас, похоже, не из таких.

За окном царило марево ночи. Такси было не поймать, и они наняли «так-так» – мотоцикл с паланкином, за рулем которого сидел беззубый таец.

– Ты так и не сказал, как тебя зовут, – пыталась перекричать она рев мотора.

– Я думал, тебе это неинтересно.

– Теперь, значит, мне надо бы упасть на колени и умолять, чтобы ты представился.

Ухмыляясь, он протянул ей руку:

– Гай Барнард. Нельзя ли и мне узнать твое полное имя?

Она пожала ему руку:

– Виллоун.

– Необычно. И славно.

– Это сокращение от Вильгельмина, чтобы было как можно больше похоже на Уильяма Мэйтленда-младшего.

Он ничего не ответил, но по его глазам она увидела, что он сильно чем-то заинтересовался, но было неясно чем. Медленно тащившийся «так-так» миновал клонг[1], стоялые воды которого мерцали в свете фонарей.

– Мэйтленд… – произнес он безучастно, – в войну, помнится, это имя было на слуху. Был такой летчик – Дикий Билл Мэйтленд, работал в «Эйр Америка», вы, случайно, никак не связаны?

Она отвернулась в сторону.

– Это мой отец…

– Да ну?! Так ты кровинка Дикого Билла Мэйтленда?

– Ты же наверняка слышал про него, ведь так?

– А кто не слышал? Это была живая легенда, можно сказать, на одной высоте с самим Магуном Землетрясение[2].

– Вот-вот, – процедила Вилли, – мне от него тоже досталась одна только легенда…

Они замолчали, и она подумала, не покоробила ли Гая Барнарда эта едкая фраза.

Если и да, то он умело скрыл это.

– Я в общем-то не был лично знаком с твоим отцом, но однажды видел его в Дананге, на взлетной полосе, я тогда был в наземной команде.

– Это в «Эйр Америка»?

– Нет, в «Арми эйр кэв»[3], – он сделал показную отмашку рукой, – рядовой первого класса[4]Барнард. Из низов, знаешь ли, в общем, самый отстой.

– Я смотрю, ты здорово поднялся с тех пор.

– Да уж… – он усмехнулся, – короче, старик твой посадил С-46, моторы в дыму, горючего ноль, фюзеляж прострелен так, что через него пейзаж

виден. Посадил «птичку» на гудрон как ни в чем не бывало, вылез и давай осматривать пробоины от пуль. Любой другой на колени бы упал, землю бы от счастья целовал, а твой папаша просто пожал плечами и пошел в тенек покемарить. – Гай покачал головой: – Твой отец был не как все.

– Все мне постоянно это твердят.

Вилли смахнула прядь волос с лица, ей не хотелось, чтобы он больше говорил о ее отце. Ведь опять повторялась старая история. Когда она была ребенком, во Вьентьяне, на каждой вечеринке, или на коктейлях, кто-нибудь из летчиков непременно выдавал очередной рассказ про Дикого Билла. Все пили за его выдержку, его смелость, за его лихой юмор, до тех пор пока ей уже не хотелось взвыть. Все эти рассказы лишь показывали, какую маленькую роль они с мамой играли в жизни отца. Может быть, поэтому Гай Барнард начинал раздражать ее. Но тут было и еще что-то, помимо разговоров о Билле Мэйтленде. Чем-то неуловимо Гай до ужаса напоминал ей ее отца.

«Так-так» вдруг наскочил на кочку на дороге, и она столкнулась с плечом Гая. Пронизывающая боль прошла через руку, и все тело ее сковало судорогой.

Он взволнованно посмотрел на нее:

– Ты в порядке?

– Я… – она прикусила губу, чтобы не прослезиться, – что-то мне совсем больно стало.

Он прикрикнул на водителя, чтобы тот замедлил ход, а потом взял в свои руки маленькие кисти Вилли, крепко держал их.

– Осталось совсем немного, почти приехали…

Долгой, очень долгой казалась дорога до гостиницы. В номере Гай усадил ее на кровать, нежным движением поправил ее волосы.

– У тебя есть какие-нибудь обезболивающие?

– Есть… есть аспирин в ванной, я пойду возьму сама…

– Нет уж, сиди и не двигайся.

Он сходил в ванную и вернулся со стаканом воды в руках и пузырьком с аспирином.

Несмотря на боль, застилавшую глаза, она ясно ощущала, что он смотрит на нее, наблюдая за тем, как она глотает таблетки. Ей было странно спокойно рядом с ним, она даже почувствовала себя покинутой, когда он повернулся и отошел на миг в другой конец комнаты. Она увидела, как он стал перебирать содержимое крохотного холодильника.

– Что ты ищешь?

– Уже нашел.

Он вернулся с маленькой бутылочкой виски и, отвернув крышку, протянул ей.

– Жидкая анестезия, средство скорее народное, но зато проверенное.

– Я не люблю виски.

– Да тебе и не нужно его любить, лекарства вообще не должны быть приятными на вкус.

Она кое-как сделала глоток. По горлу и дальше вниз разошелся жар.

– Благодарю… что ли, – промямлила она.

Он стал медленно ходить по комнате, оглядывая плюшевую мебель, потом бросил взгляд на вид из окна, раздвинув стеклянные двери балкона. Снизу, с реки Чаофья, доносилось рычание моторных лодок, мчащихся по воде. Потом он подошел к тумбочке, взял из корзины с фруктами для гостей китайскую сливу и очистил ее от колючей кожуры.

– Ничего так номерок, – констатировал он, поглощенный поеданием сливы. – Не сравнить с этой дырой, отелем «Либерти», в которой обитаю я. А кем ты работаешь?

Она глотнула из стакана виски и поперхнулась.

– Я летчик.

– Прямо как отец.

– Не совсем. Я летаю для заработка, а не для кайфа, хотя деньги небольшие, на грузовой авиации много не сделаешь.

– Но и не маленькие, судя по твоей гостинице.

– Я не плачу за номер.

Он удивленно поднял брови:

– А кто же платит?

– Моя мама.

– О, она сама щедрость.

Его саркастический тон вызвал в ней раздражение. Какое он имеет право совать нос в ее дела. Посмотрите-ка на него! Этот бродяга со следами побоев на лице стоит и жует ее фрукты, любуется ее видом из окна. Ветер растрепал его волосы во все стороны во время поездки на «так-таке», а глаз распух так, что практически закрылся. И почему она вообще терпит этого придурка?!

Он с любопытством разглядывал ее.

– А еще за что-нибудь мама платит? – спросил он.

Она вперила в него взгляд.

– Да, за устройство собственных похорон. – Она с удовольствием отметила, с какой быстротой исчезла нахальная улыбочка с его лица.

– Как-как? Твоя мама что, умерла?

– Нет, но она умирает.

Она устремила взгляд в окно, на фонари вдоль набережной. На секунду они заплясали у нее в глазах словно светляки, тогда она сглотнула, и фонари снова обрели резкость.

– Господи, – она устало запустила в волосы руки и вздохнула, – какого лешего я здесь делаю?

– Я так понимаю, ты здесь не на отдыхе?

– Правильно понимаешь.

– А зачем тогда?

– Гоняюсь за привидением.

Она допила остатки виски и поставила стакан на тумбочку.

– Таково мамино предсмертное желание, а последнее желание это святое, – она взглянула на него, – так ведь?

Не сводя с нее глаз, он погрузился в кресло.

– Помнится, ты говорила, что приехала сюда по семейному делу, а с твоим отцом это как-то связано?

Она кивнула.

– Ты поэтому сегодня ходила к Кистнеру?

– Мы рассчитывали, ну то есть я рассчитывала, что он прольет свет на то, что произошло с отцом.

– А почему Кистнер? Ведь в его ведомство потери в боях не входят.

– Да, но входит военная разведка. В 1970-м Кистнер получил назначение в Лаос, и именно под его началом мой отец в последний раз поднялся в воздух. Он же руководил поисками упавшего самолета, если это можно назвать поисками.

– Ну и что же Кистнер, сообщил тебе что-то новое?

– Все, что он сказал, я знала и раньше. Сказал, что прошло двадцать лет, и нет смысла продолжать поиски, что отца нет в живых, а найти его останки не представляется возможным.

– Тебе, должно быть, тяжело было услышать все это – поехать в такую даль и остаться ни с чем.

– Тяжело будет маме.

– А тебе?

– Да не особенно.

Она поднялась с кровати и проследовала на балкон.

– Скажу тебе прямо, мне нет никакого дела до отца, – сказала она, глядя вниз, на воду.

Ночной воздух был наполнен запахами реки. Она знала, что Гай смотрит на нее, чувствовала спиной его взгляд и представляла изумление на его лице. Еще бы тут не изумиться! То, что она сказала, было ужасно, и тем не менее это было правдой.

Она скорее почувствовала, чем услышала, как он подошел. Он встал рядом и оперся о перила балкона. Свет от фонарей на набережной вычертил темным силуэтом его лицо.

Она не сводила глаз с мерцающей реки.

– Ты не представляешь себе, что это такое – быть дочерью человека-легенды. Всю жизнь я только и слышу, какой он был смельчак, какой герой. Да что там, конечно же ему самому нравилось быть знаменитым.

– Многим мужчинам это нравится.

– А сколько женщин страдает из-за этого?

– Твоя мать страдала?

Она вскинула глаза к небу.

– Моя мать…

Она помотала головой и засмеялась.

– Ну хорошо, хочешь, я расскажу тебе про маму? Она была певицей в ночных клубах, в лучших клубах Нью-Йорка. Помню, как-то листала ее дневник и наткнулась на вклейку, это был отзыв о ней какого-то репортера с такими словами: «Ее голос словно плетет волшебную паутину, и всякий слушатель неизбежно попадает в нее». Перед ней были открыты все дороги. Но тут она вышла замуж.

Была первой строчкой в афише, а стала примечанием в мужском романе. Несколько лет мы жили во Вьентьяне, и за все время от нее не слышно было ни слова жалобы, хотя ей так хотелось вернуться домой. Она перерывала все полки в магазинах, чтобы найти хоть что-то стоящее к столу. Взрывы смеха против взрывов ручных гранат! Да, отец прослыл героем, но вырастила-то меня она.

Вилли взглянула на Гая:

– Наверное, так и должно быть в жизни, да?

Он не ответил. Она снова стала смотреть на реку.

– Когда у отца закончился контракт с «Эйр Америка», мы какое-то время пожили в Сан-Франциско, отец работал на внутренней авиалинии. Ну а мы… мы с мамой наслаждались жизнью, жизнью в городе, где не услышишь взрыва мины или гранаты. Однако… – она вздохнула, – однако продолжалось это не долго. Отца одолела скука, полагаю, ему не хватало привычного выброса адреналина в кровь. Ну и славы. Вот он и поехал обратно.

– Они развелись?

– Он развода не просил, да мама и не стала бы слушать, она любила его. – Голос ее дрогнул. – Она до сих пор его любит.

– Он один в Лаос уехал, да?

– Подписал контракт еще на два года. Видимо, ему больше подходила компания безбашенных каскадеров. Они там все такие были, эти летчики, – все добровольцы, не по призыву, все дергали смерть за усы. Думаю, что по-настоящему они переживали жизнь, только когда летали, только тогда им и «вставляло». Бьюсь об заклад, что отец поймал свой самый большой кайф именно тогда… перед самым концом.

– А ты тут как тут, через двадцать лет.

– Вот-вот, тут как тут.

– Ищешь человека, на которого тебе наплевать. Как же так?

– Да я не по своей воле, это желание моей матери. Ей никогда много не нужно было, ни от меня, ни от кого бы то ни было. Но тут дело другое, ей просто необходимо знать правду.

– Последнее желание умирающего.

Вилли кивнула.

– Единственное преимущество ракового заболевания: у тебя остается время, чтобы расставить точки над i. А в случае с моим отцом этих точек целая куча.

– Но Кистнер дал тебе ответ: отец мертв, разве это не ставит точку?

– После всей той лжи, которую на нас вывалили, не ставит.

– Кто же вам лгал?

Она засмеялась:

– Спроси лучше, кто не лгал. Уж поверь, мы обили все пороги. Были в комитете по потерям на войне, были в разведуправлении, были в ЦРУ. И везде твердят одно: забудьте про это.

– Может быть, они не так уж и не правы?

– А может быть, они скрывают правду?

– Какую же?

– Что отец выжил при падении.

– У тебя есть доказательства?

С секунду она испытующе смотрела на Гая, прикидывая, сколько информации ему можно доверить, и удивляясь тому, что уже столько всего доверила. Она ничего о нем не знала, за исключением того, что у него есть чувство юмора и что у него хорошая реакция. А еще, что глаза карие, а улыбка кривая, как не знаю что. И еще, что он был самым привлекательным мужчиной из всех, кого она встречала. Это последнее наблюдение было для нее как гром среди ясного неба. Он действительно был привлекательным. При этом она не смогла бы точно сказать, что именно делало его таким. Может быть, это – его самообладание, то, как уверенно он держался. А может, во всем виновато чертово виски. Вот поэтому-то ей было так жарко изнутри, а в коленях появилась такая слабость, что казалось, она вот-вот упадет, ей пришлось ухватиться за перила.

– Нам с мамой намекнули… в общем, нам дали понять, что от нас что-то скрывают.

– И намекам этим можно верить?

– Ты бы поверил очевидцу?

– Смотря какому очевидцу.

– Житель из деревни Лао.

– Он видел твоего отца?

– Нет, в том-то все и дело, что не видел.

– Путаница какая-то.

– Сразу после падения самолета, – пояснила она, – товарищи отца распространили листовки с обещанием о награде в два килограмма золота тому, кто обнаружит следы крушения. Листовки раскидали по всей границе и по всей площади Патет-Лао. А спустя несколько недель из джунглей за наградой явился человек. Он сказал, что нашел останки самолета, что самолет упал сразу за чертой вьетнамской границы. Он дал точные описания самолета, вплоть до номера на хвосте. При этом он голову давал на отсечение, что в самолете было только двое погибших – один в кабине и один в салоне. Экипаж самолета состоял из трех человек.

– А что сказали исследовавшие самолет?

– Сведения мы получили не от них, а позже, из пакета с секретными материалами, засунутого в наш почтовый ящик, на нем от руки было написано «От друга». Я так думаю, что это один из друзей отца из «Эйр Америка» прознал что-то о сокрытии информации и решил поставить семью в известность.

Гай застыл на месте, как кошка в тени. Когда он заговорил, она по голосу услышала, что он проявляет очень и очень большой интерес.

– И что сделала тогда твоя мать?

– Она, конечно, уцепилась за это, она бы ни за что не свернула в сторону. Она трясла ЦРУ и «Эйр Америка», но без толку. А потом ей несколько раз звонили, говорили, чтобы она держала язык за зубами.

– А если не будет держать?

– А если нет, то ей про отца откроется такое, чего она и сама знать не захочет, в общем, настоящий позор.

– В смысле, любовницы? Или что?

Они дошли до того места, где эта история начала приводить Вилли в ярость, и ей пришлось собраться с силами, прежде чем продолжить рассказ.

– Они заявили, что... – она перевела дыхание, – что отец работал на вражеской стороне, что он был предателем.

Возникла пауза. Гай произнес нарочно очень мягким голосом:

– Ну и ты, конечно, не веришь этому?

Она чуть не поперхнулась:

– Я?!! Да еще бы, черт возьми, я этому поверила! Да ни единому слову.

Они просто-напросто запугать нас хотели таким способом, чтобы мы прекратили докапываться до истины. Это не единственная уловка, к которой они прибегли. Мы продолжали задавать им вопросы, и тогда они прекратили выплачивать пособие за отца, а оно к тому времени выросло до нескольких десятков тысяч. Так или иначе, мы крутились по разным инстанциям в попытке добыть хоть какие-то сведения. Потом война закончилась, и у нас появились все основания узнать, что же произошло. Стали возвращаться солдаты, по телевизору начали

показывать встречи с родными. Ну и тяжело же было маме видеть все эти воссоединения с семьей, слушать Никсона, вещавшего про отважных мужчин, наконец-то вернувшихся домой, – к ней-то не вернулись. И тогда нас поразила весть о бойце из экипажа отца, который выжил и вернулся домой.

Гай аж вытянулся от удивления.

– Значит, кто-то спасся?

– Луис Валдес – авиагрузчик, он спрыгнул с парашютом, когда самолет стал падать.

Его схватили почти сразу же после приземления. Пять лет он провел в плену в северовьетнамском лагере.

– Но разве это не объясняет нехватку еще одного тела в самолете? Ну раз Валдес выпрыгнул…

– Там был еще кто-то. В тот же день, как Валдес прибыл на родину, он позвонил нам. Я взяла трубку. Я слышала по голосу, что он был напуган.

Ему было сделано предупреждение в контрразведке, чтобы он держал язык за зубами, но чувство долга перед отцом заставило его сообщить нам о происшедшем. Он сказал, что на борту того самолета был пассажир, некий Лао, который якобы был уже мертв к тому времени, когда самолет начал падать, что тело в кабине, скорее всего, принадлежит помощнику летчика, Козловскому. Таким образом, все равно остается недостающее тело.

– Твой отец.

Она кивнула.

– С этой новостью мы снова идем в Си-ай-эй, а они, представляешь, отмели даже возможность присутствия на борту какого-либо пассажира, говорят, что из груза были только запчасти для самолетов.

– А что сказали в «Эйр Америка»?

– Они утверждают, что у них нет никаких записей о пассажире.

– Так у тебя же было показание Валдеса.

Она покачала головой:

– После того звонка, в тот самый день, когда он должен был прийти к нам, он застрелился. Самоубийство. Так, по крайней мере, было сказано в отчете полиции.

Гай надолго замолчал, и ей стало ясно, что он потрясен.

– Не подкопаешься… – пробормотал он.

– Впервые в жизни я видела свою мать по-настоящему напуганной. Она боялась не за себя, а за меня. Ей было страшно подумать, что может теперь случиться, на что они могут пойти. В итоге она спустила все на тормозах. До тех пор пока…

– Как, было еще что-то?

Она кивнула:

– Примерно через год после смерти Валдеса забавная штука произошла с банковским счетом моей матери, там вдруг оказалось лишних пятнадцать тысяч. В банке смогли узнать лишь то, что денежный перевод был сделан из Бангкока. А еще через год появилась новая сумма, на этот раз около десяти тысяч.

– Столько денег, и она так и не узнала, от кого они пришли?

– Нет. Все эти годы она пыталась выяснить, предполагала, что это мог быть один из товарищей отца, а то и он сам!

Вилли покачала головой и вздохнула.

– Так или иначе, несколько месяцев назад у мамы обнаружили рак и она почувствовала острую необходимость узнать правду. Сама она поехать уже не может, слишком больна, вот и попросила меня. А теперь передо мной стена. Глухая. Такая же, какая была перед мамой двадцать лет назад.

– Может, ты просто не тех спрашиваешь?

– А кто же такие тогда те?

Гай неторопливо приблизился к ней:

– У меня есть связи.

Их руки соприкоснулись на перилах, Вилли почувствовала, как сладкая волна прокатилась от кисти до плеча. Она отдернула руку.

– Что за связи?

– Друзья по работе.

– Так кем же ты все-таки работаешь?

– На мне подсчет погибших, личные знаки. Работаю на лабораторию опознания.

– А-а. так ты военный.

Гай засмеялся и облокотился на перила.

– Боже упаси. После Вьетнама я из армии ушел, пошел учиться, получил диплом по археологическим раскопкам, специальность – скелетная антропология, с упором на Юго-Восточ-ную Азию. Короче, поработал в музее какое-то время, потом смотрю, а в армии-то зарплаты получше, ну и пошел туда. Работал по контракту как гражданское лицо. Те же кости, только теперь у них есть имена, звания и порядковые номера.

– Так ты поэтому летишь во Вьетнам?

Он кивнул:

– Надо забрать на экспертизу очередные порции останков в Сайгоне и Ханое.

Порции останков – прозвучало так сухо, по-больничному, а ведь когда-то это были живые люди.

– У меня есть кое-какие знакомые, – сказал он, – можно помочь.

– С чего бы это вдруг?

– Ты меня заинтриговала.

– Вот как? Одно простое любопытство, и все?

Тут он сделал то, что заставило ее всю содрогнуться: он протянул руку и провел по ее растрепанным волосам. Шею словно обожгло, когда он слегка коснулся ее пальцами. Она застыла на месте, не зная, как ей реагировать на такой внезапный прилив нежности.

– Ну а что, если я просто примерный парень? – шепотом произнес он.

«О боже! Он собирается меня поцеловать, – подумала она, – он собирается поцеловать, а я не буду против, и что же последует за этим, скажите пожалуйста?»

Она откинула в сторону его руку и отпрянула на шаг назад.

– Примерных парней не бывает.

– Боишься мужчин?

– Не боюсь я мужчин, но и верить им тоже нельзя.

– Однако, – в его голосе звучала усмешка, – ведь ты же впустила меня в свой номер.

– Ну так вот, наверное, пора и выпустить.

Она прошествовала по комнате и, дернув за ручку, распахнула входную дверь.

– Или, может быть, тебе непонятно?

– Мне? – К ее удивлению, он проследовал за ней к выходу. – Я всегда очень понятлив.

– Как же!

– К тому же я бы и не смог остаться у тебя сегодня вечером, у меня есть дела поважнее.

– Ах вот как?

– Вот так.

Он взглянул на дверь:

– Хороший у тебя засов. Непременно им воспользуйся и, мой тебе совет, не выбирайся сегодня из номера.

– Вот проклятье, а я как раз собиралась выйти.

– Да, и если я тебе понадоблюсь, – выходя, он обернулся к ней с улыбкой до ушей, – я остановился в отеле «Либерти», заходи в любое время.

Она хотела было выпалить «можешь расслабиться, не зайду», но не успела и рта раскрыть, как он вышел. А ей осталось только смотреть на закрытую дверь.

Глава 3

Тобиас Вольф крутанул колеса руками и развернулся в коляске от шкафа со спиртным лицом к старому другу.

– На твоем месте я бы не стал совать нос в это дело, Гай.

В последний раз они виделись пять лет назад. У Тоби по-прежнему было тело атлета, по крайней мере от пояса и выше. За пятнадцать лет сидения в коляске плечи и руки у него еще больше раздались. И все-таки годы брали свое. Тоби было почти пятьдесят, и он не выглядел моложе. Лохматая, как у Бетховена, голова его была почти вся седая, а лицо одутловатое и мокрое от тропической жары. Но взгляд темных глаз не утратил своей цепкости.

– Послушай совета верного пса при компании, – сказал он, протягивая Гаю стакан со скотчем, – не бывает случайных встреч, все они подстроены.

– Совпадение или нет, – сказал Гай, – а Вилли Мэйтленд может обеспечить долгожданный прорыв в моем деле.

– Ну или наоборот, создать одни проблемы.

– А что я теряю?

– Ну скажем, жизнь.

– Прошу тебя, Тоби! Ты же единственный, от кого я могу чего-то добиться.

– Сколько лет уже прошло. Да я и не был непосредственным участником тех событий.

– Но ведь ты был во Вьентьяне, когда это произошло, ты должен помнить хоть что-то по делу Мэйтленда.

– Только то, что витало в воздухе, ничего определенного. Блин, там царила дикая неразбериха! Слухи ходили такие, из каждой мухи слона делали.

– Но ведь были и слоны, ведь так? Типа вашего секретного отряда…

Тоби пожал плечами:

– Нам дали задание – мы его выполнили, вот и все.

– Вспомни, кто занимался Мэйтлендом?

– Это должен был быть Майк Микльвейт. Мне известно, что именно он допрашивал того сельчанина, того, что пришел за наградой.

– И что, его данные оказались правдоподобными?

– Не думаю. По крайней мере, никакого вознаграждения он не получил.

– А почему семья Мэйтленда не была оповещена обо всем этом?

– Вот еще! Мэйтленд не был обычным призывничком, он работал на «Эйр Америка», а значит, на ЦРУ. Про такие задания не болтают. Мэйтленд знал, на что шел.

– Его семья имеет полное право знать все, что всплывет на поверхность.

Гай вспомнил, как нелегко было информации дойти до Вилли и ее матери.

Тоби расхохотался:

– Ты что, забыл, что там шла еще и подпольная война, да нас вообще не должно было быть в Лаосе. Никому и дела не было до того, чтобы информировать о происходящем семьи.

– Была ли еще какая-то причина того, что обо всем умолчали? Скажем, что-нибудь связанное с неким пассажиром?

Брови у Тоби подскочили вверх.

– А про это ты от кого услышал?

– От Вилли Мэйтленд, она сказала, что там был некий Лао. Все как один отрицают факт его существования, из чего я делаю предположение, что он был фигурой очень непростой. Так кто же он был?

– Я не знаю.

Тоби развернулся в коляске и стал глядеть в открытое окно. Из мрака доносились звуки и запахи с улиц Бангкока. Жарили на решетках мясо, смеялись женщины, тарахтел «так-так».

– Там много всякого творилось, и такого, о чем мы помалкивали, а то даже и стыдились говорить. Возьми всех этих агентов да контрагентов, да генералов, да солдат удачи – каждый тянул одеяло на себя, норовя разбогатеть, да побыстрее. Как же мне хотелось удрать оттуда. – Он

хлопнул рукой по колесу кресла. – И вот, пожалуйста, посмотри на меня, называется, вышел на заслуженный отдых.

Он откинулся на спинку и вздохнул, глядя в ночь.

– Пусть все идет как идет, Гай, – ну, даже если ты и прав про Мэйтленда и кому-то действительно нужно убрать его чадо, не ходи по лезвию бритвы, Гай.

– Вот в этом-то все и дело, Тоби! Почему это лезвие до сих пор режет? Почему после стольких лет девчонка Мэйтленда так действует им на нервы? Что такого она может открыть?

– Она вообще догадывается, во что влезла?

– Сомневаюсь, но такую не остановишь, вся в отца пошла.

– То есть от нее жди неприятностей? Ну и как ты думаешь заставить ее работать на тебя?

– Вот над этим я как раз сейчас и ломаю голову.

– Ну, всегда можно поиграть в Ромео.

Гай расплылся в улыбке:

– Да, это вариант.

В сущности, как раз этот вариант весь вечер Гай обкатывал в уме. И не потому, что он был столь уверен в успехе. Она была привлекательной особой, и он сгорал от любопытства, что же скрывается под маской суровой недотроги.

– А другой путь, – сказал Тоби, – просто рассказать ей, что это не она тебе нужна, а три миллиона наградных.

– Два.

– Два или три, какая разница? Целая куча бабла.

– И эта куча может мне помочь в сборе информации, – тихо, но значительно произнес Гай.

– Ну хорошо, – вздохнул Тоби, и тут только он развернулся в коляске, удостоив Гая внимания, – тебе нужно имя, пожалуйста – не важно, пригодится оно тебе или нет, – попробуй поищи Алана Жерара – француз, в настоящее время проживает в Сайгоне. У него были тесные

связи в компании, он должен знать всю чертовщину, которая творилась во Вьентьяне.

– В компании? Бывший спец, и вдруг живет в Сайгоне? Почему же вьетнамцы не выдворили его?

– Они в нем заинтересованы. Во время войны он промышлял тем, что экспортировал, скажем так, «сырые» медикаменты. А теперь, когда Штаты ввели санкции и отрезали Вьетнам от западных поставщиков, он оказывает им гуманитарную помощь – ввозит в страну из Франции медикаменты, антибиотики, пленки для рентгена, а они ему за это позволяют там жить.

– Ему можно верить?

– Он же был в компании.

– Так значит, нельзя…

Тоби крякнул:

– Но мне-то ты веришь.

– Ты другое дело.

– Это только потому, что я твой должник, Гай. Хотя я частенько думаю, что тебе надо было оставить меня гореть в том самолете. – Тоби потер бесчувственные ляжки: – Кому нужен получеловек?..

– Не ногами едиными сыт человек, Тоби.

– Ха! Скажи это дядюшке Сэму!

Мощными руками Тоби усадил самого себя в кресле поудобнее.

– Когда ты отбываешь в Сайгон?

– Завтра утром. Я отсрочил полет на несколько дней.

Ладони Гая покрылись потом, как только он подумал о самолете компании «Эйр Франс».

Чтобы заглушить эту мысль, он залпом опрокинул хорошую порцию скотча.

– Если б мог – ей-богу, на корабле бы поплыл.

Тоби засмеялся:

– По-прежнему боишься летать, да?

– До холодного пота и всего прочего…

Он поставил пустой стакан на стол и направился к выходу.

– Спасибо за вискарь. И за наводку.

– Я посмотрю, какие еще есть ходы, – остановил его Тоби, – у меня сохранились связи внутри страны, авось удастся найти кого-нибудь, чтобы за тобой присмотреть там, во Вьетнаме, ну и за ней тоже. Кстати, а этой-то ночью есть кто на стреме рядом с ней, если что?

– Кореша Пуапонга постерегут ее, они никого к ней не подпустят до самого аэропорта.

– А дальше как?

Гай задержался в дверях:

– Потом мы будем уже в Сайгоне, а там безопаснее.

– В Сайгоне? – Тоби помотал головой. – Зря ты так считаешь.

В клубе «Бонг-бонг» царила страшная толкотня, у сцены шумели пьяные мужчины, пытались хватать руками танцующих девиц с пустыми глазами. Никому не было дела до столика в темном углу, за которым сидели двое.

– Вы меня сильно разочаровали, мистер Си-анг. Я думал, вы профессионал и работа будет выполнена, а выясняется, что женщина до сих пор жива.

От обиды лицо Сианга окаменело. Он не привык к таким промашкам, равно как и к критике. Краснея и радуясь темноте, скрывающей его лицо, он поставил стакан с водочным коктейлем на стол.

– Поверьте, возникла совершенно непредвиденная помеха, тот человек…

– Да-да, американец, мне сказали. Некий мистер Барнард.

Сианг был ошеломлен:

– Вы уже знаете его имя?

– Знать все – это моя работа.

Сианг притронулся к разбитому лицу, и его передернуло. Этот мистер Барнард бьет будь здоров, попадись он ему еще раз – получит за причиненное унижение.

– Завтра женщина улетает в Сайгон, – сказал человек.

– Завтра? – Сианг помотал головой. – Мне не хватит времени.

– У вас есть сегодняшний вечер и ночь.

– Вечер? Это невозможно.

На самом деле предыдущие четыре часа Сианг уже потратил на попытки пробраться к ней, но швейцар, словно сторожевой пес, не смыкал глаз за стойкой с ключами, а консьерж и не думал покидать свой пост у дверей лифта, рассыльный же сновал туда-сюда по залу. Жертва была недосягаема. Сианг хотел было пролезть к ней через балкон, но его план нарушили двое бродяг, расположившихся прямо под ее окном на набережной. Бродяги, хотя и выглядели страшновато, не представляли никакой угрозы для такого человека, как Сианг, и все же он опасался испортить дело очень некрасивой сценой.

Таким образом, его репутация теперь была под угрозой.

– Дело приобретает крайнюю срочность, – сказал человек, – и оно должно быть сделано незамедлительно.

– Но она улетает уже завтра, я не могу дать гарантий.

– Значит, завершите операцию в Сайгоне. Тут или там – но выполнить ее надо.

– Сайгон? Нет, мне туда нельзя.

– Вы поедете под видом участника дипломатической миссии из Таиланда. Скажем, атташе по культурным делам. Я лично позабочусь о необходимых документах.

– На вьетнамском блокпосту очень строгая проверка, мне не удастся ничего провезти…

– Дипломатическая почта отправляется два раза в неделю, следующая отправка через три дня, я посмотрю, что можно переслать из оружия, а

до тех пор вам придется действовать по обстоятельствам, подручными средствами.

Сианг погрузился в молчание, раздумывая, каково ему будет снова оказаться на улицах Сайгона.

Он подумал про Шантель, сколько лет прошло с их последней встречи. Злилась ли она на него за то, что он бросил ее там одну? Конечно злилась. Она была злопамятна. Но ему нужно было снова найти путь к ее сердцу. Вряд ли это будет затруднительно. Жизнь во Вьетнаме теперь нелегкая, особенно для женщины, а Шантель любила комфорт, и, если не пожалеть денег на некоторые удобства, от нее можно было добиться чего угодно, душу могла продать за них.

Он хорошо понимал эту женщину.

– Предстоят расходы, – произнес он.

– Я не жадный, и вам это хорошо известно.

Сианг уже соображал, что ему понадобится.

Старая одежда – какие-нибудь поношенные рубашки да выцветшие штаны – чтобы не выделяться в толпе. Сигареты, мыло, бритвы – атрибуты уличного менялы. И разумеется, гостинцы для Шантель…

Он кивнул. Выгодная сделка у него в кармане.

– И последнее, – сказал человек, вставая из-за стола.

– Слушаю вас.

– Похоже, в дело вмешались посторонние. Компания, возможно. Этого зверя лучше не будить. Посему я попрошу вас, как можно меньше крови. Чтобы никто, кроме женщины, не был затронут. Никто.

– Я вас понял.

Человек ушел, и Сианг остался сидеть в углу, наедине со своими размышлениями. Он вспоминал Сайгон. Неужели уже пятнадцать лет прошло? Последние воспоминания о городе предстали в виде лиц полных ужаса, какие-то руки, проскакивающие через дверь вертолета, рокочущие лопасти пропеллера, облака пыли от обваливающихся крыш домов.

Сианг сделал большой глоток коктейля и поднялся, чтобы уйти. В этот же момент раздались хлопки и свист в толпе у сцены. Свет прожектора

освещал загорелую девицу в неглиже, бедра которой обвивал восьмифутовый удав. Дрожь прошла по телу девушки, когда змея заскользила по ней вниз между ног.

Мужчины громко выражали восторг. Сианг оскалился. Ах, старый добрый клуб «Бонг-бонг», всегда здесь увидишь что-нибудь новенькое.

Сайгон

Стоя в саду на крыше отеля «Рекс», Вилли наблюдала столпотворение велосипедов на перекрестке улиц Ле-Лой и Нгуен-Хью. Казалось, еще чуть-чуть и столкновения не избежать.

Велосипедисты на полном ходу неслись по улице, не обращая никакого внимания на отчаянного пешехода, в одиночестве преодолевающего опасный отрезок. Вилли так болела за бедолагу, что до нее едва доходил голос правительственного гида.

– А завтра мы отвезем вас на машине в Национальный дворец, где, купаясь в роскоши, восседало марионеточное правительство; затем мы поедем в Музей истории, где вы узнаете о борьбе нашего народа против китайских и французских империалистов. А на следующий день вы попадете на лакокрасочную фабрику, где сможете приобрести множество замечательных сувениров. Затем…

– Мистер Айнх, – вздохнула Вилли и, наконец, повернулась к гиду, – все это, конечно, звучит очень заманчиво, весь этот ваш план посещений, но вам не приходило в голову, что у меня могут быть и свои дела?

Айнх моргнул. Он был тонким как спичка, но его лицо при этом дышало ангельским здоровьем и было немного совиным из-за толстых очков.

– Мисс Мэйтленд, – в голосе его звучала обида, – я организовал для вас личное авто, а также изысканную трапезу.

– Я вам очень признательна, но…

– Неужели вы не удовлетворены вашей программой экскурсий?

– Вы знаете, откровенно говоря, меня не волнуют экскурсии. Я приехала узнать что-нибудь о моем отце.

– Но ведь вы оплатили тур, и мы обязаны вам его предоставить!

– Я заплатила за тур, чтобы получить визу, и теперь, когда я здесь, мне нужно встретиться с нужными людьми, ведь вы можете мне устроить такие встречи, не так ли?

Айнх нервно замялся.

– О, это же так хлопотно... Я не могу знать, как это сделать... то есть это не в моем... – Он совсем замялся и смолк.

– Прошли месяцы с тех пор, как я написала вашему правительству о моем отце, мне ничего не ответили... Если бы вы только могли устроить мне запись на беседу...

– Сколько именно прошло месяцев со времени вашего запроса?

– По меньшей мере шесть.

– Вы нетерпеливы. Нельзя ожидать, чтобы сразу все получилось.

– Вот тут вы правы, – вздохнула она.

– Кроме того, вы же написали в министерство иностранных дел, а я не имею к нему никакого отношения, я работаю в министерстве туризма.

– И эти ваши два министерства одно с другим не сотрудничают?

– То, другое, находится в другом здании.

– Ну, раз так, то, если это не отяготит вас, может быть, вы меня проведете в то, другое?

Он обратил к ней опрокинутое лицо:

– Но кто же тогда будет вести экскурсии?

– Мистер Айнх, – сказала она сквозь зубы, – экскурсии отменяются.

Печать сильнейшей головной боли легла на лицо Айнха. Вилли едва не испытала чувство жалости, когда он обескураженно зашагал прочь по крыше-саду. Она могла себе представить, через какие заросли бюрократии ему придется продираться, чтобы удовлетворить ее просьбу.

Ей уже посчастливилось убедиться в том, как здесь работала система, а вернее, как она не работала. Целых три часа она провела сегодня в жуткой духоте в аэропорту Тон Сон Нхут, улаживая бесконечную волокиту с чиновниками из отдела иммиграции.

По террасе пробежал ветерок, в первый раз за все время начиная с самого полудня, и, хотя она приняла душ всего час назад, одежда уже была мокрой от пота. Утонув в кресле, она стала мечтательно взирать на полоску неба над Сайгоном, которую закат окрасил в смесь золота и

пыли. Должно быть, когда-то это был цветущий город с аккуратно озелененными бульварами и уличными кафе, в которых можно было провести хоть целый вечер попивая кофе. Но после того как город сдался Северу, прежде пьяный от достатка, он скатился в бездну разорения. Всюду бросались в глаза признаки загнивания, от облупившейся штукатурки на колониальных зданиях французского происхождения до каменных скелетов навсегда заброшенных строек. Следы заброшенности были даже на отеле «Рекс», весьма солидном для этих мест. Каменный пол потрескался, а в пруду словно палые листья плавали безжизненные карпы. Бассейн на крыше ядовито зазеленел. Одинокий русский турист сидел на краю бассейна, опустив ноги в мутную воду, словно бы колеблясь, искупаться ему или нет.

Вилли подумала, что было что-то общее между непроглядной этой мутной водой и тем положением, в которое она попала.

«И что теперь? – подумала она устало. – Ведь мне одной не справиться, мне нужна помощь, нужен кто-то, нужен...»

– Я вижу, у кого-то опустились руки?

Она подняла голову и увидела загорелое лицо Барнарда на фоне заката. Мгновенный прилив радости при виде знакомого лица, пусть даже этого, лишь продемонстрировал, насколько беспросветным было отчаяние, в которое она погрузилась. Он одарил ее улыбкой, которая могла бы растопить айсберг.

– Добро пожаловать в Сайгон, столицу разрушенных мечт. Как поживаешь, дружок?

– Ты еще спрашиваешь? – выдохнула она.

– Не-а. Я через это прошел, по себе знаю, что это такое – носишься как угорелый, вымаливаешь, чтобы поставили печать на очередной жалкий клочок бумажки. В этой стране бюрократию усовершенствовали до вида искусства.

– Очень утешает.

– Тебе пива взять?

Она испытующе поглядела на знакомое лицо, стараясь разгадать подоплеку его улыбки и подозревая самое худшее. А он, пользуясь ее растерянностью, крикнул, чтобы принесли два пива, и по-свойски рухнул на стул, направляя в ее сторону поток развязной веселости.

– Я думала, ты раньше среды не появишься в Сайгоне.

– Планы изменились.

– Так взяли и изменились?

– Я легок на подъем, это одно из моих достоинств.

Потом печальным голосом добавил:

– А может быть, и единственное…

Официант принес две заиндевевшие бутылки «Хайнекена», и только после того, как он удалился, Гай заговорил:

– Пришла еще партия останков из Дак-То.

– Без вести пропавшие?

– Это мне и предстоит выяснить. Я знал, что мне понадобится еще несколько дней, чтобы обследовать кости. Да к тому же, – он отхлебнул из бутылки, – мне стало скучно в Бангкоке.

– Ну да, конечно…

– Да нет, точно тебе говорю, захотелось сменить обстановку.

– Ты покинул жемчужину Востока ради горстки трупов?

– Веришь или нет, я ответственно отношусь к своей работе.

Он поставил бутылку на стол.

– Так или иначе, теперь я здесь, а раз так, то мог бы помочь тебе в чем-нибудь, ведь, наверное, нужна какая-то помощь, да?

Что-то подействовало ей на нервы, может, эта твердолобая самоуверенность, эта сияющая самонадеянная улыбочка.

– У меня все в порядке, – сказала она.

– Ах вот как? И когда же ты идешь на первый прием к властям?

– Этим уже занимаются.

– Чем – этим?

– Не знаю, мистер Айнх взял дело в свои руки и…

– Мистер Айнх? Ты имеешь в виду своего гида? – Он зашелся от смеха.

– И что же в этом такого смешного?

– Ты права, – подавил он приступ хохота, – это совсем не смешно, это очень грустно. Хочешь, я сыграю роль пророка и предскажу тебе будущее? В деталях могу тебе рассказать, что будет дальше. Первым делом, с утра он явится к тебе с виноватым лицом.

– Почему же это с виноватым?

– Потому что он скажет тебе, что министерство сегодня закрыто, что как-никак сегодня великий день, выходной, 18 июля.

– А что великого в 18 июля?

– Да это не важно, что-нибудь придумает. А потом спросит тебя, не желаешь ли ты в таком случае осмотреть фабрику лакокрасочных изделий, где можно приобрести немало замечательных сувениров на память.

И тут засмеялась она. Именно так сказал мистер Айнх, слово в слово!

– На другой же день будет придумана еще какая-нибудь причина, объясняющая, почему не работает министерство, которое, к примеру, охвачено свиным гриппом, ну или вдруг их постигла острая нехватка ластиков. Но зато вы можете поехать в Национальный дворец!

Она перестала смеяться.

– Кажется, я понимаю теперь...

– И дело вовсе не в том, что твой поводырь нарочно будет срывать твои планы, нет. Просто он отлично знает, что ему не справиться с бюрократами и все, что ему остается, – это выполнить свои скромные обязанности, а именно быть твоим гидом и строчить невинные отчеты о пребывании в стране туристки-обаяшки. Не жди от него ничего сверх положенного. Поверь, он уже делает больше, чем ему за это платят.

– Но я и сама не ребенок, пойду да пробьюсь куда мне надо.

– Ну да, а куда ты пойдешь-то? Где они, эти места, находятся, куда тебе надо пойти? И волшебного слова, опять же, не знаешь.

– Что-то у тебя, Гай, не страна, а какая-то комната смеха получается.

– Слово смех здесь не подходит.

– А какое же слово тут подходит?

– Бардак.

Он указал туда, где на улице сгрудились в беспорядочную кучу пешеходы и велосипеды:

– Видишь это? Вот так здесь работают власти – каждый за себя. Министерства стараются обставить другие министерства, районы – другие районы. Любой мелкий чинуша стоит горой за свое болото, и всякий боится сделать шаг в сторону без дозволения сверху. – Он помотал головой. – Система не для слабонервных.

– Ну, я себя слабонервной никогда не считала.

– А ты сначала посиди часов пять в какой-нибудь приемной каморке, пока уже невтерпеж будет, а ближайший туалет в заднице у нег…

– Я поняла.

– Действительно поняла?

– Ну а что ты предлагаешь мне делать?

Он улыбнулся и откинулся на стуле.

– Прими меня во внимание. У меня есть знакомства в разных местах, конечно, не в министерстве иностранных дел, врать не буду, но все же такие, которые могут помочь.

«Ему что-то нужно от меня, – подумала она. – Но что?» Хотя он смотрел уверенно, она уловила в его осанке что-то нетерпеливое, в его глазах читалось скрытое ожидание чего-то.

– Откуда такое острое желание мне помочь?

Он пожал плечами:

– А почему бы нет?

– Это не ответ.

– А как насчет того, что глубоко в душе я по-прежнему один из тех бойскаутов, которые переводят бабушек через дорогу, такой вот хороший мальчик.

– А как насчет того, что ты мне сейчас скажешь всю правду?

– Ты всегда с таким недоверием относилась к мужчинам?

– Всегда, не увиливай в сторону.

Он помолчал какое-то время, барабаня пальцами по пивной бутылке.

– Ну хорошо, – признался он, – я немного присочинил, я никогда не был бойскаутом, но действительно хочу тебе помочь, и от этих слов не отказываюсь.

Она не проронила ни слова, но в ее молчании, во всем ее виде читалось недоверие к нему.

Но почему? Почему, когда он был так искренен в своей заботе? Что сделало ее такой подозрительной? Слишком много шишек набила в жизни? Слишком много лжи пришлось вытерпеть от мужчин?

«Ну что ж, держись, крошка, я не лучше других», – подумал он с тенью презрения к себе, но тут же отогнал это неприятное чувство – слишком высоки были ставки в этой игре, чтобы теперь мучиться угрызениями совести, да еще в его возрасте. Теперь он готовился сказать очередную ложь. Он часто в последнее время прибегал ко лжи. Хотя легче его жизнь от этого не стала.

– Твоя правда, – сказал он, – я вовсе не по велению сердца всем этим занимаюсь.

Она явно ничуть не была удивлена, и это было Гаю досадно.

– И какую же награду ты ждешь? – спросила она, не сводя с него пристального взгляда. – Деньги? – Она сделала паузу. – Секс?

Последнее слово было брошено так просто, что по животу у него пробежал холодок.

Не то чтобы он ни разу не думал об этой стороне дела. Думал, и много раз, с тех самых пор, как она ему встретилась. И теперь, когда она сидит вот так, в нескольких шагах от него, не сводя с него немигающего взгляда, так трудно было удержать полет воображения. Хотя в голове у него и пробежала мысль добавить к сделке немного секса, он тут же отогнал ее – это было бы уже вовсе подлостью. Он не спеша дотянулся до бутылки. От пива уже не отдавало морозом.

– Нет, – произнес он, – секс в мои планы не входит.

– Понятно, – она закусила губу, – тогда остаются деньги.

Он кивнул.

– Должна тебе сказать, у меня денег нет. По крайней мере, про твою честь.

– Я не о твоих деньгах говорю.

– А о чьих же?

Он выдержал паузу, чтобы придать своим словам вкрадчивости. Теперь фразы едва срывались с его языка.

– Ты когда-нибудь слыхала о «Эриал груп»?

– Нет, никогда.

– Я тоже нет. До того дня, когда две недели назад со мной связались два представителя оттуда. Представляют они организацию ветеранов, занимающуюся поисками и возвращением на родину без вести пропавших, живых без вести пропавших. Готовы прибегнуть к любым средствам, хоть Рэмбо заслать.

– Понятно, – сказала она, поджав губы, – кажется, речь идет о шизанутых на подпольных операциях.

– Я тоже так сначала подумал и даже чуть не выставил их за дверь, а они возьми да и всучи мне банковский чек, и сумма на нем вполне кругленькая. Двадцать тысяч, как они сказали, «на расходы».

– На расходы? А делать-то что тебе надо было?

– Кое-что разнюхать. Им было известно, что я собирался лететь туда. Они хотели, чтобы я частным образом поискал пропавших. Но им были нужны не скелеты и останки, им нужна плоть и кровь – живые!

– Живые? Но ты же не думаешь, что такие там остались?

– Так думают они. И им нужно достать только одного-единственного «пропавшего», чтобы дать всему делу ход. В прессе поднимется шум, и Вашингтон будет вынужден принять меры.

Гай умолк с появлением официанта, пришедшего забрать пустые бутылки со стола. Только после того, как он удалился, Вилли тихо спросила:

– Ну а я-то сюда как затесалась?

– Не ты, твой отец. Из твоего рассказа мне стало ясно, что есть шанс, небольшой, но есть, что твой отец жив. И если это так, то я могу помочь найти его, найти и вернуть домой.

Слова эти были произнесены тихо и с такой непоколебимой уверенностью, что Вилли впала в оцепенение. Гай видел, что она пыталась прочесть по его лицу недосказанное, а недосказанного было много.

– Какая тебе от этого польза?

– Помимо удовольствия общения с тобой?

– Ты сказал, что тут замешаны деньги, но раз не я тебе плачу, то кто? «Эриал груп»? Они что-то кроме дорожных денег тебе обещали?

– Билет на верхушку общества.

– Сколько?

– Откровенно? Два миллиона.

– Два миллиона долларов?

Он крепко сжал ей руку.

– Да тише же ты! Это не для посторонних ушей.

Она зашептала:

– Что, серьезно? Два миллиона?

– Да, таково их предложение. А вот мое предложение: будешь работать со мной – нам обоим будет польза. К тебе вернется отец, а я смогу обеспечить себе заслуженный отдых. Оба будем в выигрыше.

Он широко улыбался, зная, что теперь она у него в руках. Надо быть дурой, чтобы от такого отказаться. А дурой Вилли Мэйтленд не была.

– Ну согласись, что убить двух таких зайцев сам бог велел.

– Или сам черт, – процедила она мрачно.

Она откинулась на спинку стула и тяжело посмотрела на него.

– А ты всего-навсего торгаш.

– Если тебе так угодно.

– Я бы еще и не так тебя назвала. Ласковых слов не жди.

– Прежде чем начнешь называть, подумай хорошенько, что тебе остается. И остается ли что-то вообще. Мое мнение такое, что ты можешь либо действовать в одиночку – и топтаться на месте, как это сейчас с тобой происходит, либо, – с ослепительной улыбкой он склонился в ее сторону, – работать со мной.

– Я с торгашами не работаю.

– А что плохого в торгашах?

– Тебе не понять, это – принцип.

– Ты просто завелась из-за денег, правильно? Из-за того, что я это делаю за бабки, а не по велению сердца.

– Это не игрушки! Речь идет о солдатах. О солдатах, чьи семьи выскребли остатки сбережений, чтобы заплатить таким вот никчемным Рэмбо, как ты. Я видела эти семьи, некоторые из них до сих пор мыкаются, и все, что их держит, – это крохотная надежда… И тебе и мне прекрасно известно, что солдаты эти не сидят в каких-то там лагерях для военнопленных, в ожидании спасения. Их просто нет в живых.

– Но ты-то думаешь, что твой отец жив.

– С ним особый случай.

– Правильно, но такой же особый случай может быть с любым из пятисот пропавших.

– К твоему сведению, в моем случае имеются доказательства!

– Однако тебе все равно не удается разыскать его.

Гай придвинулся к ней, пристально глядя ей в глаза. В догорающих лучах заката ее лицо казалось наполненным огнем жизни, от щек исходило прекрасное багровое сияние.

– Если он все еще жив, нельзя профукать возможность найти его, она вряд ли еще представится. И я тебе скажу почему: потому что вьетнамцы во второй раз тебя уже не пустят кататься туристом по стране. Посмотри правде в глаза, Вилли, – я нужен тебе.

– Нет, – парировала она, – это я тебе нужна. Как ты без меня получишь свой куш? Как ты собираешься искать его без меня?

Теперь ее очередь была на него напирать, да так яростно, что он отпрянул от неожиданности.

– Что, гад, не ожидал такого от меня?

– Главное, малыш, чтобы ты сама от себя слишком много не ожидала. В этой стране очень не просто сделать так, чтобы тебя услышали. Все обманчиво, все обманчивы. Моргнул глазом, пискнул – и последствия непредсказуемы. Тебе нужен партнер. И потом, слышь, чего говорю, это не пустые слова. Я могу и поделиться, скажем, десять процентов. Это же такой подарок! И все, только чтобы я мог…

– Да иди ты со своими деньгами! – Она стремительно поднялась. – Иди зарабатывай на чьем-нибудь другом отце!

Она развернулась и пошла прочь.

– И все-таки подумай! – крикнул он.

А она шагала прочь по крыше-саду, не обращая никакого внимания на любопытные взгляды, бросаемые ей вслед.

– Я нужен тебе, Вилли, прими это как данность!

Трое русских туристов с красными от водки лицами вскинули на нее глаза, когда она шла мимо.

Один из них поднял стакан в ее честь:

– Может быть, русский мужчина тебе будет больше по душе?

Она и бровью не повела, шагая дальше, но, как только она скрылась из виду, до всех на крыше донесся ее запоздалый ответ, брошенный через плечо:

– Отваливай!

Глава 4

Гай проследил глазами за ее молниеносным проходом по саду. Юбка «шамбре» стильно отмахала каждый шаг, проделанный дивными ногами. Но, несмотря на осадок в душе, он не смог удержаться от смеха, когда услышал ее ответ в адрес русского.

«Отваливай». Он расхохотался пуще прежнего. Он продолжал смеяться, подходя к бару за новой бутылкой «Хайнекена». Пиво было таким холодным, что зубы обожгло морозом.

– Столько радости, – послышался британский акцент, – и это после того, как их высочество так вас отвадили.

Гай взглянул на представительного джентльмена, склонившегося рядом над барной стойкой. Два пучка волос на лысой голове делали его похожим на рогатую сову. Глаза, под густыми бровями, синели, как орнамент на фарфоре.

Гай пожал плечами:

– Не знаешь, где найдешь, где потеряешь.

– Мудрый подход. В особенности в наши дни, при том положении, какое стали занимать женщины.

Мужчина поднес к губам стакан с виски.

– С другой стороны, сразу было ясно, что к этой не подступишься.

– Слова знатока, как я погляжу.

– Да нет, я просто сидел в самолете позади нее да слушал, как какой-то слащавый француз источал в ее адрес лучшее, на что он был способен. А способен он был, надо сказать, и еще как. Но все было без толку.

Он покосился на Гая:

– Вы, случайно, не летели на том самолете из Бангкока?

Гай утвердительно кивнул. Господина этого он не помнил, еще бы! Он чуть не раздавил тогда от напряжения подлокотники кресла, и, пока летел, опрокидывал виски стакан за стаканом. Так он «дружил» с самолетами. Ничем не лучше оказался замечательный «Боинг-747» со своими потрясающими стюардессами-француженками – для Гая так и осталось настоящим чудом, что у самолета не отвалились крылья.

На другом конце сада запело русское трио. Песня выходила у каждого на свой лад, если только каждый не пел свою, но это определить уже было трудно.

– Кто бы мог подумать, – сказал англичанин, глядя в их сторону, – что за этим столом будут сидеть русские, а ведь на их месте, как сейчас помню, когда-то пили американцы.

– Это когда же вы здесь были?

– С 68-го по 75-й. – Он протянул Гаю пухлую руку. – Додж Гамильтон из «Лондон пост».

– Гай Барнард – бывший призывник. – Он пожал собеседнику руку. – Репортер, значит? О чем же нынче репортаж?

– Мог бы быть репортаж, – Гамильтон сокрушенно посмотрел на стакан с виски, – да накрылся…

– Что накрылось? Интервью?

– Да нет, – Гамильтон с грустью посмотрел на свой стакан со скотчем, – сама идея. Я хотел назвать это «Сентиментальные записки», этакое путешествие в Сайгон, чтобы навестить друзей. Даже не друзей, а друга… – Он сделал глоток. – Но ее там уже не было.

– Ах, так это была женщина.

– Вот именно, женщина. Их – половина человечества! Но при этом, сколько их наблюдаю, иногда мне кажется, что они прилетели с Марса.

Он стукнул пустым стаканом о стол и жестом попросил добавки. Бармен неодобрительно пустил по стойке бутылку.

– Видишь ли, я задумал написать историю про разлуку и встречу сердец. Ну знаешь, то, что любят читать в газетах. Мой редактор просто писал кипятком от этой идеи.

Дерзким движением он наполнил стакан доверху.

– Как же, встретились сердца, щас! Я сегодня был у нее дома. Там по-прежнему живет ее брат, и из его рассказа я понял, что моя голубка умотала с другим голубком, сержантом. Он, видите ли, из Мемфиса.

Гай сочувственно покачал головой:

– И все-таки женщина имеет право на перемену чувств.

– Это через день-то после того, как я уехал??

На это возразить было нечего. И тем не менее Гай не осуждал ее. Он-то знал, что жизнь в Сайгоне – это страх и неопределенность. Никто не мог ручаться, что вот-вот не прольется кровь, все ждали только худшего. Гай уже видел на свежих снимках, в каком упадке находился город, ему была знакома паника на лицах местных жителей, в суматохе набивающихся в последние вертолеты. Нет, он не винил женщину за то, что она всеми правдами и неправдами пыталась выбраться отсюда.

– Можно написать и об этом, – заметил Гай, – рассказ приобретет другую окраску. Типа, история женщины, вырвавшейся из беспредела. И чего ей это стоило.

– У меня уже не лежит душа к этому, – Гамильтон с грустью поглядел вокруг, – да и вообще к этому городу. Как хорошо здесь было раньше! Запахи, звуки. Даже треск минометов. Но теперь Сайгон стал другим. Уже нет этого духа. Самое забавное, что отель этот совершенно не изменился. Точно так же, как сейчас, я стоял у этой вот стойки и слышал, как шептались ваши генералы: «Какого хрена мы тут делаем?» Мне кажется, они этого так толком и не узнали.

Он засмеялся и сделал еще глоток скотча.

– Мемфис... зачем ей этот Мемфис?

Он стал бормотать себе под нос – этакий монолог личного содержания на тему того, что все беды в мире от женщин. И с этим Гай был почти согласен. Стоило лишь взглянуть на несчастную его жизнь, не избалованную любовью, и его сразу охватывало непреодолимое желание напиться в стельку.

Женщины. Все они одинаковы. И в то же время, каким-то непонятным образом, все разные. Он подумал про Вилли Мэйтленд. С виду непробиваемая, но он-то видел, что это была игра – под маской несгибаемости угадывалась беззащитность. Мать честная, да она была просто ребенком, пытающимся соответствовать героическому образу отца, и делала вид, что запросто обходится без мужчин, хотя на самом деле нуждалась в них. Она была горда, и это, конечно, вызывало уважение. Она оказалась достаточно умна, чтобы оттолкнуть его предложение. Ведь он сам не был уверен, что сможет выполнить это задание в одиночку. Ну и пусть его сожрут эти, из «Эриал груп». Сколько лет можно держать скелеты в шкафу? Может, настала пора вытащить их на свет? «Надо заниматься своим делом, – думал Гай, – лететь в Ханой, забрать оттуда останки солдат и привезти их на родину». И вычеркнуть из памяти Вилли Мэйтленд. И все же...

Он заказал еще одно пиво, и, пока пил его, в голове бурлили мысли. Он думал о том, как можно было помочь Вилли и насколько вообще она нуждалась в помощи. Стал бы он ей помогать, если бы сам хотел этого, а не потому, что был вынужден? «По зову сердца?» Это что-то новенькое.

Нет, он никогда не был бойскаутом. Все эти добродетельность и прилежание, облаченные в красивую форму, претили ему, казались

почти чушью. И вот, пожалуйста, бойскаут Барнард. Всег-да готов! И ничего не просит взамен. Ну, разве что совсем немного. Не мог он остановить полет воображения и представлял, как приглашает ее к себе в номер, как раздевает ее, как она трепещет под ним. Он с трудом сглотнул, и рука сама потянулась за бутылкой.

– Верно говорю, – слышалось бормотание Гамильтона, – все беды от них.

– А? – Гай повернулся к нему. – От кого беды?

– Да от женщин же! Горя от них больше, чем пользы.

– Это ты в самую точку, старик, – Гай вздохнул и поднес к губам бутылку, – в самую точку.

«Мужчины. От них горя больше, чем пользы», – проносилось в голове у Вилли, пока она с яростью заводила будильник.

Продажный тип. Где был ее внутренний голос, когда он так бескорыстно предложил ей помощь?! Хороша помощь. Смеху подобно! Она вспомнила письма, которые присылали им с мамой разные благотворительные организации, навязывая за несколько тысяч долларов такую же вот никчемную услугу. Был такой «Фонд розыска ЦРУ», а при нем комитет «За живых», и под его началом – «Операция «Каштан» с отвратительным слоганом: «Вызволим их из пекла!» Сколько пострадавших семей рассталось с душевными силами и денежными сбережениями в пользу этих призраков.

Она разделась до майки-безрукавки и бухнулась на кровать. Выспаться хорошенько ей явно не светило. Матрас был весь в буграх, а подушка – словно из цемента. Это бы ничего, но как можно было расслабиться под звуки «музыки» из дискотеки, от которых дрожали стены? В восемь часов вечера первые удары электронных барабанов объявили начало танцевальной ночи в отеле «Рекс».

«Господи, – подумала она, – ну и чего стоит ваш коммунизм, если вы даже не можете запретить диско?»

Тут она подумала, что Гай наверняка сейчас слоняется внизу, в танцевальном зале, ищет развлечений. Иногда ей казалось, что и войну мужчины придумали для того, чтобы ускользнуть из дома и пуститься на поиски приключений.

«Да какое мне дело до него? Ну, ходит там внизу, глазеет на баб, недоносок. Да его надо просто забыть».

Однако она не могла не признать, было какое-то обаяние в его потертости. Ровные зубы, жгучая улыбка и глаза карие, как у волка. Одни только эти глаза могли лишить покоя любую женщину. «А видит бог, мне нужен покой!»

В дверь постучали. Она села на кровати и крикнула:

– Кто там?

– Обслуживание номеров.

– Это ошибка, я ничего не заказывала.

Ответа не последовало. Вздохнув, она накинула халат, прошлепала к двери и открыла ее. Улыбка Гая светилась из темноты.

– Ну что, – поинтересовался он, – ты подумала?

– Подумала о чем? – Она отпрянула назад.

– О нас с тобой, о сотрудничестве.

От изумления она рассмеялась:

– У тебя либо со слухом плохо, либо это я плохо объяснила.

– Прошло уже два часа, и я прикинул, что, может быть, ты передумала.

– Я не передумаю никогда, спокойной ночи!

Она захлопнула дверь, толкнула задвижку и в смятении отступила на шаг.

Послышалось постукивание по окну. Она отдернула в сторону занавеску и увидела Гая, улыбающегося сквозь стекло.

– Только один вопрос, – обратился он к ней.

– Что еще?

– Это был окончательный ответ?

Она рывком задернула занавеску и встала, ожидая, откуда он появится теперь. С потолка свалится? Или выскочит из пола как черт из табакерки? Что это там зашуршало?

Приглядевшись, она увидела, как в комнату через щель под дверью просунули клочок бумаги.

Она схватила клочок и прочла нацарапанное: «Позвони мне, когда будет нужда».

«Ха!» – подумала она, разрывая бумагу на мелкие клочки и прокричала:

– Позвоню, после дождичка в четверг!

Ответа не было. Она знала, можно было даже не проверять, – он давно ушел.

Шантель окинула взглядом бутылку шампанского, банки с икрой и паштетом, коробку шоколадных конфет и, облизнувшись, спросила:

– Как ты смеешь являться после стольких лет?

Сианг едва заметно улыбнулся:

– Ты остыла к шампанскому? Какая жалость. Придется мне выпить все самому.

Он протянул руку к бутылке, не спеша открутил проволоку. Полет из Бангкока сделал свое дело – пробка выстрелила и золотистые пузыри разлились по земляному полу. Шантель тихонько всхлипнула. Она готова была упасть на колени и лакать драгоценную жидкость. Он наполнил один из двух узких бокалов, привезенных им аж из самого Бангкока. Ну не пить же, в самом деле, шампанское из чайных чашек? Он немного отхлебнул и удовлетворенно выдохнул:

– «Тайтингер». Бесподобно.

– «Тайтингер»? – прошептала она.

Он наполнил второй бокал и поставил его перед ней на расшатанный столик. Она не сводила глаз с бокала, с бегущих кверху пузырьков.

– Мне нужна твоя помощь, – произнес он.

Она протянула руку к бокалу, поднесла его к губам, пригубила содержимое бокала. Казалось, он видел, как пузырьки бегут у нее по языку и скользят внутрь. Пусть в целом она обветшала, но шея оставалась прекрасной и прямой как тростинка – заслуга матери-вьетнамки. Азиатская кровь в ней устояла перед прошедшими

годами, чего нельзя было сказать о французской: лицо стало рябым, а вокруг глаз собрались морщинки. От осторожной пробы игристого вина она быстро перешла к его уничтожению. С жадностью она выцедила последнюю каплю из бокала и потянулась к бутылке за добавкой. Он перехватил бутылку:

– Ты слышишь, мне нужна твоя помощь!

Она вытерла щеку тыльной стороной ладони.

– Что за помощь?

– Ничего особенного.

– Ха, ты всегда так говоришь.

– Пистолет, автоматический. И несколько обойм к нему.

– А что, если у меня нет пистолета?

– Тогда достанешь.

Она покачала головой:

– Это тебе не прежние времена. Знаешь, что здесь творится? Непросто стало.

Речь ее прервалась, она опустила взгляд на руки, покрытые чуть заметной паутинкой.

– Сайгон стал адским местом.

– И в аду можно неплохо жить, я могу это устроить.

Она задумалась. Он читал ее мысли, глядя ей в глаза, словно в открытое окно. Она переводила взгляд с предмета на предмет из тех сокровищ, что он привез из Бангкока, потом сглотнула – во рту все еще приятно покалывало от шампанского. И наконец произнесла:

– Пистолет, говоришь? А зачем он тебе?

– Надо убрать кое-кого.

– Вьетнамца?

– Американца, вернее, американку.

Глаза ее сверкнули. Похоже, взыграло любопытство. А может быть, ревность.

Она гордо подняла подбородок:

– Твоя подружка?

Он отрицательно помотал головой.

– Зачем тогда тебе ее убивать?

Он пожал плечами:

– Это сделка. Заказчик хорошо заплатит, а я могу взять тебя в долю.

– Ну да, это как в прошлый раз, что ли? – выпалила она.

Он виновато покачал головой.

– Шантель, Шантель, – вздохнул он, – ты же знаешь, у меня не было выбора, это был последний самолет из Сайгона, и мне необходимо было на него попасть.

Он дотронулся до ее лица – оно уже не было таким шелковистым, как раньше. Все эта французская кровь: не по силам ей годы палящего солнца.

– Обещаю, на этот раз я заплачу тебе.

Она подумала еще, глядя то на него, то на шампанское.

– Ну а что, если сразу достать не получится?

– Тогда придется как-то выкручиваться, но мне понадобится помощник. Такой, чтобы я мог ему доверять, чтобы не болтал.

Он помолчал.

– А что твой двоюродный брат, у него по-прежнему туго с деньгами?

Их взгляды встретились. Он улыбнулся ей, протяжно и многозначительно. Затем наполнил ее бокал.

– Икру открывай, – произнесла она.

– Мне нужна твоя помощь, – сказала Вилли.

Гай, ошеломленный и полусонный, стоял в проходе, щурясь от рассветного солнца.

Он был взъерошен, небрит, в полотенце на бедрах.

Она старалась смотреть ему в лицо, но взгляд неизбежно соскользывал ниже, на грудь, густо поросшую коричневыми вьющимися волосами, на узловатый шрам вверху живота.

Он в недоумении покачал головой:

– Вчера вечером нельзя было мне об этом сказать? Нужно было ждать до рассвета?

– Гай, уже восемь часов.

Он зевнул:

– Да ну?

– Ложился бы ты спать в человеческое время.

– А я когда, по-твоему, лег?

Он развязно прислонился к дверному косяку и широко улыбнулся.

– Может, я лег вовсе не для того, чтобы спать.

О боги! У него что там, женщина? Взгляд ее сам собой скользнул мимо него, в темноту комнаты. Постель в беспорядке, но пустая.

– А-а! Поймал тебя! – сказал он и рассмеялся.

– Все ясно, помощи от тебя ждать бесполезно. – Она повернулась и собралась уйти.

– Вилли, да стой же ты! – Он взял ее за локоть и повернул к себе. – Ты это серьезно, насчет помощи?

– Забудь. Я была дурой, что понадеялась.

– Не далее как вчера легче было дождаться второго пришествия, чем твоей просьбы о помощи, и вот на тебе, тут как тут. Что это вдруг?

Она не сразу ответила. В глаза так и лезло сползающее полотенце на его бедрах. Слава богу, он вовремя подхватил его и затянул потуже. Наконец, она покачала головой и вздохнула:

– Ты был прав. Все происходит так, как ты предсказывал. Чиновники отказываются разговаривать со мной, телефоны молчат, когда я звоню. Чуть только они видят меня в приемной, как тут же прячутся под столы.

– Может быть, тебе не хватает терпения? Подожди недельку.

– Еще неделю? Нет, не пойдет.

– Отчего же?

– Ты что, не слышал? На носу день рождения Хо Ши Мина.

Гай воздел взгляд в небо:

– Ах да, как же я забыл!

– Что же мне делать теперь?

Он задумался, стоя в проходе и расчесывая небритый подбородок, и, наконец, кивнул:

– Это надо обговорить.

Она сидела в его номере на краешке кровати, немного нервничая, пока он одевался в ванной. Судя по разворошенной постели, этот человек явно спал неспокойно. Простыня была скинута с кровати, подушки вдавлены в стенку изголовья. Ее взгляд остановился на тумбочке с папками. На верхней из них было выведено: «Задание «Фрайер Так». Рассекречено».

Любопытно. Она раскрыла папку.

– Так уж в этой стране заведено, – раздавался его голос из ванной, – если тебе надо попасть из точки А в точку Б, то ты делаешь сначала два шага налево, потом два шага направо, потом разворачиваешься и идешь спиной вперед.

– И что же мне теперь делать?

– Шагай в сторону, в одну, в другую.

Он вышел из ванной, одетый и гладко выбритый. Заметив на тумбочке раскрытую папку, он без лишней суеты закрыл ее.

– Виноват, но не для посторонних глаз, – сказал он и сгреб папки в дипломат. Затем он развернулся к ней и спросил: – Ну, рассказывай, что еще у тебя на уме?

– В каком смысле?

– У меня есть ощущение, что ты что-то недоговариваешь. На дворе восемь часов утра, неужто ты в такую рань уже успела схватиться с бюрократами? Что заставило тебя изменить мнение обо мне?

– О нет, мнения я не изменила, ты как был, так и остался охотником за головами.

Это было сказано с таким отвращением, что хотелось поморщиться.

– Да, но теперь ты не против составить мне компанию, что так вдруг?

Она опустила голову, глядя на колени, затем неохотно вытащила из сумочки сложенный листок.

– Вот это я нашла сегодня утром у себя под дверью.

Он развернул листок. Размашистым почерком на нем было написано: «Смерть янки!» Один вид двух этих слов снова привел ее в ярость. Пару минут назад она показала листок мистеру Айнху, и он лишь покачал головой в знак сожаления. Но Гай как-никак американец, уж он-то должен разделить ее негодование.

Он протянул ей записку обратно:

– Ну и что?

– Ну и что? – Она вытаращила на него глаза. – Мне суют записки с пожеланием смерти, вьетнамские власти, все как один, испаряются при одном упоминании моего имени, этот Айнх чуть ли не приказывает идти с ним на осмотр лакокрасочной фабрики, а ты говоришь только «ну и что»?

Сочувственно кряхтя, он уселся рядом с ней. «Чего это он так близко подсел», – подумала она, пытаясь унять дрожь в своей ноге от соприкосновения с его. Было непросто сидеть прямо, под его весом матрас прогнулся, и ее тянуло в его сторону.

– Начнем с того, что это не обязательно воспринимать как личную угрозу. Скорее это поступок политического характера.

– Скажите пожалуйста, какая мелочь, – приторным голоском сказала она.

– А экскурсия на фабрику – это как поход к зубному: тебе не хочется, но остальные считают, что надо. Что до министерства иностранных дел,

прими они тебя – все равно ничего путного от этих бюрократов не узнала бы. Кстати о бюрократах, где твоя нянька?

– Ты имеешь в виду мистера Айнха? – Она вздохнула. – Ждет меня в вестибюле.

– Тебе надо от него отделаться.

– Да я-то с радостью бы…

– Он будет нам мешать.

Вставая, Гай взял ее за руку и потянул вверх.

– Там, куда мы направляемся, он будет мешать.

– И куда же это мы направляемся? – потребовала она разъяснений, выходя за ним из номера.

– Повидать одного друга, хочется надеяться.

– В том смысле, что нас он может и не захотеть повидать?

– В том смысле, что я не до конца уверен, что это друг.

– Замечательно… – простонала она, когда они вошли в лифт.

В вестибюле они увидели Айнха, сидящего за приемной стойкой, как в засаде перед нападением.

– Мисс Мэйтленд, – позвал он, – прошу вас, поспешите, у нас очень загруженный график сегодня.

Вилли взглянула на Гая, но тот лишь пожал плечами и отвернулся в сторону. Черт бы его побрал! Он и не думал ее выручать.

– Мистер Айнх, – сказала она, – насчет фабрики…

– О-о, она вам очень понравится! Только там не принимают доллары, так что если вы хотите обменять, то я могу…

– Боюсь, мне хочется… – сказала она неубедительно.

Айнх в недоумении моргнул.

– Вы нездоровы?

– Да, вы знаете, я... – тут она заметила, что Гай качает головой, – то есть нет, я хотела сказать...

– Она хотела сказать, что я сам покажу ей город. Такая, знаете ли, – он мигнул Айнху, – частная прогулка.

– Ч-час-стная?

Краснея, Айнх поглядел на Вилли:

– А как же моя экскурсия? Ведь все давно устроено! Авто, виды, праздничный обед!

– У меня есть идея, старик, – сказал Гай, заговорщически наклоняясь к нему, – а что, если тебе самому себе устроить экскурсию?

– Я уже был на ней, – ответил он хмуро.

– Отлично, но то-то была работа, а теперь ты можешь устроить себе выходной, себе и своему шоферу. Сами будете любоваться видами Сайгона, ну а потом тебя ждет обед миссис Мэйтленд. В конце-то концов, за все же заплачено!

На лице Айнха вдруг появилась заинтересованность.

– Оплаченный обед?..

– И пиво, – Гай опустил ему в нагрудный карман немного денег, захлопнул клапан кармана, – я угощаю.

Он взял Вилли под локоть и повел ее через вестибюль.

– Но, мисс Мэйтленд! – угрожающе прокричал Айнх.

– Э-эх, ну и оторветесь же вы, ребята, – Гай вложил в свой голос побольше зависти, – машина с кондиционером, бесплатный обед и полная свобода!

Айнх проследовал за ними наружу. В лицо им ударила такая завеса духоты, что Вилли даже охнула.

– Мисс Мэйтленд, – настаивал он, – это совершенно не соответствует моему распорядку!

Гай обернулся и, дружески похлопав его по плечу, сказал:

– Вот как раз это нас и устраивает, мистер Айнх.

Они оставили бедолагу стоять на лестнице и смотреть им вслед.

– Как ты думаешь, что он теперь сделает? – шепотом спросила Вилли.

– Я думаю, – ответил Гай, ведя ее по запруженному тротуару, – ему придется по вкусу бесплатный обед.

Она взглянула назад и увидела, что мистер Айнх действительно скрылся в дверях отеля. А также она заметила, что за ними шли по пятам. Уличный постреленок, лет двенадцати, не больше, нагнал их и принялся плясать на горячей мостовой.

– Лиен-хо? – прощебетал мальчишка, блестя темными глазами на грязном лице.

Они зашагали было дальше, но он пустился за ними, не умолкая ни на секунду.

Рубашка на нем вся была изодрана, а стопы ног покрыты несмываемыми коричневыми пятнами. Он обратился к Гаю:

– Лиен-хо?

– Нет, не русский, – ответил Гай, – американский.

Паренек расплылся в улыбке и, выбросив вперед испачканную руку, воскликнул:

– Привет, папочка!

Гай послушно пожал ее:

– Да-да, мне тоже приятно.

– Папочка – много денег?

– Прости, мало денег – папочка.

Мальчишка засмеялся такой искрометной «шутке». Гай и Вилли продолжили идти, а он запрыгал дальше рядом с ними, отпугивая других сорванцов. Все же образовалась целая вереница из лохмотьев, шествующая через уличную толкотню. Мелькая сотнями колес, сновали велосипеды, на тротуаре у скромных своих богатств сидели на корточках торговцы всякой всячиной.

Мальчишка потянул Гая за локоть:

– Эй, папочка, сигарета имеешь?

– Нет.

– Ну папочка же! А я за то прогонять попрошаек.

– Да, ну ладно.

Гай выудил пачку «Мальборо» из кармана рубашки и протянул ему одну сигарету.

– Ты что делаешь, Гай, – возмутилась Вилли, – он же ребенок.

– Да он и не собирается ее курить, выменяет на что-нибудь другое, еду например. Вон, смотри.

Он кивнул в сторону парнишки, который деловито заворачивал свою добычу в грязную тряпку.

– Поэтому я всегда беру с собой несколько блоков, когда сюда еду, могут пригодиться, если нужна какая-то услуга.

Он обернулся и нахмурился, глядя на один из указателей.

– Кстати об услугах.

Он поманил парнишку.

– Тебя как зовут?

Тот пожал плечами.

– Ну как-то же тебя люди зовут?

– Другой американский сказал, что я похожий на Оливер.

Гай рассмеялся:

– Должно быть, Оливер Твист. Ну что ж, Оливер, есть для тебя работа, поможешь?

– Само собой, папочка!

– Мне нужна улица под названием рю де Вуаль, так она называлась раньше, и на карте ее уже нет. Знаешь, где такая находится?

– Рю де Вуаль, рю де Вуаль... – мальчик потер руками лицо, – я думаю, это называет теперь Бинх-Тан. Зачем ты хочешь туда? Нет магазинов, нечего смотреть.

Гай достал купюру в тысячу донгов.

– Веди нас туда.

Мальчик схватил купюру.

– О'кей, папочка, жди. Точно жди!

И он зашагал по улице, а на углу обернулся и снова крикнул в подтверждение:

– Жди точно!

Через минуту он появился в сопровождении двух колясок на педалях.

– Я достал самый лучший, они очень быстрый, – сказал Оливер.

Гай и Вилли недоверчиво поглядели на водителей. Один из них беззубо улыбался, а другой пыхтел как паровоз. Гай покачал головой, пробормотав:

– Откуда он только выкопал эти древности?

Оливер с гордостью указал на двух стариков и произнес, улыбаясь:

– Это мои дяди!

Голос из-за двери был непреклонен:

– Уходите.

– Мистер Жерар? – спросил Гай.

Ответа не последовало, но мужчина явно не отходил от двери. Вилли как будто чувствовала, как он стоит, склонившись, с той стороны. Гай взялся за выступавший на двери, словно медная бородавка, молоточек в виде какого-то фантастического лица, то ли льва с рогами, то ли козла с клыками, и постучал им несколько раз.

– Мистер Жерар!

Снова тишина.

– Это очень важно, нам нужно с вами поговорить.

– Я сказал, уходите.

Вилли пробубнила:

– Может быть, он действительно просто не хочет с нами разговаривать?

– Придется.

Гай снова постучал:

– Меня зовут Гай Барнард, я друг Тоби Вульфа.

Клацнула щеколда. Блеклый глаз смотрел на них сквозь проем в двери, разглядывая Гая, потом Вилли. Затем человек за дверью прошипел:

– Тоби Вульф – остолоп.

– Однако Тоби Вульф сказал, что это в последний раз.

Глаз моргнул, и дверь приотворилась еще на полдюйма, показав в проеме маленького лысого человека, похожего на краба.

– Ну что, – проворчал он, – так и будете стоять?

Внутри жилища было темно как в пещере, из-за плотно задернутых занавесок на окнах. Гай и Вилли шли по узкому коридору за крабоподобным французом, силуэт которого был едва различим в темноте, но Вилли слышала, как он семенил впереди по деревянному полу.

Просторное помещение, в которое они вошли, было, по-видимому, гостиной. Лучи света пробивались сквозь видавшие виды занавески. Вокруг, едва различимая в кромешной темноте, громоздилась мебель.

– Сядьте, сядьте, – скомандовал Жерар.

Гай и Вилли направились было в сторону дивана, но Жерар проворчал:

– Да не там же! Вы что, не видите? Это же подлинная «королева Анна»! Вон там садитесь. – Он указал на два массивных стула розового дерева, а сам уселся в парчовое кресло у окна. Скрестив руки и нацелив острые коленки на незваных гостей, он походил на недовольную груду костей.

– Что же Тоби понадобилось от меня на этот раз? – вызывающе спросил он.

– Он сказал, что вы могли бы рассказать нам кое-что.

Жерар фыркнул:

– Я давно отошел от дел.

– Но раньше-то вы были при делах.

– А теперь нет – слишком ставки высоки.

Вилли внимательно осмотрелась и разглядела в потемках приглушенное сияние слоновой кости, поблескивание старинного дорогого фарфора. Она вдруг поняла, что они попали в настоящую сокровищницу антиквариата. Даже сам дом был антикварным – старая добрая постройка во французском колониальном духе, вся увитая виноградом. По закону этот дом принадлежал государству, и было интересно узнать, что же такого сделал француз, чтобы стать владельцем такого достояния.

– Прошли годы с тех пор, как я оставил компанию, и теперь не могу ничем быть вам полезен.

– Как знать, – возразил Гай, – ведь мы здесь как раз по делу прошлых лет, по делу, связанному с войной.

Француз рассмеялся:

– Да население этой страны постоянно с кем-то воюет! Какая же из войн вас интересует? С китайцами, французами, с красными кхмерами?

– Вам виднее, какая война, – усмехнулся Гай.

Жерар откинулся в кресле.

– Та война давно закончилась.

– Не для всех, – чуть с вызом произнесла Вилли.

Француз повернулся к ней. Она чуствовала, что он изучает ее, пытаясь понять, что за птица перед ним.

Ей это не очень понравилось, и она в ответ уставилась на него.

– Кто она такая и какое имеет к этому отношение? – потребовал Жерар разъяснения.

– Она здесь по делу об отце, он числится без вести пропавшим с 1970 года.

– Мое дело было импорт, и я ничего не знаю ни о каких солдатах.

– Мой отец не был солдатом, он был летчиком в «Эйр Америка».

– Дикий Билл Мэйтленд, – добавил Гай.

Внезапно в комнате повисла гробовая тишина.

После долгой паузы Жерар тихо повторил:

– «Эйр Америка».

Вилли кивнула:

– Вы его помните?

Узловатые пальцы француза забарабанили по подлокотнику кресла.

– Они лишь помогали мне вести бизнес, эти летчики. Периодически занимались доставкой для меня, за плату.

– Занимались доставкой?

– Медикаментов, – подсказал Гай.

Жерар раздраженно хлопнул рукой по креслу.

– Бросьте, мистер Барнард, мы оба прекрасно знаем, о чем идет речь! Да, опиум.

– Я не скрываю этого. Случилась война, возникла возможность заработать, вот я и заработал. А «Эйр Америка» оказалась надежнее всех. Летчики не совали нос в мои дела, и они заслужили свой хлеб, я платил им золотом.

Снова воцарилась тишина. Вилли как могла собралась с силами, чтобы задать следующий вопрос.

– А мой отец? Он был среди тех, кому вы платили золотом?

Алан Жерар пожал плечами:

– А что, в это трудно поверить?

Она почему-то не удивилась, но при этом представила, что сказали бы все те старые друзья семьи, которые считали отца героем.

– Он был одним из лучших, – заявил Жерар.

Она посмотрела на него.

– Лучших? – Ей захотелось рассмеяться. – В чем же? В доставке наркотиков?

– В летном деле. Это было его призвание.

– Призвание моего отца было в том, чтобы делать что хочешь, без оглядки на других.

– И все же, – настойчиво произнес Жерар, – он был одним из лучших.

– В тот день, когда самолет упал, ваш товар был на борту?

Француз не ответил. Он заелозил в кресле, потом поднялся и, подойдя к окну, стал придирчиво поправлять занавески.

– Жерар? – не отставал от него Гай.

Жерар обернулся и посмотрел на них.

– Что вам нужно здесь? Что вы пытаетесь разнюхать?

– Мне нужно знать, что с ним случилось, – сказала Вилли.

Жерар снова повернулся к окну и стал смотреть через проем в занавесках.

– Отправляйтесь-ка домой, мисс Мэйтленд. Пока вам не открылись вещи, о которых вам бы знать не хотелось.

– Какие вещи?

– Весьма неприятные.

– Он был моим отцом, и я имею право!..

– Право? – Жерар улыбнулся. – Там шла война, и он прекрасно знал, на что шел. Он просто стал одним из многих не вернувшихся домой, вот и все.

– Но я хочу знать, каким образом… Я хочу знать, что он делал в Лаосе.

– А есть ли вообще на свете кто-то, кто знает, что в этом Лаосе происходило на самом деле?

Он обошел комнату, трепетной рукой собственника касаясь своих сокровищ.

– Вы и представить себе не можете, какие там творились дела. Этакая подпольная война, которую мы вели. Про Лаос вслух не говорили, однако все там были: русские, китайцы, американцы, французы. Друзья и враги – все в одну кучу, у одной стойки в вонючих барах Вьентьяна. Все – бойцы первый сорт, и все собрались там, чтобы заработать себе на кусок хлеба.

Он посмотрел на Вилли.

– Я до сих пор не понимаю характера той войны.

– Но вы знаете больше других, – сказал Гай, – вы работали бок о бок с разведкой.

– Я не видел всей картины происходящего.

– Тоби Вульф утверждает, что вы участвовали в расследовании крушения самолета.

– Лишь отчасти.

– Кто же тогда непосредственно этим занимался?

– Американский полковник по имени Кистнер.

Вилли удивленно на него посмотрела:

– Джозеф Кистнер?

– Который теперь генерал, – тихим голосом заметил Гай.

Жерар кивнул:

– Он называл себя военным атташе.

– Наверное, имеется в виду, что он на самом деле работал на ЦРУ.

– Что угодно имеется в виду. Я вел переговоры на французской стороне, но до меня доходили лишь крупицы сведений. Так, видите ли, работал полковник: информация была настоящим оружием в его руках, поэтому он редко делился ею.

– Что вам известно о крушении?

Жерар пожал плечами:

– Оно прошло как «рядовая потеря». По вине вражеского огня. Поиски устроили по требованию коллег-летчиков, но выживших не нашли. Через день полковник Кистнер распорядился отправить обломки самолета на переплавку. Мне неизвестно, был ли этот приказ исполнен.

Вилли покачала головой:

– Переплавка?

– Так у них называют ликвидацию, – пояснил Гай, – если упавший самолет участвовал в секретной операции, его останки ликвидируют, чтобы замести следы.

– Но мой отец не участвовал в секретной операции. Это была плановая доставка.

– Все они назывались плановыми доставками, – заверил Жерар.

– В накладной к грузу указаны авиазапчасти, – возразил Гай, – из-за них не стали бы уничтожать останки. Что на самом деле было на борту самолета?

Жерар не отвечал.

– Там был пассажир, у них на борту был пассажир.

Жерар стрельнул глазами в ее сторону.

– Откуда вам это известно?

– От Луиса Валдеса, грузчика на самолете отца. Он выпрыгнул из падающего самолета.

– Вы говорили с этим Валдесом?

– Только коротко и по телефону, как только он был отпущен из лагеря для военнопленных.

– Так он… жив и теперь?

Она помотала головой:

– Он застрелился на следующий день после возвращения в Штаты.

Жерар снова заходил по комнате и снова перетрогал всю мебель. Он напоминал Вилли жадного гнома, перебирающего руками свои сокровища.

– Кто был тот пассажир, Жерар? – спросил Гай.

Жерар взял в руки лакированную шкатулку и тут же вернул ее на место.

– Он был военный? Разведчик? Кто?

Жерар замер.

– Это был фантом, мистер Барнард.

– То есть вы не знаете его имени?

– О, у него было много имен, много лиц, как это всегда бывает с фантомами. Одни говорили, что он был генералом, другие – принцем, третьи – наркобароном.

Отвернувшись, он стал смотреть через щель в занавесках, его скрюченный силуэт вырисовывался в проеме окна.

– Кто бы он ни был, кому-то он сильно мешал, кому-то наверху.

«Кому-то наверху». Вилли подумала о том, какая могла произойти заварушка там, во Вьентьяне в 1970-м году. Она перебрала в уме ЦРУ, контрразведку, «Эйр Америка». Кому из этих игроков мог перейти дорогу один-единственный, инкогнито-Лао?

– Как вы думаете, мистер Жерар, кто это мог быть?

Человек у окна пожал плечами:

– Какая теперь разница? Он давно мертв, да и все остальные с того самолета.

– Может быть, что не все. Мой отец…

– Вашего отца за двадцать лет ни разу не видели, и я бы на вашем месте держался от всего этого как можно дальше.

– Но что, если он жив?

– Если он жив, вполне возможно, он предпочел бы не быть найденным.

Жерар обернулся и теперь смотрел на нее, выражение его лица тонуло в темноте на фоне яркого пучка света из окна.

– У человека, за голову которого объявлена награда, есть все основания оставаться среди мертвых.

Глава 5

Она пристально поглядела на него.

– Награда? Я что-то не понимаю…

– Вам что же, не рассказывали про награду?

– Награду за что?

– За поимку Фрайера Така.

Она застыла. В голове всплыл образ – имя, напечатанное на обложке папки: «Операция «Фрайер Так». Она повернулась к Гаю:

– Ты ведь, кажется, должен знать, о ком идет речь? Кто такой Фрайер Так?

Ни единый мускул не дрогнул на лице Гая, словно он надел маску.

– Это просто сказка, не более того.

– Но у тебя в комнате лежала папка с его делом.

– Это всего лишь прозвище – некий летчик, перебежчик, такую легенду сложили…

– Легенду, да не совсем, – настаивал Жерар, – он действительно существовал, этот перебежчик. Разведка никогда не стала бы платить два миллиона за какую-то выдумку.

Вилли сверкнула глазами в сторону Гая, она хотела знать, хватит ли у него наглости встретить ее взгляд. «Ты все знал, негодяй, – думала она, – ты все время скрывал». Приступ ярости комом встал у нее в горле. Она собрала все силы, чтобы не сорваться на следующем вопросе, адресованном Алану Жерару:

– Вы считаете, что этим перебежчиком был мой отец?

– Так считает разведка.

– На каком основании? Просто потому, что он умел управлять самолетом? Или, может быть, потому, что за глаза можно наговорить про человека все, что угодно?

– Тут дело в том, когда все происходило, при каких обстоятельствах. В июле 1970-го Уильям Мэйтленд исчез с лица земли, а в августе того же

года появились первые сведения о летчике-невьетнамце, орудующем на вражеской стороне, перевозящем оружие и золото.

– Но в Лаосе были сотни летчиков-невьетнамцев! Ваш Фрайер Так мог быть и французом, и русским, и бог…

– Вот как раз это нам было доподлинно известно: он был американцем.

Она гордо подняла голову:

– Вы только что обвинили моего отца в предательстве.

– Я сказал это вам только затем, чтобы поставить вас в известность. Если ваш отец жив, то может статься, он не хочет, чтобы его нашли. Вы, видно, полагаете, что ваши действия направлены на его спасение, мисс Мэйтленд, боюсь, что разочарую вас. На родине его может ждать решетка.

В возникшей паузе она перевела взгляд на Гая – он так и не проронил ни звука, что лишь подтверждало его вину. «На кого ты работаешь, – спрашивала она про себя, – на ЦРУ, «Эриал груп» или на свою собственную лживую шкуру?» Ей было противно смотреть на него.

Ее тошнило от одного его присутствия. Она встала.

– Спасибо, мистер Жерар. Я узнала от вас что-то очень важное, что-то, чего я не ожидала узнать.

– Тогда вы должны согласиться, что вам лучше оставить эту затею.

– Я другого мнения. Вы думаете, что мой отец предатель, и вы, очевидно, не единственный, кто так считает, однако все вы заблуждаетесь!

– У вас есть доказательства, мисс Мэйтленд? – Жерар фыркнул. – Каким чудом вы раздобыли их через двадцать-то лет? Поделитесь.

На это у нее не было ответа. Глядя правде в глаза, она понятия не имела, что ей делать дальше. Ясно было одно – действовать придется в одиночку.

Она вытянулась в струну, пока шла за Жераром обратно по коридору, и, пока они шли, она остро ощущала присутствие Гая за спиной. «Ведь я знала, что ему нельзя верить, – думала она, – с самого начала знала».

Никто не проронил ни слова, пока шли до двери. Здесь Жерар остановился и тихо сказал:

– Мистер Барнард, с вами можно передать сообщение Тоби Вульфу?

Гай кивнул:

– Разумеется. Что передать?

– Передайте ему, что сегодня он израсходовал свой последний ход, – Жерар отворил дверь, на улице ослепительно светило солнце, – больше чтоб меня ни о чем не просил.

* * *

Она не сделала и пяти шагов, как ее гнев вырвался наружу.

– Это все была ложь! Мерзавец, ты меня использовал!

Его лицо только подтверждало ее открытие, на нем ясно было написано признание вины.

– Ты все знал про Фрайера Така, про вознаграждение. Тебе был нужен не любой пропавший, а кто-то конкретный, и этот кто-то – мой отец!

Гай повел плечами, как бы показывая, что теперь-то, когда правда обнаружилась, ему было почти все равно.

– И как же ты собирался провернуть эту сделку со мной? – наседала она. – Рассказывай, мне интересно знать. Ведь найди мы его, ты бы сразу его сдал, а меня отшвырнул в сторону, так? Или заговаривал бы мне язык, пока я не привезла бы отца домой, а там, прямо на трапе самолета, отдал бы его в лапы правосудия? Каков был план, Гай? Отвечай?

– Никакого плана не было.

– Оставь это, чтобы у тебя и не было плана?

Он выглядел уставшим и побежденным.

– Плана не было.

Она сверлила его взглядом, сжимая и разжимая кулаки.

– Готова поспорить, что план еще как был, за два-то миллиона зеленых. Бьюсь об заклад, ты уже разрисовал, как будешь их тратить, пристроил в уме каждый доллар. Оставалось только сдать отца суду. Негодяй!

Как ей хотелось вмазать ему покрепче прямо здесь и сейчас, но вместо этого она просто развернулась и пошла.

– Еще как бы пристроил денежки, – закричал он ей вслед, – и много чего мог бы! Но тебя я никогда не собирался использовать!

Она шагала прочь. В несколько своих шагов он нагнал ее.

– Вилли, черт побери, да выслушай же ты!

– А что выслушивать, очередное вранье?

– Да нет же, правду выслушай.

– Правду, – она расхохоталась, – с каких это пор ты стал дружить с правдой?

Он схватил ее повыше локтя и развернул к себе.

– С этих самых.

– Пусти!

– Сначала выслушай.

– С какой стати я должна тебе верить?

– Ну хорошо, да, так и есть! Я знал про Фрайера Така, про вознаграждение и что...

– И что они охотились за моим отцом.

– Да.

– Так почему же ты мне ничего не сказал?

– Я сказал бы в итоге, я собирался сказать.

– Все было подстроено с самого начала, так ведь? С моей помощью собирались вычислить отца.

– Была такая мысль, сначала была.

– Да, низко ты пал, Гай, просто-таки на дне уже сидишь. Что, неужели так сильно денежки любишь?

– Я не из-за денег это делаю. У меня не было выбора, они приперли меня к стене.

– Кто это?

– «Эриал груп». Я говорил тебе, как они пришли две недели назад в мой кабинет, они знали, что я собирался лететь во Вьетнам. Что я не сказал тебе, так это почему на самом деле им нужно было, чтобы я работал на них. Им не нужны были никакие пропавшие без вести, они искали военного приступника.

– Фрайера Така.

Он кивнул.

– Я сказал им, что эта работа не для меня, тогда они предложили деньги, и немалые. Я по-прежнему колебался, и тогда они сделали предложение, от которого я не мог отказаться.

– Ах вот как, – сказала она с отвращением.

– Да не за деньги же, – протестовал он.

– А за что же тогда?

Он запустил руки в волосы и устало выдохнул:

– За молчание.

Она озадаченно сдвинула брови. Он не произнес ни слова, но она видела, как в его глазах маячила черная затаенная ярость.

– И все? – наконец прошептала она. – Шантаж, значит. И что же у них на тебя есть, Гай, что ты скрываешь?

– Это так просто не… – он сглотнул, – так просто не скажешь.

– Ах вон оно что, тут пахнет чем-то совсем нехорошим. Хотя чего еще можно ожидать, не правда ли? И все-таки это не оправдывает твоего поступка.

Она повернулась и зашагала прочь. Дорога дрожала в предполуденной жаре. Гай не отставал от нее ни на шаг, как приблудная собака, которая боится снова остаться одна. И он был в этом не одинок. Зашлепали босые ноги, возвестившие о возвращении Оливера, который, семеня рядом с ней, зачирикал старую песню:

– Желаете на коляске? Такой жаркий день! За тысячу донгов прикачу вам коляску!

Она услышала шуршание колес, сипение задохнувшегося водителя. Теперь за ней тянулись еще и дяди Оливера.

– Уходите, мне не нужна коляска.

– Солнце сегодня очень жаркий, очень сильный. Вам можно в обморок упасть. Я однажды видеть, как русская женщина упал в обморок.

Оливер с досадой покачал головой:

– Очень неприятно было смотрелось.

– Прочь пошли!

Тогда, ничуть не смутившись, Оливер обернулся к Гаю:

– А ты как, папочка?

Гай всунул в его грязную руку несколько купюр:

– Вот тебе тысяча. Теперь исчезни.

Оливер испарился. Но от Гая отделаться, к сожалению, было не так просто.

Он дошел с Вилли до рыночной площади, где на прилавках возвышались горы манго и дынь, они миновали лавки со свежим мясом, на которое слетались мухи.

– Я собирался тебе сказать про отца, просто не был уверен, как ты воспримешь это, – сказал Гай.

– Правду бы я услышать не побоялась.

– Побоялась бы, еще как! Ты его вовсю защищаешь, поэтому и не замечаешь прямых улик.

– Он не был предателем!

– Ты по-прежнему любишь отца, вот в чем дело…

Она резко развернулась и пошла прочь. Но Гай не отставал ни на шаг.

– В чем дело? – спросил он. – Я задел тебя за живое?

– С какой стати я должна беспокоиться о нем? Он бросил нас!

– А ты всю жизнь винишь себя.

– Себя? – Она остановилась. – Виню себя?

– Вот именно. Где-то глубоко в твоей девичьей душе запрятано чувство вины из-за его ухода. Допускаю, что вы как-то раз поругались, как ругаются отцы и дети во всем мире, ты сказала какую-нибудь резкость и пожалела об этом, но исправить ошибку не успела – он взял да ушел из дома. А потом разбился его самолет. Вот ты до сих пор, спустя двадцать лет, и стараешься загладить вину перед ним.

– Я смотрю, ты возомнил себя психиатром-самоучкой, даже лицензия не нужна.

– А мне не надо сильно морщить ум, чтобы понять, что происходит в детской голове. Мне самому было четырнадцать лет, когда мой отец ушел из дома, но я, как и ты, по-прежнему чувствую себя брошенным. А теперь за собственное чадо сердце болит, на душе кошки скребут.

Она уставилась на него изумленными глазами:

– У тебя есть ребенок?

– Если так можно сказать. – Он опустил глаза. – Его мать и я… мы не были женаты. Тут особо нечем гордиться.

– А-а.

– Ну да…

«Ты их бросил, – подумала она. – Тебя бросил твой отец, а ты бросил сына. Мир не меняется».

– Предателем он не был, – вновь повторила она, возвращаясь к их разговору, – пусть в нем не было чувства ответственности, заботы, чуткости, но пойти против своей страны он не смог бы.

– Да, но он находится в списке подозреваемых. Если Фрайер Так – это и не он, то каким-то боком он все же с ним связан. И связи этой стоит опасаться. Не зря тебя все время пытаются остановить, а ты постоянно упираешься рогом в стену, каждый твой шаг под наблюдением.

– Как? – Она инстиктивно обернулась и стала подозрительно разглядывать толпу.

– Да не светись же ты. – Гай взял ее повыше локтя и подвел к окну аптеки. – Смотри на «два часа», видишь человека? – пробормотал он, указывая головой на отражение в стекле. – Синяя рубашка, черные брюки.

– Ты уверен?

– На все сто. Только вот не знаю, на кого он работает.

– Похож на вьетнамца...

– А работать может на русских, скажем. Или на китайцев. И у тех и у других здесь имеется свой интерес.

Хотя она внимательно следила за отражением, человек как-то умудрился раствориться в толпе. Она знала, что он все еще где-то рядом, затылком чувствовала его взгляд.

– Что мне делать, Гай, – прошептала она, – как мне от него избавиться?

– Никак. Просто помни всегда, что он где-то рядом, помни, что за тобой вообще постоянно наблюдают. Мало того, похоже, за нами следит целая армия, черт бы их побрал.

С добрый десяток лиц теперь отражались в окне, скучковавшись и с любопытством рассматривая двух иностранцев. А позади толпы знакомая фигурка то и дело выпрыгивала вверх, махая им рукой-отражением.

– Привет, папочка! – донеслось оттуда.

Гай вздохнул:

– Даже от него невозможно избавиться.

Вилли с упреком посмотрела на отражение Гая и подумала: «Зато от тебя я избавиться могу».

Голова майора Нэйтена Доннела из отдела по боевым потерям пылала рыжим огнем волос, он был громогласен, а в зубах торчала сигара от которой несло за версту.

Гай не знал, что было хуже: смрад от этой сигары или от тех четырех скелетов, что лежали на столе. Может быть, Нэйт потому и курил такое гнилье, что хотел заглушить запах тлена.

Скелеты, с номерами на бирках, лежали каждый на своем куске брезента. На столе, помимо этого, лежало еще четыре пакета с личными вещами и другие предметы, найденные вблизи останков. За двадцать лет мало что сохранилось, лишь кости да зубы с въевшейся в них грязью. И это было неплохо, ведь иногда приходилось проводить опознание лишь по жалким остаткам.

Нэйт читал вслух сопроводительные документы. В этой безрадостной обстановке его раскатистый голос, отдаваясь эхом в стенах ангара, звучал как-то бесцеремонно.

– Номер 784-А, найден в джунглях, в двенадцати километрах к западу от лагеря Хоуторн. Рядом нашли бирку: «Элмор Стаки, рядовой первого класса».

– Бирка рядом лежала, не на шее? – спросил Гай.

Нэйт поглядел на вьетнамского офицера связи, стоящего в стороне.

– Так или нет? Бирка отдельно лежала?

Вьетнамец кивнул:

– Так сказано в отчете.

– Элмор Стаки, – прочитал Гай, открывая историю болезни бойца. – Рост: шесть футов четыре дюйма, белый, безупречные зубы. – Он посмотрел на скелет. Ему хватило одного взгляда на тазобедренный сустав, чтобы понять, что человек этот не мог быть выше чем 5 футов и 6 дюймов. Он помотал головой. – Ошибка.

– Зачеркнуть Стаки?

– Зачеркни. Но запиши, что кто-то утащил с собой его личный знак.

Нэйт болезненно хохотнул:

– Начинается…

– А другие три?

– А-а, эти? – Нэйт долистал до следующего отчета. – Эти три лежали рядышком в восьми километрах к северу от плацдарма «Берд». А вон тот американский шлем вблизи лежал. Больше при них ничего не было.

Гай машинально стал разглядывать наиболее показательные части: форму таза, расположение передних зубов.

– Те два – женские, скорее всего азиатки, а этот… – Он взял в руки рулетку и приложил к запачканному тазу. – Мужчина, пять футов девять дюймов или что-то около того. Гмм… Серебряные пломбы на первом и втором, – он кивнул, – этот похож.

Нэйт глянул на офицера связи:

– Я отправлю номер 786-А на дополнительную экспертизу.

– А остальные?

– Что думаешь, Гай?

Гай пожал плечами:

– Отправим и 784-А тоже, для очистки совести. А женщины пусть остаются у вас.

Вьетнамец кивнул.

– Я распоряжусь ими, – тихо сказал он и удалился.

В возникшей тишине Нэйт закурил очередную сигару, помахав рукой, затушил спичку.

– Быстро ты разделался. А я тебя до завтрашнего дня и не ждал.

– Кое-что обнаружилось.

– Да ну? – из вонючего облака дыма раздалось глубокомысленное восклицание Нэйта. – Помочь чем-нибудь?

– Пожалуй.

Нэйт кивнул в сторону двери:

– Все, пошли отсюда, а то у меня тут сейчас крыша поедет.

Они вышли на улицу и встали посреди пыльного двора старой военной площадки.

Над головой вилась по стене колючая проволока. С тарахтящего кондиционера на окне ангара капала вода.

– Так это у тебя, – заговорил Нэйт, с удовольствием пыхтя сигарой, – бизнес или что-то личное?

– И то и другое. Мне нужны кое-какие сведения.

– Надеюсь, не секретные.

– Это тебе виднее будет.

Нэйт захохотал и покосился на колючую проволоку.

– Ну ты спрашивай, а там посмотрим.

– Это ведь ты отправлял солдат на родину в 73-м, так?

– С 73-го по 75-й. Но там особо делать было нечего, улыбался без конца да раздавал бритвы и зубные щетки. Ну сам понимаешь, «добро пожаловать на родину» для военнопленных и все такое.

– А среди них, часом, не было никого из Туен-Куана?

– Чуть-чуть совсем, человек пять. Этот лагерь был гиблым местечком, там вспыхнул тиф уже под конец, перемерла куча народу.

– Но не все. Был один под именем Луис Валдес, не помнишь такого?

– Разве только имя. И то только потому, что он застрелился через день после прибытия на родину. Я думал тогда, что он от стыда…

– То есть ты с ним знаком не был?

– Нет, он проходил по закрытой статье, это отдельный канал, никто этого не касался.

Гай нахмурился, думая о закрытой статье. Почему разведка занималась им отдельно?

– Ну а остальные пленные из Туен-Куана? – спросил Гай. – Может быть, кто-нибудь упоминал Валдеса и почему им занимались отдельно?

– Да нет. Чего ты хочешь, у них у всех там крыша поехала, говорили только про дом, про семью. Да я и не думаю, что кто-то знал Валдеса. Лагерь был по два человека на камеру, а среди них соседа Валдеса не было.

– Он мертв, сосед?

– Нет. Отказался садиться в самолет, веришь, нет?

– Лететь боялся?

– Домой не хотел, хоть ты тресни.

– Как его звали, помнишь?

– Еще бы, блин, не помнить! Десять страниц отчета по нему пришлось написать. Лэситер. Сэм Лэситер. Я из-за него взбучку получил.

– А что произошло?

– Да нам пришлось его силком на посадку тащить. Он орал не переставая, что хочет остаться во Вьетнаме. Асам, знаешь, такой здоровый, белобрысый, ну чистый викинг. Шесть и четыре[5], а кричит и пинается, как двухлетний. Видел бы ты вьетов, как они ржали, на все это глядя. В общем, парень вырвался и на толпу пошел, ну, тут уж мы послали все на хрен, пускай дурень остается, если так хочет.

– Значит, он так домой и не вернулся?

Нэйт выпустил облако дыма.

– Не-а. Мы сначала следили за ним. Последний раз его видели в Кантхо, но это было несколько лет назад. С тех пор он мог переехать куда угодно, а может, уже и помер.

Нэйт обвел взглядом безжизненное пространство вокруг.

– Больной, что тут еще скажешь. Здоровый здесь не останется.

«Как знать, – думал Гай, – как знать. Может, у него не было выбора».

– А как обстояли дела с остальными, вернувшимися из Туена? – спросил Гай. – После возвращения, я имею в виду.

– Ну все как обычно. Посттравматическое стрессовое расстройство, как ты сам знаешь. Хотя они приспособились худо-бедно. На большее рассчитывать и не стоило.

– Все, кроме Валдеса.

– Да, все, кроме него.

Нэйт стряхнул пепел.

– А что для них можно сделать? Или для таких отшибленных, как Лэситер. Их если отшибает, то уж насовсем. Все эти пацаны, слишком зеленые они были, чтоб на такую войну идти. Они же даже жизни еще не нюхали. Когда я думаю про таких, как Лэситер или Валдес, блин, чувствую себя никчемным.

– Ты сделал все, что мог.

Нэйт кивнул:

– Что ж, хочется верить, что хоть в чем-то польза от нас есть. – Он вздохнул и посмотрел в сторону ангара. – Хоть 786-А домой летит.

Русские снова затянули песню. В остальном вечер был приятным.

Пиво холодное, бармен предупредителен и в то же время ненавязчив. С высоты своего места в баре на крыше Гай видел, как русские разлили по рюмкам еще по порции «Столичной». Ну, хоть бы у них праздничек. Про себя он такого сказать не мог. Ему нужно было срочно придумывать план действий. Все то, что он узнал от Алана Жерара этим утром и от Нэйта Доннела потом, лишь подкрепило его догадки: кому-то не нравилась симпатичная мордашка Вилли Мэйтленд.

Он был уверен, что нападение в Бангкоке не имело целью ограбление. Кто-то пытался ее остановить. Кто-то, кто не хотел, чтобы она совала свой нос в дела прошлых лет Билла Мэйтленда.

ЦРУ? Вьетконговцы? Или сам Билл Мэйтленд?

Последнее он решительно отмел. Никто на свете не смог бы, даже на грани отчаяния, поднять руку на собственную дочь. Но что, если это было предупреждение? Способ отпугнуть?

Бесконечное число вариантов и перетасовок изматывали Гая. Жив ли Мэйтленд? Имеет ли он отношение к Фрайеру Таку? Или это один и тот же человек? И была ли причастна к этому «Эриал груп»?

Вот что отдельно интересовало – «Эриал груп». Гай прокрутил в голове встречу с ними в своем кабинете несколько недель назад. Те двое были как с картинки: гладко выбриты, в темных костюмах, с галстуками приглушенной расцветки, с лицами, которые забываешь, как только перестаешь их видеть. И только после того, как они вручили ему чек на 20 тысяч, он стал к ним присматриваться. Кто бы они ни были, денег у них было не счесть. И его ждало еще больше, намного больше, если он сделает им одно маленькое одолжение – определит местонахождение летчика по имени Фрайер Так. «Это вопрос вашей патриотической совести» – так они это назвали. Речь шла о предателе, о ставшем «красным» американцем, который переметнулся на вражескую сторону. И все же Гай колебался. Не его это было занятие – продавать себя за бабки. Но тут они достали свой главный козырь.

«Эриал», «Эриал». Он мусолил в уме это название. Что-то из Библии. Полулев-получеловек.

Странное название для сообщества ветеранов. Если, конечно, они таковыми были.

Но не только «Эриал» охотилась за таинственным Фрайером Таком. ЦРУ тоже имело на него виды, тоже обещало за него деньги. Из того, что Гай знал, и вьетнамцы, и французы, и, пожалуй, марсиане разыскивали летчика.

И в эпицентре этого «урагана» находилась неопытная, упрямая, неуправляемая Вилли Мэйтленд. И ее чертовская привлекательность неимоверно затрудняла положение. В ней головокружительным образом сочетались сила и беззащитность, что просто-таки разрывало Гая пополам: то ли защищать ее, то ли использовать. В чем же было больше смысла?

Снизу доносилось уханье дискотеки. Он подумал, не сходить ли ему вниз и не потрястись ли в паре с какой-нибудь оторвой. Отхлебывая из бутылки, он заметил боковым зрением знакомую фигуру. Обернувшись, он увидел, что Вилли направляется к столику у ограды.

Интересно, присоединится она к нему на пару стаканов? «Ну конечно же нет», – решил он, видя, как всем своим видом она выказывала безразличие к нему. Она сидела, прямая как стрела, и смотрела куда-то далеко, в ночь. Янтарная прядь повисла у щеки, она заправила волосы за ухо и этим неуловимым движением напомнила ему школьную учительницу.

Тогда он решил тоже не обращать на нее внимания. Но чем больше он старался не думать о ней, тем ярче вставал в голове ее образ. Он попробовал сосредоточить взгляд на бутылке «Столичной», опустошаемой стараниями бармена, но по-прежнему не мог отвязаться от ощущения ее присутствия, словно бы где-то позади, излучая сияние, сверкал бенгальский огонь. Да какого черта! Он еще раз попробует. Он почти выскочил из-за стола и зашагал по крыше.

Вилли почувствовала его приближение, но даже не подняла на него глаза, хотя он взял стул, уселся на него и перегнулся к ней через столик.

– Я все же считаю, что мы должны работать вместе, – заявил он.

Она фыркнула:

– Сомневаюсь.

– Ладно, давай хотя бы поговорим.

– Мне нечего вам сказать, мистер Барнард.

– Ах, так мы снова на вы?

Она посмотрела на него стеклянными глазами.

– Я бы могла назвать вас и по-другому, ну, скажем…

– А можно без «комплиментов»? Послушай, я был у одного моего друга…

– У тебя есть друзья? Чудеса какие-то!

– Нэйт состоял в отряде по отправке солдат на родину в 75-м году. Через него прошла куча военнопленных, включая тех, что из Туен-Куана.

На лице Вилли мгновенно отразилась заинтересованность.

– Он знал Луиса Валдеса?

– Нет. Валдес проходил по отдельному каналу, засекреченному, никто его даже близко не касался, никто, кроме его соседа по камере в Туен-Куане – человека по имени Сэм Лэситер. Нэйт сказал, что Лэситер домой не возвращался.

– В смысле, умер, что ли?

– Он не покидал Вьетнама.

Она вся напряглась и подалась вперед, взбудораженная такими новостями.

– Он до сих пор здесь, во Вьетнаме?

– По крайней мере, был несколько лет назад. В Кантхо – это город на реке в районе дельты, примерно в ста пятидесяти километрах к юго-востоку отсюда.

– Это недалеко, – сказала она, мысли кипели в ее голове, – если я завтра утром отправлюсь… то ко второй половине дня буду там…

– И как же ты собралась ехать, позволь спросить?

– Что значит – как? На машине, разумеется.

– Ты что же, думаешь, что так вот запросто упорхнешь от мистера Айнха?

– Ты забыл о такой вещи, как взятка, – есть люди, которые за звонкую монету пойдут на все, разве не знаешь?

Он выдержал ее суровый взгляд столь же уверенно и не моргая.

«Да забудь ты про деньги, черт бы их побрал, неужели ты не видишь, что кто-то нами манипулирует, вопрос, кто?» – пронеслось в его голове.

Он наклонился к ней и мягким вкрадчивым тоном произнес:

– Я организовал машину на завтра, чтобы с утра сразу в Кантхо. Айнху скажем, что я тебя беру с собой, ну, как бы на туристическую прогулку по местам…

Она расхохоталась:

– Ты что, думаешь, я тупа как пробка? Да с какой стати я тебе буду верить? Ты же просто охотник за головами! Проныра! Гад!

– Чудный вечер, не правда ли? – вмешался чей-то сладкий голос.

Додж Гамильтон со стаканом в руке лучезарно улыбался им. Ему не ответили.

– О, простите, я, кажется, некстати?

– Ну что вы, – ответила Вилли, подставляя стул вездесущему англичанину.

Он явно нуждался в товарище по несчастью, и Вилли идеально подходила на эту роль. Они могли бы продолжить обмен соболезнованиями по поводу разбитых сердец и потерянных отцов.

– Нет, правда, если я некстати…

– Прошу вас, останьтесь, – Вилли стрельнула глазами в сторону Гая, – мистер Барнард как раз собирался уходить.

Гамильтон перевел взгляд с Гая на предложенный стул.

– Что ж, если вы настаиваете…

Он неуверенно сел, поставил свой стакан на столик и, глядя на Вилли, произнес:

– Я хотел спросить вас, мисс Мэйтленд… не пожелали бы вы дать мне интервью?

– Я? Почему вдруг я?

– Я хочу поменять направление своей истории о Сайгоне, пусть это теперь будет поиск дочерью родного отца, это намного трогательнее. Этакое путешествие в глубины душевных…

– Не годится, – встрял Гай.

– Почему? – спросил Гамильтон.

– Не хватает… страсти, что ли, – на ходу придумывал Гай, – любовной чертовщинки. Не захватывает…

– Еще как захватывает! Пропавший отец и…

– Гамильтон, – Гай приблизился к нему, – я сказал, нет.

– Кажется, спросили меня, – сказала Вилли, – это все-таки мой отец.

Гай прищурился, глядя на нее.

– Вилли, – тихо произнес он, – подумай немножко.

– А я и подумала. Можно отлично использовать прессу, чтобы расшевелить непробиваемую систему.

– Скорее она станет еще более непробиваемой. Вьетнамцы ни за что не будут выставлять на всеобщее обозрение свое грязное белье. Что, если они знают, что произошло с твоим отцом и что там не все было чисто в конце? Им не нужно, чтобы об этом трезвонили все лондонские газеты. Да они тебя запросто выкинут отсюда.

– Поверьте, – сказал Гамильтон, – я не болтлив.

– Неболтливый журналист, занятно… – пробормотал Гай.

– Ни слова не будет напечатано, пока она сама не покинет страну.

– Вьетнамцы не идиоты, они разузнают, над чем вы работали.

– Ну, тогда я сочиню еще один рассказ и прикроюсь им.

– Не поняла, простите… – вежливо произнесла Вилли.

– Все гораздо сложнее, чем вам кажется, Гамильтон, – сказал Гай.

– Мне приходилось иметь дело с щекотливыми темами, и, если что-то нельзя печатать, я этого печатать не буду.

Вилли встала из-за стола:

– С меня хватит, я иду спать.

Гай посмотрел на нее снизу:

– Ты не можешь идти спать, мы не закончили разговор.

– С тобой я точно разговор закончила.

– А как же насчет завтра?

– А как же моя статья?

– Гамильтон, – сказала она, – вам ведь нужно чье-то грязное белье для вашей статьи? Почему бы вам тогда не взять интервью у него. – Она показала на Гая, развернулась и ушла.

– У вас действительно что-то есть?

Гай лишь улыбнулся в ответ. Все с той же улыбкой на лице он в лепешку смял рукой пустую пивную банку.

«Боже правый, избавь меня от козлов в этом мире, – думала Вилли, заходя в лифт, двери закрылись, – и прежде всего от Гая Барнарда».

Закрыв глаза, она прислонилась спиной к стенке лифта, ожидая своего этажа. Лифт тащился черепахой, как и все в этой стране. Стоял удушливый запах пота и алкоголя. Через шум тросов откуда-то сверху из шахты доносилось едва уловимое повизгивание. Летучие мыши. Она видела, как они порхали по двору прошлой ночью. Дивно! Мыши и Гай Барнард. Что еще нужно женщине для счастья? Вот если бы можно было пользоваться его знаниями местных реалий и при этом не иметь дела с его личностью. Ведь он был не дурак и знал ходы и выходы, имел связи, хоть и сомнительные, но такие нужные! Ах как жаль, что ему нельзя доверять!

И все же она прикидывала: а что, если принять его предложение? Глубоко в душе ей хотелось работать плечом к плечу с человеком, который заставлял ее сердце биться быстрее. Дурной знак. Она попалась на его крючок.

Да нет, она, конечно, влюблялась и до этого и знала, на какие выкрутасы способны гормоны, как могут они извести истосковавшееся по ласке женское тело.

«Я просто не буду больше о нем вспоминать. Подумаешь, оказалась не в то время не в том месте, не при том стечении обстоятельств. И уж точно не с тем человеком».

Лифт заскрежетал, останавливаясь. Двери разъехались в стороны, открыв пустынную дорожку, идущую снаружи вдоль этажа. Ночь подрагивала под удаленное гуканье дискотеки, пока Вилли шла через полумрак к своему номеру. Весь этаж казался безжизненным. Свет в окнах не горел, занавески опущены. Она вздрогнула и резко осмотрелась, когда дикий визг эхом пронесся по двору гостиницы и растворился в темноте. За перилами дорожки появились тени летучих мышей и привидениями пронеслись над землей. Руки ее все еще дрожали, когда она коснулась своей двери и стала нащупывать в сумочке ключи. В этот момент боковым зрением она уловила фигуру человека, и шестое чувство, предостерегая об опасности, заставило ее обернуться.

В конце дорожки из тени вышел человек. Когда он миновал промежуток, освещенный фонарем с улицы, она увидела приглаженные черные волосы и совершенно неподвижное, словно восковое, лицо. Тут в глаза ей бросился какой-то предмет в его руке. Это был нож. Сумочка сама выпала из ее рук, и она бросилась бежать. Впереди, минуя огромный кондиционер, коридор делал поворот. Если она побежит дальше, то сможет скрыться на лестничной клетке. От человека ее отделяло метров тридцать. Ему конечно же была нужна ее сумочка. Но после поворота шаги за спиной не смолкли. О боже, он гнался вовсе не за кошельком, а за ней! Лестничная клетка маячила в самом конце, а там, этажом ниже, спасительная танцплощадка и люди! Она припустила изо всех сил. И тут застланными ужасом глазами она увидела, что путь закрыт – еще один человек стоял в конце дорожки, видно было только белое пятно его лица. Она завертелась на месте, и тут что-то с визгом пролетело мимо нее и плюхнулось на пол. Нож! Она подхватила его и выставила перед собой, переводя взгляд с одного преследователя на другого, а они все приближались. Крик, вырвавшийся из ее горла, смешавшись с музыкой дискотеки, эхом пролетел по стенам отеля и растворился в ночи. Стая летучих мышей пронеслась через тьму.

«Услышь же меня, кто-нибудь!» – отчаянно пронеслось у нее в голове.

Она снова кинула взгляд вокруг, ища спасительного выхода. Спереди, за перилами, зияла четырехэтажная пропасть – двор. Позади работал вмонтированный в засыпанную гравием крышу гигантский кондиционер. Через ржавую решетку были видны огромные, как у самолета, вращающиеся лопасти вентилятора. Поток теплого воздуха был таким сильным, что юбка на ней вздымалась. Человек приблизился к ней, чтобы завершить свое дело.

Глава 6

Выбора не было. Она перелезла через ограду и ступила на решетку кондиционера. Та прогнулась под ее весом и едва не коснулась смертоносных лопастей. Кусок ржавого металла откололся от решетки и упал вниз. Раздался оглушительный лязг.

Она шаг за шагом пробралась к спасительному островку крыши, ощущая каждый дюйм как целую милю на волоске от крутящейся снизу смерти. Дрожащими ногами она наконец сошла с решетки на крышу. И все. Здесь идти было некуда, дальше пропасть. А между ней и убийцами только ржавая решетка. Они замешкались, ища безопасного пути до нее. Оставалось только лезть через решетку, которая с трудом выдержала ее вес, а они были намного тяжелее. Она посмотрела на хищные лопасти вентилятора, нет, они не рискнут сюда полезть. Но к ее изумлению, один из мужчин перелез через ограду и осторожно ступил на решетку, та сильно прогнулась, но выдержала его. Человек сверлил ее глазами, и было видно, что он не свернет с пути, пока не завершит начатого.

«Западня! – подумала она. – Господи, я в западне!» Она в отчаянии закричала, но рев кондиционера заглушил ее крик. Человек с ножом в руке уже миновал половину решетки. Она сжала в руках нож и отступила к самому краю крыши. Ей оставалось одно из двух: прыгнуть с четвертого этажа на асфальт или пойти врукопашную на профессионального убийцу. И то и другое было обречено на провал. Сжимая в руках нож, она припала к земле и приготовилась защищаться, резать, царапать, что угодно, только бы выжить.

И тут ночную тишину прорезал выстрел.

Вилли в оцепенении смотрела, как ее палач схватился за живот и перевел ошеломленный взгляд на окровавленную руку. Затем он, словно марионетка, у которой перерезали лески, рухнул как подкошенный. Мертвое тело всем весом навалилось на решетку, и Вилли, вся сжавшись, закрыла глаза. Хотя она и не видела, как провалилось тело, но слышала страшный скрежет металла, ощутила содрогание застревающих лопастей вентилятора. Она упала на колени, и ее вырвало прямо в темную пропасть двора.

Когда наконец вентилятор заработал по-прежнему, она заставила себя посмотреть вокруг. Второго убийцы простыл след. На противоположной стороне гостиницы, на галерее одного с ней этажа, что-то блеснуло. Это оказался ствол опускаемого пистолета. Детское лицо смотрело на нее поверх перил. Она с трудом подыскивала объяснение происшедшему: почему там стоял этот мальчик и зачем он только что спас ей жизнь? Пошатываясь, она встала на ноги и прошептала:

– Оливер?

Мальчик не сказал ни слова, только приложил указательный палец к губам и, словно привидение, растворился в темноте. Сквозь туман в голове она услышала крик и топот приближающихся шагов.

– Вилли, ты в порядке?

Она обернулась и увидела Гая, в его голосе ясно слышалась паника.

– Не двигайся! Я сейчас тебя вытащу!

– Нет! – закричала она в ответ. – Решетка... она сломана!

Он оглядел крутящиеся лопасти, затем посмотрел вокруг и, заметив рабочую стремянку, стоящую у разбитого окна, поднес ее к перилам, перетащил через них и перекинул поверх сломанной решетки. Затем сам заполз на перекинутую лестницу и, осторожно встав на одну из перекладин, протянул Вилли руку.

– Ну вот, – сказал он. – Поставь левую ногу на лестницу и возьми меня за руку. Я не дам тебе упасть, клянусь тебе! Ну давай же, крошка, всего-то делов – взять меня за руку.

Она не могла смотреть вниз, на лопасти, и поэтому глядела прямо перед собой, на лицо Гая, напряженное и блестящее от пота. Вот он, рядом с ней, протягивает ей руку! В этот момент осознала наверняка, что он не даст ей сгинуть, что подхватит ее, что она может вверить ему свою жизнь.

Она глубоко вздохнула для храбрости и сделала, наконец, шаг над крутящимися ножами пропеллера. В тот же самый миг его пальцы надежно сомкнулись вокруг ее предплечья. Вдруг она пошатнулась, но твердая хватка Гая удержала ее. Медленно, отрывистыми движениями она добралась до ступеньки, на которой балансировал Гай.

– Держу! – крикнул он, хватая ее и перенося через губительный отрезок в сторону загородки, легко перекинул ее на ту сторону и упал сам рядом с ней, продолжая держать ее в своих надежных объятиях. – Все хорошо, – бормотал он, уткнувшись в ее волосы, – все позади...

Тут только, ощущая телом биение его сердца, она осознала, насколько он перепугался за нее.

Ее так трясло, что она вряд ли смогла бы подняться на ноги, но какое это имело значение? Она знала, что те руки, которые ее теперь держали, не подведут. Они оба вздрогнули, когда раздалась резкая команда по-вьетнамски, и зеваки, собравшиеся вокруг них, тут же расступились,

уступая дорогу полицейскому. Вилли зажмурилась, когда в глаза ей направили ослепительный пучок света, затем фонарь навели на пропеллер кондиционера. Ужас вырвался из глоток наблюдателей.

– Мой боже, – услышала Вилли шепот Доджа Гамильтона, – что же это за мясобойня такая?

Мистер Айнх был весь в поту. Кроме того, он был измотан, голоден, и ему очень нужно было в туалет. Но все это могло потерпеть. Уж чему-чему, а терпению война его научила. «Победа достается тому, кто вынослив», – твердил он про себя, сидя на жестком стуле и уставившись на деревянный стол перед собой.

– Мы с вами недоглядели, товарищ, – произнес министр тихо, почти прошептал, ведь власть имущим кричать не нужно.

Айнх медленно поднял голову. Глаза человека, сидящего перед ним, были словно два сверкающих речных камня. Его лицо испещряли морщины, а волосы висели жиденькими, словно паутинки, седыми метелками, но глаза – темные, светящиеся, дерзкие – были молодыми. Эти глаза сейчас прожигали Айнха насквозь.

– Смерть американской туристки наложила бы на нас несмываемое пятно позора, – сказал министр.

Айнху оставалось лишь, кивая, кротко соглашаться.

– Вы уверены, что мисс Мэйтленд получила ранение?

Айнх прокашлялся и снова кивнул. В голосе министра, только что тихом и мягком, зазвучали металлические нотки.

– Этот парень, Барнард, предотвратил международный скандал – сделал то, что нашим людям явно не под силу.

– Но мы никак не могли ожидать этого, ничто не предвещало такого происшествия.

– А нападение в Бангкоке – разве это не было предвестием?

– Попытка ограбления… так говорится в отчете.

– А отчеты, значит, никогда не врут, так, что ли? – страшно прозвучал ласковый голос министра. – Сначала Бангкок, теперь это. Любопытно, во что это такое влезла наша американская туристочка?

– Эти два происшествия могут быть и не связаны.

– Все на свете как-то связано, товарищ. – Министр сидел не шевелясь и явно раздумывая. – А что этот мистер Барнард? Он и мисс Мэйтленд, – министр учтиво прервался, – они состоят в связи?

– Надо думать, что нет. Она назвала его… как это у них, у американцев, принято… козлом.

Министр засмеялся:

– Так мистеру Барнарду не везет с женщинами!

В дверь постучали. Вошел чиновник и, отдав министру какой-то отчет, вежливо удалился.

– Есть хорошие новости? – вопросил Айнх.

Министр заглянул внутрь отчета.

– Допустим. Удалось восстановить по кусочкам удостоверение личности погибшего. Похоже, он раньше уже имел дело с полицией.

– Ну, тогда это многое объясняет! – сказал Айнх. – Среди этих головорезов есть такие, которые за пару тысяч донгов пойдут на все.

– Это было не ограбление.

Министр протянул Айнху отчет:

– Он имел связи со старым режимом.

Айнх пробежал страницу.

– Тут только упоминается его двоюродная сестра – рабочая на фабрике, – он остановился и удивленно поднял глаза, – смешанная кровь?

Министр кивнул.

– Ее допрашивают в данный момент. Не понаблюдать ли нам за этим процессом?

Шантель, сгорбившись, сидела на деревянной скамье и метала молнии в допрашивающего ее полицейского.

– Я ни в чем не виновата! – выпалила она. – Зачем мне кого-то убивать? Значит, говорите, какая-то американская сучка? Вы что думаете, я с ума спятила? Да я всю ночь дома сидела, спросите старика-соседа надо мной, спросите его, кто слушал у меня в доме радио всю ночь и зачем он стучал мне в потолок, этот старый олух! Вот уж про него я могу вам порассказать всякого.

– Ты на старика будешь клеветать? – возмутился полицейский. – Ах ты, контрреволюционерка! Ты и твой братик!

– Да я и не знаю его толком.

– Вы вместе работали.

Шантель фыркнула:

– Я работаю на фабрике, и ничего общего с ним у меня нет.

Полицейский швырнул на стол сумку, выпотрошил содержимое и разложил на столе перед ней.

– Икра, шампанское, паштет. Мы нашли все это в твоем кухонном шкафу. Каким образом у фабричной рабочей хватает на все это денег?

Шантель поджала губы, но ничего не сказала. Полицейский ухмыльнулся, сделал жест охраннику, и Шантель в его сопровождении, немая как рыба, вышла из помещения. Полицейский подобострастно повернулся к министру, который вместе с Айнхом наблюдал за допросом.

– Как вы могли заметить, господин министр Транх, она не желает сотрудничать, но, если вы дадите нам время, мы найдем спос…

– Отпустите ее, – распорядился министр.

Полицейский был ошарашен.

– Уверяю вас, мы сможем заставить ее говорить.

Министр Транх улыбнулся.

– Можно иначе добыть нужную информацию. Освободите ее, и можете спокойно ждать, пока пчелка не прилетит обратно в свой улей.

Полицейский удалился, качая сокрушенно головой. Но он конечно же все исполнит, как приказали.

Все-таки у министра Транха было куда больше опыта в подобных делах. Разве не этот старый лис отточил свое шпионское ремесло в годы войны?

Министр сел и надолго задумался. Затем он взял в руки бутылку шампанского и пробежал взглядом по этикетке.

– Неужели! «Тайтингер». – Он вздохнул: – Мое любимое, еще с парижских времен.

Он бережно поставил бутылку обратно на стол и взглянул на Айнха.

– Похоже, мисс Мэйтленд накликала на себя беду. Задает слишком много вопросов, это уж точно. Вовсю ворошит прошлое.

– Это вы, верно, про отца ее говорите? – Айнх покачал головой. – Это уж действительно в прошлом.

– Может быть, и не совсем, – бархатным голосом заметил министр.

По столу полз большой черный таракан. Один из охранников хлопнул по нему газетой, смахнул покойника на пол и продолжил записывать. На потолке жужжал вентилятор, разгоняя духоту и вороша газеты на столе.

– Давайте-ка еще раз, мисс Мэйтленд, – не унимался старший следователь, – опишите, что произошло.

– Я уже все вам рассказала.

– Мне кажется, вы что-то упустили.

– Нет. Нет, я ничего не упустила.

– Нет, упустили. А как же стрелок?

– Никакого стрелка я не видела.

– У нас есть свидетели, они слышали выстрел.

– Я вам уже сказала, я никого не видела. Решетка была старая, она его просто не выдержала.

– Зачем вы лжете?

Она вся выпрямилась.

– Кто вам вбил в голову, что я лгу?

– Да это мы точно знаем.

– Отстаньте от нее! – вмешался Гай. – Она вам уже рассказала все, что знала.

Начальник повернулся и посмотрел на Гая:

– Я вас попрошу воздержаться от восклицаний, мистер Барнард.

– А я вас попрошу прекратить эти гестаповские выходки! Вы ее уже два часа допрашиваете, неужели не видите, что она на последнем издыхании?!

– Я думаю, вам следует уйти.

Но Гай и не думал сдаваться.

– Она американка, и вы не можете держать ее просто так! В чем вы ее обвиняете?

Начальник посмотрел сначала на Вилли, потом на Гая. Небрежно пожав плечами, он сказал:

– Ее отпустят.

– Когда?

– Когда она скажет правду, – ответил он и вышел.

– Держись, – проговорил Гай, – мы в конце концов вытащим тебя отсюда.

Он проследовал за полицейским в соседнюю комнату, с силой захлопнув за собой дверь. Они пререкались минут десять, через закрытую дверь доносился их крик. Это хорошо, что у Гая хватало сил кричать, сама она уже с трудом держала голову прямо.

Когда Гай вернулся, она увидела по его разгневанному взгляду, что он ничего не добился. Изможденный, он опустился на скамейку рядом с ней, потер глаза.

– Что им от меня нужно? – спросила она. – Почему они не могут просто оставить меня в покое?

– У меня есть ощущение, что они чего-то ждут. Какой-то отмашки…

– Какой отмашки?

– Чтоб я знал…

Кто-то шлепнул по столу сложенной газетой. Вилли подняла глаза и увидела охранника, смахивающего в сторону очередного таракана. Она содрогнулась.

Была полночь.

В час ночи объявился мистер Айнх, желтый, как старая простыня. Вилли была без сил и даже не попробовала встать со скамьи. Она так и осталась сидеть, упершись в плечо Гая и предоставив говорить мужчинам.

– Мы искренне извиняемся за причиненные неудобства, – сказал Айнх с неподдельным раскаянием в голосе, – но вы должны понять, что…

– Неудобства?! – оборвал его Гай. – Да мисс Мэйтленд чуть не убили сегодня вечером, а теперь вот уже три часа держат здесь. Что, черт возьми, происходит?

– Положение необычное… попытка ограбления, да еще кого – иностранного гражданина… тут, конечно… – Он беспомощно пожал плечами.

Гаю это не нравилось.

– По-вашему, ее пытались ограбить?

– А что еще с ней хотели сделать?

– Убить.

Айнх тяжело втянул носом воздух. Потом повернулся к охраннику, и они о чем-то быстро переговорили. Он удостоил Вилли вежливым поклоном:

– Полиция вас отпускает, мисс Мэйтленд. От имени вьетнамского правительства я приношу извинения за те досадные неприятности, которые вам пришлось претерпеть. Но неприятности эти ни в коем случае не должны затмить те теплые чувства и глубокую признательность американскому народу, которые мы испытываем, и мы надеемся, что они не испортят вашего дальнейшего пребывания в нашей стране.

Гай не смог удержаться от смеха:

– Зачем испортит? Подумаешь, какое-то жалкое покушение на убийство!

– С завтрашнего же утра вы можете продолжать ваши путешествия.

– Это в каких же пределах? – спросил Гай.

– Никаких пределов.

Айнх прокашлялся и сделал хилую попытку улыбнуться:

– Несмотря на то мнение о нас, которое ваше правительство создало, мистер Барнард, мы люди понимающие и нам нечего скрывать.

Гай лишь уныло заметил на это:

– Или просто представляетесь такими…

– Не понимаю. Сначала они тебе три часа полощут мозги, а потом отпускают на все четыре стороны. Здесь что-то не так.

Вилли смотрела из окна такси на пролетающие мимо улицы Сайгона. Вспыхивали и тонули в темноте фонари. Продавец лапши сидел на корточках возле телеги, из которой валил пар. В дверном проеме одного из домов отдернули штору, и внутри показались свернувшиеся котятами на матрасах спящие дети.

– Да здесь все не так, – прошетала Вилли. – В этой стране, с людьми этими. И со всей этой заварухой…

От сильного переутомления Вилли стало лихорадить – кошмар, через который она прошла в эту ночь, стал оказывать свое действие. Даже рука Гая, которая таинственным образом оказалась на ее плечах, не могла отогнать пережитых страхов. Он притянул ее к груди. Она погрузилась в спокойное облако его усталости, ощутила ровное биение его сердца, и тут только перестала дрожать. А он продолжал шептать:

– Все будет хорошо, Вилли, я никому не дам тебя в обиду.

Она ощутила поцелуй в лоб, нежный, словно капля грибного дождя.

Когда такси остановилось напротив отеля, ему пришлось ее уговаривать выйти из машины. Он держал ее, пока они шли по страшному в своем сиянии вестибюлю. В лифте она держалась за него, как за колонну. Все та же рука поддерживала ее, пока они шли по дорожке до двери его номера, мимо кондиционера, теперь зловеще молчащего. Он даже не стал спрашивать, не будет ли она против, если он останется с ней, а просто открыл дверь, провел ее в комнату и усадил на свою кровать. Потом закрыл на замок дверь и подпер ее стулом. В ванной он намочил полотенце теплой водой и, вернувшись в комнату, сел рядом с ней и

осторожно вытер ее запачканное лицо. Щеки ее были бледны. Ему вдруг страшно захотелось поцеловать ее, вдохнуть в нее хоть капельку жизни. Он знал, что она не сможет сопротивляться, у нее просто не будет на это сил. Но это было бы неправильно, он был не из тех, кто пользуется беззащитным положением человека.

– Вот так, – проговорил он, зачесывая рукой назад ее волосы, – так-то лучше.

Она пошевелилась и, уставив на него широко раскрытые, застывшие глаза, прошептала:

– Спасибо.

– За что?

– За то… – она искала нужные слова, – за то, что ты рядом.

Он коснулся ее лица:

– Я буду рядом всю ночь. Я тебя одну не оставлю. Если, конечно, ты этого хочешь.

Она кивнула. Ему было больно смотреть на нее, такую уставшую, такую побежденную.

«Это уже не просто увлечение, – подумал он, – только этого мне не хватало».

Глаза ее заблестели, и ему стало ясно, что она сдерживает слезы. Он обвил ее плечи рукой.

– Ничего не бойся, Вилли, – зашептал он ей в мягкие волосы. – Завтра утром ты отправишься домой. Пусть мне придется привязать тебя к креслу в самолете, но ты обязательно улетишь отсюда.

Она замотала головой:

– Я не могу.

– Что значит – не можешь?

– Отец же…

– Забудь о нем. Бесполезно это все.

– Я дала матери слово…

– Ты дала слово, что придешь с ответом, а не с телом. Ей нужна не голая бумажка с печатью, а ответ на вопрос. Вот и принеси ей этот ответ, скажи ей, что отца нет в живых, и, скорее всего, ты скажешь правду.

– Я не могу ее обманывать.

– Надо.

Он взял ее за плечи, так, чтобы она посмотрела на него.

– Кто-то пытается убить тебя, Вилли. Они дважды проштрафились, но что будет в третий раз или в четвертый?

Она затрясла головой:

– Да за что же меня убивать? Ведь я ничего не знаю!

– Да не за то, что ты знаешь, а за то, что можешь узнать!

Всхлипывая, она подняла на него недоумевающие глаза.

– Узнать что? Что мой отец мертв или что жив? Да кому какая разница?!

Он утомленно вздохнул:

– Не знаю… нам бы найти Оливера и спросить его, на кого он работает.

– Да он всего лишь ребенок!

– Где же ребенок? Ему лет шестнадцать– семнадцать, достаточно взрослый, чтобы работать агентом.

– Вьетнамским?

– Да нет… если бы он был с ними, то почему тогда скрылся? Почему тогда полиция тормошит тебя из-за него?

Вилли совсем запуталась и легла, свернувшись на кровати калачиком.

– Он спас мне жизнь, а я даже не знаю почему.

Вот она, эта беззащитность в дрожащем взгляде, ее природа во всей красе. Пускай она была плоть от плоти Дикого Билла Мэйтленда, но она оставалась женщиной, и Гаю было очень непросто думать теперь о деле. Зачем им понадобилось ее убивать? Он слишком устал, чтобы думать об этом. За окном ночь, а она лежит так близко, лежит на кровати, которая вся в их распоряжении.

Он протянул руку и нежно погладил ее по лицу. Она как будто сразу почувствовала, к чему все это идет, и, хотя тело ее напряглось, она не сопротивлялась. Как только их губы соприкоснулись, он ощутил, как некий разряд прокатился по ней и по нему; и, словно молнией, их озарило вспышкой радости. «Боже мой, – мысленно поразился он, – да ты и сама этого хотела».

Он рассслышал слабое «нет», но знал, что она не имела этого в виду, и потому не переставал целовать ее, пока не осознал, что если сейчас же не прекратит, то сделает что-то, чего уж точно не хотел делать. «Как же это – не хочу? Еще как хочу! – подумал он, сам себе удивляясь. – Да я еще ни одну женщину так не хотел». Она слабо уперлась рукой ему в грудь и пролепетала еще тише «нет». Он бы не обратил на это внимания, если бы не ее глаза. Они были широко раскрыты, в них была растерянность, растерянность женщины, дошедшей до предела от страха и переутомления.

Не такой он желал иметь ее в своих руках – не дошедшей до ручки, но дышащей жизнью, той, настоящей Вилли Мэйтленд. Он отпустил ее. Они сидели на кровати, долго ничего не говоря и в тихом оцепенении глядя друг на друга.

– Зачем, зачем ты это сделал? – спросила она слабым голосом.

– Мне показалось, что тебе это нужно.

– Но не от тебя.

– Ну, от кого-то другого? Тебя давно уже никто не целовал, так ведь?

Она не ответила, но он знал, что попал в точку.

«Блин, какая красота пропадает!» – подумал он, роняя в очередной раз взгляд на безупречный маленький рот. Он усмехнулся, стараясь выглядеть беззаботным.

– Да, вот так я подумал.

Вилли глазела на его улыбку до ушей и спрашивала себя: «Неужели это так бросается в глаза?»

Правда была не только в том, что ее давно не целовали – так ее не целовали никогда! О, он знал, как это делается. Тут наверняка были годы практики с другими женщинами. Она поймала себя на том, что по какой-то дурацкой причине стала сравнивать себя с другими, и испытала чувство ненависти ко всем тем женщинам, что были у него до нее, и даже к тем, которые будут после.

Она повалилась снова на кровать и повернулась к нему спиной.

– Да оставь же ты меня! – взвыла она. – Все это слишком для меня, и ты, и все вообще. Я устала и хочу спать.

Он ничего не ответил. Она лишь почувствовала, как он провел рукой по ее волосам. Одно простое движение, но она поняла, что он не уйдет, что будет с ней всю ночь, будет всю ночь начеку. Он встал с кровати и выключил свет. Она лежала в темноте, неподвижно, и слышала его движения по комнате, как проверяются на крепость окна, замок на двери, стул – хорошо ли подпирает дверь.

Потом он удалился в ванную, зажурчала вода. Она по-прежнему не спала, когда он вернулся из ванной и растянулся на кровати рядом с ней. Она лежала и боялась, что он вот-вот опять станет целовать ее, боялась и жаждала этого.

– Гай? – прошептала она.

– Да?

– Мне страшно.

Он протянул к ней через темноту руки, она дала себя прижать к его голой груди. Ее окутал запах мыла и чувство защищенности. Да, это было не что иное, как защищенность.

– Это не грех – бояться, – прошептал в ответ он, – даже дочери Дикого Билла Мэйтленда.

А разве она могла быть кем-то еще? – думала она, лежа в его объятиях. Самое грустное было то, что она никогда и не мечтала быть дочкой героя. От отца ей были нужны вовсе не слава и не подвиги, тяжелыми медалями повисшие на ней. Ей нужен был просто отец.

Припав к земле, Сианг без движения лежал в какой-то вонючей грязюке и наблюдал за той частью улицы, где возвышался дом Шантель. Прошло уже два часа, а тот человек все сидел на своем месте у тратуара. В темноте видны были очертания его согнутой фигуры. Нет сомнений – это был полицейский, и к тому же очень неважный. Что это за раскаты такие? Уж не храп ли? Точно, храпит, думал Сианг. Какая удача, что часовыми всегда оказываются те, кто хуже всего переносит скуку поста. Настало время действовать. Сианг достал нож. Бесшумно его фигура отделилась от аллеи и перебежками, вдоль хижин, из тени в тень, заскользила по улице. В каких-нибудь пяти ярдах от цели он встал как вкопанный, когда

храп вдруг захлебнулся и смолк. Голова часового поднялась, отряхивая сон. Сианг мгновенно приблизился, схватил голову за волосы и, запрокинув назад, полоснул ножом по горлу.

Вместо крика раздался хрип, со свистом из легких вырвался последний выдох. Сианг затащил тело за дом и свалил в сточную канаву. Затем юркнул в открытое окошко квартиры Шантель.

Она спала. Он мгновенно пробудил ее ото сна, закрыв ей рот рукой.

– Ты! – промычала она сквозь кляп из пальцев. – Чтоб тебя! Я из-за тебя попала в историю!

– Что ты сказала в полиции?

– Пошел прочь!

– Что ты им сказала?

Она откинула его руку в сторону.

– Ничего я им не говорила!

– Врешь!

– Думаешь, я идиотка, чтоб говорить им, что у меня друзья в ЦРУ есть?

Он отпустил ее. Она села на кровати, задев его руку шелковистой грудью. Старая потаскуха по-прежнему спала без одежды, с внезапным приливом похоти подумал он. Она встала и накинула халат.

– Не включай свет, – сказал он.

– Снаружи мужик сидел, полицейский, что ты с ним сделал?

– Оприходовал его.

– А тело?

– В канаве, позади дома.

– Прелестно, Сианг, просто прелестно! Теперь они и это на меня спихнут.

Она чиркнула спичкой, зажгла сигарету. Пламя спички на миг осветило ее лицо и черные спутанные волосы. В полутьме она казалась по-прежнему молодой, сочной и соблазнительной.

Спичка погасла.

– Что там было, в полицейском участке?

Она длинно выдохнула. Дым из легких наполнил комнату.

– Они спрашивали про брата. Сказали, что он мертв, это правда?

– Что им известно обо мне?

– Уин действительно мертв?

Сианг сделал паузу.

– Ничего нельзя было сделать.

Она затряслась в смехе, сначала спокойно, потом сорвавшись на безумный хохот.

– Это она сделала, да? Эта американская сучка? Тебе уже даже тетку убрать не по зубам. Да, Сианг… сдаешь ты, как я погляжу.

Ему захотелось ударить ее, но он удержался. Шантель была права – похоже, он действительно сдал.

Она заходила по комнате, двигаясь плавно, как кошка в темноте.

– Полиция рыщет, ох рыщет. И я там видела еще людей, каких-то из партии, по-моему, им тоже есть дело до нас. Во что ты меня втянул, Сианг, а?

Он пожал плечами.

– Дай сигарету мне.

В ярости она накинулась на него:

– Свои купи! Думаешь, у меня есть деньги на тебя?

– Ты получишь деньги. Получишь все, что захочешь.

– Откуда ты знаешь, сколько мне нужно?

– Мне по-прежнему нужен пистолет. Ты обещала достать. И обоймы к нему, штук двадцать как минимум.

Она с презрением выпустила струю дыма.

– Патроны сейчас днем с огнем не достать.

– Я не могу больше ждать, дело должно быть…

Они оба застыли, когда проскрипела входная дверь.

«Полиция», – мелькнуло у Сианга, и он схватился за нож.

– Как вы правы, мистер Сианг, – произнес голос из темноты, – дело должно быть сделано. Но немного погодя.

Незваный гость лениво прошествовал по комнате, зажег спичку и без спешки запалил керосинку на столе. Глаза Шантель были широко раскрыты от ужаса.

– Это ты… – прошептала она, – ты вернулся…

Гость улыбнулся. Он положил на стол пистолет и коробку патронов 38-го калибра.

Затем, взглянув на Сианга, произнес:

– Планы несколько изменились.

Глава 7

Она летела. Летела высоко-высоко, над облаками, там, где небо было таким чистым и холодным, что казалось, ее самолет плывет по морю из кристаллов. Она слышала, как свистел воздух, рассекаемый крыльями, словно шелк под лезвием ножа. Кто-то сказал:

– Выше, крошка! Выше забирайся, если хочешь достать до звезд.

Она обернулась. В кресле второго пилота сидел ее отец в ртутных кольцах сигаретного дыма. Он был таким, каким она его запомнила: фуражка, лихо сдвинутая набок, в глазах огонек. Таким она любила отца. Того – самого большого, самого красивого папку на свете.

Она сказала:

– Но я не хочу лететь выше.

– Хочешь! Ведь ты же летишь к самым звездам!

– Я боюсь, папочка, не заставляй меня…

Но штурвал был уже у него в руках, и самолет устремлялся все выше и выше, в голубой купол небосвода. А он все повторял:

– В этом и есть вся соль. Так точно, малышка, в этом вся соль.

Тут голос его изменился. В кресле уже сидел не ее отец. Теперь уже Гай Барнард мчал машину в голубую бездну.

– Мы полетим к самым звездам!

И опять в кресле отец, счастливый, он сжимает в руках штурвал. Она попробовала сама остановить набор высоты, но штурвал отломился. Небо перевернулось. Выровнялось. Она посмотрела на соседнее кресло, там сидел Гай, он смеялся. Они взлетели еще выше. Хохот отца...

– Кто ты? – прокричала она.

Призрак улыбнулся:

– Разве не знаешь?

Она проснулась, стараясь ухватить рукой в воздухе отломанный штурвал.

– Это я, – произнес голос.

Она дико посмотрела вверх.

– Папка!

Человек смотрел на нее сверху, улыбаясь. Улыбка была добрая.

– Не совсем.

Она моргнула, вгляделась в лицо Гая, в растрепанные волосы, щетину на лице. Пот блестел на его обнаженных плечах. Позади него сквозь занавески пробивался дневной свет.

– Кошмар приснился?

Тяжело вздохнув, она уселась на кровати и зачесала пальцами назад копну спутанных волос.

– Мне обычно не снятся они... кошмары.

– После вчерашнего-то... было бы странно, если бы не приснился.

«Вчерашнее...» Она посмотрела на себя и увидела, что до сих пор в том платье с узором из красных разводов, оно стало волглым и прилипало к спине.

– Электричество вырубило, – стукнув по молчащему кондиционеру, сказал Гай. Он прошагал к окну и отдернул занавеску. В комнату ворвался солнечный свет, такой яркий, что у Вилли заболели глаза.

– Жарища будет адская сегодня.

– Да уже есть.

– Как самочувствие, ничего?

Он стоял, очерченный светом из окна, в брюках без ремня, спущенных чуть ниже бедер. Она снова увидела шрам, извивающийся вниз по животу и рассеивающийся у пояса.

– Мне жарко, – сказала она, – и противно, и от меня наверняка не очень хорошо пахнет.

– Я не замечаю.

Он сделал паузу, потом печально добавил:

– Но это потому, наверное, что от меня пахнет еще хуже.

Они оба натужно засмеялись, но их смех тут же оборвал стук в дверь.

– Кто там? – крикнул Гай.

– Мистер Барнард, восемь часов утра, машина ждет.

– Это мой шофер, – сказал Гай и отпер дверь.

В проходе улыбался вьетнамец.

– Доброе утро. Вы все еще желаете поехать сегодня утром в Кантхо?

– Не думаю, – сказал Гай и незаметно вышел, чтобы поговорить с ним без свидетелей.

Вилли услышала его бормотание.

– Я хочу отвезти мисс Мэйтленд в аэропорт во второй половине дня. Может быть, мы…

Кантхо. Вилли сидела на кровати, слушала, как бубнили за дверью, и пыталась вспомнить, что же такого важного было в этом названии. Ах да! Там был кто-то, с кем ей надо было встретиться. Кто-то, кто мог знать истину. Она закрыла глаза, прячась от света в окне, и на нее снова

навалился прежний сон, с улыбающимся отцом, с набирающим зверскую высоту самолетом. Она думала о матери, которая теперь лежала дома при смерти. Слышала, как та спрашивала: «Ты уверена, Вилли? Ты точно знаешь, что его нет в живых?» Потом слышала собственный голос, что-то придумывающий на ходу. Как она ненавидела себя в этот момент, за трусость; презирала себя за то, что не могла соответствовать героическому образу отца, быть такой же храброй.

– Смотрите не уезжайте никуда, хорошо? – сказал Гай водителю. – Самолет вылетает в четыре утра, значит, нам надо выйти около…

– Я еду в Кантхо, – сказала Вилли.

Гай покосился на нее через плечо.

– Что?

– Я сказала, что собираюсь ехать в Кантхо, ведь ты сказал, что отвезешь меня.

Он помотал головой:

– Кое-что изменилось…

– Ничего не изменилось!

– Стало слишком опасно.

– Но при этом ничего не прояснилось, как было все запутано, так и осталось.

Гай повернулся к водителю:

– Извините, я на минутку, просто попытаюсь донести кое-что до этой женщины.

Но Вилли уже встала.

– Не старайтесь, ничего не получится.

Она проследовала в ванную и заперла за собой дверь.

– Я же дочь Дикаря Билла, разве забыл? – прокричала она.

Водитель с сочувствием посмотрел на Гая:

– Я буду ждать в машине.

* * *

Дорога, ведущая из Сайгона, была забита грузовиками, в основном старыми и коптящими. В открытое окно машины несло дымом, нагретой дорогой и гнилыми фруктами. Вдоль дороги тянулась вереница из крестьян, на фоне ярко-зеленых рисовых полей выделялись их конусообразные шляпы. Позади уже были пять часов дороги и два парома, когда Гай и Вилли стояли на пристани Кантхо и взирали на рассекающие мутные воды реки Меконг бесчисленные лодки. Женщины на реке гребли и качались на волнах в своеобразном изящном «танце с веслами».

А на берегу кишел жизнью, шумно переливался в сумятице городской рынок. Школьницы, сверкая на солнце косичками, проносились туда-сюда на велосипедах. Грузчики перетаскивали в лодки тюки с рисом, ящики с дынями и ананасами. Оглушенная суматохой, Вилли безрадостно спросила:

– И как же мы собираемся его тут искать?

Ответ Гая не придал уверенности, лишь пожав плечами, он сказал:

– А что, так трудно?

Оказалось еще как трудно. Везде они слышали одно и то же: «Высокий мужчина? – переспрашивали люди. – Блондин?» – и все как один в недоумении качали головой.

Наконец Гая осенила мысль, и они направились к портняжным мастерским.

– Лэситер мог перекрасить волосы или побриться наголо, – сказал он, – но чего человек скрыть не может, так это рост. А в этой стране с ростом в шесть и четыре пришлось бы заказывать себе одежду у портного.

В первых трех лавках им ничего не удалось узнать, и у них уже начали опускаться руки, когда они зашли к четвертому по счету портному, втиснутому в гряду бараков с жестяными кровлями. Внутри, в полумраке, словно в пещере, склонившись над ворохом искусственного шелка, сидела пожилая портниха. Вопроса Гая она, похоже, не понимала, тогда Гай нетерпеливо достал ручку и нацарапал на клочке газеты несколько слов по-вьетнамски. Чтобы придать больше смысла написанному, он набросал длинную фигуру человека. Глаза женщины скосились на рисунок, она долго сидела так, не произнося ни звука, пальцы ее продолжали обшивать края материи.

Затем она подняла глаза на Гая и молча и мрачно уставилась на него. Гай понимающе кивнул и, достав из кармана двадцатидолларовую купюру, положил ее перед ней на стол. Не веря своим глазам, она уставилась на деньги. Американские доллары – для нее это было целое состояние.

Наконец, она взяла ручку Гая и, сосредоточенно дрожа, стала что-то писать. Как только она закончила, Гай смел со стола клочок и засунул его в карман.

– Идем, – шепнул он Вилли.

– Что там написано? – спросила Вилли шепотом, пока они шли обратно вдоль бараков.

Гай не ответил и лишь ускорил шаг. В тишине аллеи Вилли вдруг ясно почувствовала, что за ними наблюдают, из окон, из дверей, отовсюду. Она потянула Гая за руку:

– Гай…

– Там адрес… это возле рынка.

– Адрес Лэситера?

– Тише. Молчи и не останавливайся, за нами следят.

– Что?

Она не успела обернуться, как он схватил ее за руку.

– Не оборачивайся, сделай вид, что не замечаешь его.

Она усилием воли заставила себя глядеть вперед, но тело ее все напряглось от ощущения слежки.

«И как это ему удается сохранять спокойствие?» – подумала она, глядя на Гая. Тот, помимо всего прочего, еще и насвистывал что-то невразумительное и бьющее ей по нервам. Когда аллея кончилась, перед ними развернулся клубок из улиц. К удивлению Вилли, Гай остановился и как ни в чем не бывало заговорил с мальчишкой, продающим на углу сигареты. Казалось, их болтовне не будет конца.

– Что ты делаешь? – процедила Вилли. – Идем же отсюда!

– Спокойно.

Гай купил пачку «Винстона», заплатив за нее два доллара. Мальчик просиял и по-детски взмахнул рукой в знак благодарности.

Гай взял Вилли за руку:

– Приготовься.

– К чему?

Не успела она произнести вопрос, как Гай пронес ее за угол и потащил вверх по улице. Они резко свернули сначала налево, потом направо, пронеслись мимо жестяных лачуг и вскочили в открытую дверь. Внутри ничего не было видно. Целую вечность они простояли, прижавшись друг к другу и прислушиваясь к шагам на улице. Они услышали детский хохот, потом надрывающийся гудок машины. Но в их переулке было тихо.

– Похоже, парень справился с заданием, – прошептал Гай.

– Это ты о том табачном мальчишке?

Гай прокрался к самой двери и высунул голову.

– Никого. Все, идем отсюда.

Они вынырнули в переулок и вдвое быстрее направились в сторону рынка. Еще не дойдя до него, они услышали шум базара, крики торговцев, верещание свиней. Несясь по задворкам, они скользили глазами по названиям улиц и наконец свернули в узенький переулок, зажатый между ветхими ночлежками. Номера домов едва читались. Остановились они лишь у блекло-зеленого строения, Гай глянул на номер и кивнул:

– Здесь.

Он постучал. Дверь приоткрылась, и сквозь щель на них уставилась женщина с необыкновенно черными глазами, в которых застыл страх. Гай заговорил с ней по-вьетнамски. Женщина замотала головой и попыталась закрыть дверь, но Гай удержал дверь рукой и снова заговорил, на этот раз упомянув имя Сэма Лэситера. В ужасе женщина развернулась и закричала что-то по-вьетнамски. Где-то внутри глухо простучали шаги, разбилось стекло.

– Лэситер! – крикнул Гай.

Оттолкнув женщину в сторону, он рванул в квартиру, и Вилли за ним. В задней комнате они увидели разбитое окно, а в него – удирающего по

переулку человека. Гай пролез в окно, спрыгнул в кучу осколков на земле и ринулся за беглецом. Вилли уже собралась было прыгнуть за ним, но тут вьетнамка в отчаянии схватила ее за руку.

– Прошу, ему не причинить вред, – завопила она, – прошу!

Вилли попыталась высвободить руку, но пальцы их скрестились на миг, а глаза встретились.

– Мы не причиним ему вреда, – сказала Вилли и осторожно отняла руку. Затем вскочила на подоконник и спрыгнула в переулок.

Гай уверенно сокращал дистанцию и видел, как его добыча мчалась в сторону рынка. Это верно был Лэситер. И хотя волосы его были грязно-коричневые и прямые, его выдавал рост – он возвышался над толпой. Он нырнул под навес рынка и скрылся в тени.

«Вот черт, – подумал Гай, с трудом пробираясь через кутерьму рынка, – уйдет!»

Он протолкнулся к центральному навесу, и тут солнце резко скрылось под тентом, уступив место полумраку. Гай затоптался на месте, пытаясь привыкнуть к темноте, кое-как выхватил взглядом узенькие проходы, прилавки, ломящиеся от фруктов и овощей, веселые игрушечные вертушки в тележке продавца. Вдруг длинная фигура скакнула в сторону, Гай крутанулся на месте и увидел Лэситера, метнувшегося за блестящий прилавок с посудой. Гай рванулся за ним, тот выпрыгнул и побежал прочь. Горшки и кастрюли посыпались на землю, звеня, как десяток литавр одновременно. Беглец метнулся к отделу с полуфабрикатами, Гай резко свернул влево, перепрыгнул через ящик с манго и пробежал по параллельному проходу.

– Лэситер! – заорал он. – Я только хочу поговорить, и все! Слышишь?

Но тот кинулся вправо, перевалил через стойку с фруктами и заковылял дальше. Арбузы посыпались на землю, раскалываясь в сверкающем дожде мякоти. Гай едва не поскользнулся на этом месиве и крикнул снова:

– Лэситер!

Теперь они были у мясных рядов. В ярости Лэситер швырнул под ноги преследователю ящик с утками, и те, вырвавшись на свободу, захлопали крыльями и подняли в воздух облако перьев. Гай пнул ящик в сторону, перепрыгнул через одну из птиц и побежал дальше.

Впереди показался прилавок мясника, заваленный нарубленными кусками мяса. Хозяин прилавка мыл пол, поливая из шланга бетон, и кровавые лужи стекали в дыру. Лэситер, который несся что было сил вперед головой, вдруг поскользнулся и упал коленями в гущу потрохов, тут же попытался встать, но Гай уже поймал его за ворот рубашки.

– Только… только поговорить, – выдохнул Гай как мог слова, – только и всего…

Лэситер рванулся в сторону, пытаясь вырваться, но Гай заорал:

– Да выслушай же меня! – и дернул его обратно к себе.

Но тот толкнул Гая плечами в ноги, и Гай растянулся на полу. В ту же секунду Лэситер вскочил на ноги и только кинулся наутек, как Гай схватил его за щиколотку, и тот как подкошенный плюхнулся лицом в бак с угрями, которые тут же яростно забарахтались в воде. Гай вытащил голову жертвы из воды, и они оба, обессиленные, повалились на пол, дыша и отплевываясь.

– Не надо, – захныкал Лэситер, – прошу вас…

– Да я же сказал, мне надо только… только поговорить…

– Я ничего никому не скажу, клянусь! Так и передайте им! Скажите им, что я обо всем забыл…

– Кому им? Кто они? Кого ты так боишься?

Лэситер с дрожью вздохнул, посмотрел на Гая и, словно собравшись с силами, ответил:

– Контору.

– Почему ЦРУ хочет убрать вас? – спросила Вилли.

Они сидели за деревянным столом на палубе старой речной баржи – это плавучее кафе, по словам Лэситера, было нейтральной территорией. Во время войны, по какому-то негласному закону, на этой самой барже, как на единственном мирном островке, вьетконговцы могли сидеть плечом к плечу с южными вьетнамцами. В нескольких сотнях метров отсюда могли идти бои, но здесь никто не хватался за оружие и пули не свистели.

Лэситер, напуганный и взвинченный, как следует отхлебнул пива из бутылки. Позади него, за оградой кафе, тек Меконг. На разные голоса шумели люди да тащившиеся по нему суденышки. В последних лучах заката вода сверкала золотом.

Лэситер заговорил:

– Они хотят от меня избавиться по той же причине, что и в случае с Луисом Валдесом, – я слишком много знаю.

– Про что?

– Про Лаос. Бомбежки, подставы. Такая война, про которую ваш брат простой солдат и не знает ничего. – Он посмотрел на Гая: – Ведь не знаешь же?

Гай отрицательно помотал головой:

– Мы боролись за жизнь, какое нам дело было до того, что творилось по ту сторону границы.

– А Валдес знал многое. Там, в Лаосе, было что узнать, если ты умудрился выжить при падении. Это «если» значит, что тебя сначала не угробило при катапультировании, а потом – что ты не попал в лапы врага или дикого зверя.

Он опустил глаза на бутылку с пивом.

– Валдесу повезло.

– Вы познакомились в Туен-Куане?

– Ага. Летний лагерь. – Он усмехнулся: – Три года мы с ним проторчали в одной камере.

Он перевел взгляд на реку.

– Я был в 101-й, когда меня в плен взяли. Во время боя потерял своих. Сам знаешь, какие там заросли, где верх, где низ – не разберешь. Меня мотало по джунглям, и все время над головой крутились эти чертовы «хьюи», прямо над самой моей головой вертелись – подбирали наших ребят. Всех подобрали, кроме меня. И тут меня как стукнуло: они меня нарочно оставили подыхать там. Да и был ли я живой-то? Мертвяк я уже был, шатался по лесу…

Еще глоток пива. Рука его с трудом держала бутылку.

– Когда меня наконец приперли к стенке, я просто кинул винтовку на землю и поднял руки вверх. Их там целый отряд был, на север двигались. Так я и оказался в Туен-Куане.

– Где ты впервые встретил Валдеса?

– Его привели год спустя, перевели из какого-то лагеря в Лаосе. К тому времени я уже был тертым калачом, знал что да как. Своя грядка овощная была. В общем, жить можно было. А вот Валдес на ладан дышал. Весь желтый от гепатита, рука сломана, никак не срасталась как надо. Несколько месяцев прошло, пока он смог хотя бы в огороде работать. Н-да, вот мы вдвоем и сидели в одной камере. Три года отмотали. Говорили, конечно, много. Я от Валдеса порядком тогда узнал.

Много чего он рассказывал такого, во что мне и верить не хотелось, – про Лаос, про то, какие у нас там делишки были…

Вилли подалась вперед и тихо спросила:

– А он не рассказывал про моего отца?

Лэситер повернулся к ней, глаза его чернели на фоне заката.

– Когда Валдес видел вашего отца в последний раз, тот еще был жив, пытался спасти самолет.

– Ну и что же случилось?

– Луис выпрыгнул сразу после взрыва, так что и не видел толком…

– Погоди-ка, – перебил его Гай, – ты сказал, «взрыва»?

– Так он сказал. Мол, что-то рвануло внутри.

– Но самолет же подбили…

– Его не подбивали, Валдес был в этом уверен на все сто. Вполне возможно, что они-таки попали под обстрел зениток, но не в них было дело. Дверь-то, мол, в салоне наружу вынесло подчистую. Он все время перебирал в памяти груз, что они несли на борту, но кроме авиазапчастей в накладной ничего припомнить не мог.

– Пассажир еще… – напомнила Вилли.

Лэситер кивнул:

– Да, Валдес упомянул его. Сказал, что тот еще малый был – тихий такой, прям святоша. Но они видели, что он был важной персоной – медальон-то у него на шее был какой!

– В смысле, золотой? Цепь золотая? – спросил Гай.

– Какой-то медальон. Как будто что-то сакральное.

– А где его нужно было высадить?

– На той стороне, у вьетконговцев. Скинули и скрылись, чтобы никакого шуму, – таким было задание.

– Валдес вам это рассказал? – спросила Вилли.

– Лучше бы не рассказывал, будь оно неладно.

Лэситер отхлебнул еще пива. Рука его снова задрожала. Закат усыпал реку кровавой рябью.

– Забавно, но тогда, в лагере, мы себя чувствовали как будто даже защищенно. Может быть, все это была промывка мозгов, но надзиратели твердили Валдесу, что это удача для него – в плену сидеть, что он знал такое, от чего ему было бы несдобровать, мол, ЦРУ с ним бы расправилось.

– Больше похоже на обработку мозгов.

– Я сам так подумал. Коммуняки нашли способ сломать его. Ну и страху же они на него напустили – просыпался среди ночи, кричал про подорванный самолет…

Лэситер уставился на гладь реки.

– Ну а после войны нас отпустили. Валдес и другие отправились домой. Он написал мне письмо из Бангкока, его передала одна медсестричка из Красного Креста – мы с ней познакомились в Ханое, сразу после освобождения, – англичанка, зуб у нее маленько есть на Америку, но сама отличная деваха. Когда я письмо это прочитал, то подумал, ну совсем поехал наш Валдес. Какую-то ахинею он там нес, что его не выпускают, что звонки его прослушиваются. Ну, думаю, домой приедет – поправится. А тут звонит эта Нора Уокер, медсестра, говорит, ему конец настал. Пулю себе в лоб пустил.

Вилли спросила:

– Вы думаете, это было самоубийство?

– Я думаю, он был как груз на шее – контора этого не любит.

Он снова перевел измученный взгляд на реку.

– Ведь когда мы были в Туене, он только и говорил о том, как хочет обратно домой, к своим старым корешам да товарищам. А мне что – мне не к кому возвращаться, сестра одна, да и та мне как чужая. Тут у меня хотя бы девушка была, кто-то, кого я люблю. И я не один такой, есть тут и другие – прячутся по джунглям да деревенькам. Такие, знаете ли, которые уже корни бамбуковые пустили, прижились.

Он покачал головой.

– Жалко, что Валдес так не сделал... был бы живой сейчас.

– Но разве здесь не трудно живется? – спросила Вилли. – Быть чужаком, с клеймом врага на лбу... Неужели не боитесь властей?

Лэситер в ответ усмехнулся и указал головой на столик поодаль, за которым сидело четверо.

– Вы поздоровались с нашими блюстителями порядка? Я так думаю, они за вами ходят с самого времени вашего прибытия в город.

– Оно и видно было, – сказал Гай.

– Мне почему-то кажется, что они здесь, чтобы меня охранять. Тот факт, что я жив и здоров, указывает лишь на то, что они вовсе не империя зла.

Он поднял бокал в честь четырех полисменов. Те глупо заулыбались.

– Ну хорошо, – сказал Гай, – вот ты сидишь здесь, отрезанный от мира, так зачем нужен ЦРУ?

– Нора мне кое-что сообщила.

– Медсестра?

Лэситер кивнул.

– После войны она осталась в Ханое. Работает по сей день в тамошней больнице. Так вот, с год назад пришел к ней какой-то американец. Спросил, как меня можно найти. Сказал, что у него срочное сообщение для меня от дяди. Но Нора шустрая девица, сообразила. Сказала им, что я уехал из страны, что живу в Таиланде. Молодец она.

– Почему молодец?

– Да потому что нет у меня дяди.

Наступила тишина. Гай тихо спросил:

– Ты думаешь, тот человек был от конторы?

– Не знаю, не знаю… а вдруг да. Вдруг он найдет меня? Не охота мне кончить как Луис Валдес – с дырой в голове.

По реке, в полумраке, словно призраки, сновали лодки. Работник кафе бесшумно обошел палубу и зажег вереницу бумажных фонарей.

– Я живу тише воды теперь, – сказал Лэситер, – чтоб никакого шуму. Не выделяюсь, видите, волосы другие.

Он слегка оскалился и подергал себя за жиденький коричневый хвостик.

– Этот цвет я добыл у одного местного травиниста – смесь каракатицы и еще бог знает чего. Воняет жутко, но зато я больше не блондин. – Он насупился: – Я так рассчитывал, что контора наконец забудет про меня, и поэтому, когда вы появились на моем крыльце, я… у меня просто сердце в пятки ушло.

Бармен поставил на проигрыватель пластинку, и зазвучала вьетнамская песня про любовь. Душещипательная мелодия стелилась вокруг, словно туман над рекой. Ветер колыхал бумажные фонарики и заставлял тени плясать по всей палубе. Лэситер глазел на пустые бутылки в количестве пяти штук, заказал шестую.

– Не сразу, далеко не сразу, но все-таки привыкаешь к жизни здесь, – сказал он. – К ритму местному, к людям, к тому, как они думают. Народ тут особо не хнычет и не терзается из-за невзгод. Просто принимают вещи как есть. Мне это нравится. Со временем я стал думать, что это единственное место, где я чувствую себя в своей тарелке и где безопасно. – Он взглянул на Вилли: – Может, и вам здесь безопаснее всего.

– Но я не вы, – сказала Вилли, – я не могу остаться здесь на всю жизнь.

– Я посажу ее на следующий же самолет до Бангкока, – сказал Гай.

– Бангкок? – Лэситер фыркнул. – Там проще всего с жизнью расстаться. А дома тоже не лучше – поглядите, что стало с Валдесом.

– Но почему? – спросила Вилли обескураженно. – Зачем им убивать Валдеса или меня? Ведь я ничего не знаю.

– Вы дочь Билла Мэйтленда, а это прямая связь.

– Связь с кем? С покойником?

Песня кончилась, послышалось шуршание иголки. Лэситер поставил бутылку на стол.

– Не знаю. Не знаю, почему вы так мешаете им. Знаю лишь, что что-то не так там было, на том самолете. И компания до сих пор пытается замести все следы. – Он уставился на батарею пустых бутылок, сияющих в свете фонарей. – И если понадобится выпустить пулю, чтобы кто-то замолчал, – они ее выпустят.

– Думаешь, в его словах есть правда? – шепотом спросила Вилли.

Сидя на задних сиденьях машины, они смотрели на мелькающие за окном рисовые поля, посеребренные лунным светом. Целый час они проехали в тишине, убаюканные дорогой.

Но Вилли не сдержалась и вслух задала вопрос, который не оставлял ее:

– Буду ли я в безопасности там, на родине?

Гай устремил взгляд в ночь.

– Если бы я только знал. Если бы мог тебе сказать, что делать, куда идти…

Она вспомнила про дом матери в Сан-Франциско. Подумала о том, каким уютным и надежным всегда казался ей этот дом голубого цвета в викторианском стиле на Третьей авеню. Никто не посмеет там ее тронуть.

Потом она подумала про Валдеса, застреленного в ночлежном доме в Хьюстоне, куда его поселили. Ему даже в лагере для пленных было безопаснее.

Водитель сунул кассету в магнитолу, и зазвучала вьетнамская песня про любовь, в исполнении грустного женского голоса. Вдали, словно океан из заливных полей, колыхался серебристыми волнами рис. Все казалось нереальным: и музыка в машине, и освещенные луной поля, и опасность. Настоящим был лишь Гай – ведь к нему можно было притронуться, взять за руку.

Она положила голову ему на плечо и, совершенно убаюканная теплом и темнотой, стала засыпать. Он обнял ее и прижал к себе. Она ощутила головой его дыхание и легкое прикосновение губами к ее лбу. «Поцеловал», – подумала она сквозь сон. До чего это было приятно…

Шум колес незаметно превратился в шепот океана, в успокаивающий шелест волн. Он уже целовал ее всю, и они были не на заднем сиденье, они были на корабле, плыли по темной морской глади, качаясь на волнах. Ветер завывал в парусах, или это он пел грустную вьетнамскую песню… Она лежала на спине и уже почему-то совершенно без одежды. Он был сверху и, словно победитель, прижимал ее руки к поверхности палубы, а губы его бороздили ее шею, ее грудь…

Как она хотела, чтобы он любил ее, хотела так сильно, что ее тело изогнулось, чтобы прильнуть к нему, чтобы утолить этот затянувшийся голод внутри. Но губы раскрылись, и она услышала:

– Просыпайся, Вилли, просыпайся…

Она открыла глаза и увидела, что по-прежнему сидит в машине, голова ее лежит на коленях Гая. В окне забрезжили огни города.

– Мы в Сайгоне, – прошептал он, гладя ее по лицу.

Прикосновение его руки в эту жаркую ночь – новое и в то же время такое знакомое ощущение – волной прошло по ее телу.

– Смотри, как ты устала…

Все еще содрогаясь от увиденного во сне, она подняла голову и выпрямилась. На улицах не было ни души.

– Который час?

– За полночь. Мы что-то даже и не поужинали. Ты голодная?

– Да не то чтобы.

– И я нет. Что ж, пусть это будет… – Он запнулся, а она почувствовала, как он сжал ее руку. – Это еще что такое? – спросил он, глядя вперед.

Вилли посмотрела в сторону отеля, который показался впереди. Им открылось невероятное зрелище: в свете уличных фонарей толпа полицейских с АК-47 наперевес перекрыла вход в гостиницу.

Водитель что-то пробормотал по-вьетнамски, Вилли увидела в зеркале его покрывшееся потом лицо. Как только они остановились, машину окружили, и один из полисменов распахнул дверцу.

– Сиди, – скомандовал Гай, – я сейчас разберусь.

Но как только он вылез из машины, рука в форме протянулась к ней и вытащила ее наружу. Вялая от сна и напуганная происходящим, Вилли, уходя от криков и толчков, прижалась к плечу Гая.

– Барнард! – Это был Додж Гамильтон, спотыкаясь, он шел по ступенькам вниз. – Что, черт побери, здесь происходит?

– Это не ко мне вопрос, мы только что приехали в город.

– Кошмар! А где этот Айнх? – спросил Гамильтон, оглядываясь вокруг. – Он же был здесь минуту назад...

– Я здесь, – ответил дрожащий голос. Наверху, со скошенными в сторону очками, стоял и часто моргал Айнх. Один из полицейских стремительно провел его через толпу и, указывая на лимузин, сказал Гаю:

– Попрошу вас и мисс Мэйтленд проследовать со мной.

– На каком основании вы нас арестовываете? – возмутился Гай.

– Вы не арестованы.

Гай вырвал руку.

– Ну вы даете.

– Это всего лишь меры предосторожности, – объяснил Айнх и стал жестами подгонять их, – прошу вас поскорее в машину.

В голосе его звучала тревога, и Вилли поняла, что случилось что-то серьезное.

– Что такое? – спросила она Айнха. – Что случилось?

Айнх нервно поправил очки.

– Около двух часов назад нам позвонили из Кантхо.

– Мы только что оттуда.

– Мне так и сказали. И еще сказали, что они нашли тело... в реке.

Вилли не сводила с него глаз, боясь спросить то, что она уже знала. Она чуть не повалилась на Гая, но тот удержал ее за руку.

– Сэм Лэситер? – спросил Гай бесстрастно. Айнх кивнул:

– Ему перерезали горло.

Глава 8

Старик сидел на резном стуле розового дерева, и выглядел он до того хрупким, что казалось, подуй хороший ветер – и его опрокинет. Руки-хво-ростинки обвивали колени, а пук белой бородки колыхался от вентилятора на потолке. Но глаза его были ясными, как день. Через открытые окна из-за стены сада доносилось стрекотание цикад. Над головой медленно вращался вентилятор, разгоняя полночную духоту.

Глаза старика застыли на Вилли.

– Куда бы вы ни пошли, мисс Мэйтленд, – сказал он, – везде за вами тянется кровавый след.

– Мы не имеем никакого отношения к смерти Лэситера, – сказал Гай, – когда мы покинули Кантхо, он был еще жив.

– Я гляжу, вы меня не поняли, мистер Барнард, – старик повернулся к нему, – я вас ни в чем не обвиняю.

– А кого же вы обвиняете?

– Уж это предоставьте моим людям в Кантхо.

– Это вы о ваших ищейках, которые за нами ходили?

Министр Транх улыбнулся.

– Вы им подпортили кровь. Отличная идея была с тем мальчишкой с сигаретами. Нет-нет, нам, разумеется, известно, что Лэситер был жив, когда вы его покинули.

– И что же было после этого?

– Нам известно, что он просидел в кафе еще двадцать минут, и выпил в общей сложности восемь бутылок пива, и после этого ушел. К несчастью, он так и не дошел до дома.

– Разве ваши люди не пасли его?

– Пасли?

– Следили.

– Мистер Лэситер был нашим другом, а мы друзей не... пасем, как вы выразились.

– Но за нами-то вы наблюдали, – заметила Вилли.

Министр перевел взгляд на нее:

– А вы наш друг?

– А как вы думаете?

– Я думаю, что тут так сразу не скажешь. Да вы и сами друзей от врагов не сможете отличить в создавшихся обстоятельствах, дело-то опасное, уже три покойника на счету.

Вилли озадаченно встряхнула головой:

– Три? Но я знаю только про Лэситера.

– Кого еще убили?

– Полицейский в Сайгоне, – ответил министр, – убит этой ночью во время ночного дозора.

– Не вижу связи.

– И еще один труп, прошлой ночью. И опять – перерезали горло.

– Вы что же, собираетесь обвинять нас во всех убийствах в Сайгоне?! – возмутилась Вилли. – Да мы никогда и не знали тех, других!

– Однако вы виделись с одним из них вчера, или вы забыли?

Гай неподвижно глядел в одну точку:

– Жерар.

Стрекотание цикад резко усилилось, потом внезапно смолкло, и вся ночь погрузилась в тишину.

Министр Транх уставился на дальнюю стенку, словно ожидая, что на заплесневелых обоях появится какое-то послание.

– Вы знакомы с вьетнамским календарем, мисс Мэйтленд? – спросил он мягко.

– С вашим календарем, – переспросила она, нахмурившись и не понимая внезапного поворота в беседе. – Он… он такой же, как китайский, разве нет?

– Прошлый год был годом дракона, считается, что он приносит удачу. Это год детей, семейного счастья. Но теперь на дворе не Дракон, а… – Он покачал головой.

– Змея, – произнес Гай.

Министр Транх кивнул:

– Змея. Опасный знак, предвестник беды, голода, смерти. Год провалов.

Он вздохнул, и голова его повисла, словно шея, ослабнув вдруг, отказалась держать ее дальше.

Он долго сидел так, в тишине, и его седые волосы трепал вентилятор. Потом он медленно поднял голову.

– Отправляйтесь-ка домой, мисс Мэйтленд, – сказал он, – этот год не ваш, и место не ваше, отправляйтесь домой.

Вилли представила, как было бы просто сесть на тот самолет до Бангкока, с тоской подумала про те простые удобства, от которых ее отделял один-единственный полет на самолете. Душистое мыло, чистая вода и мягкие подушки. Но другой образ тут же вмешался в поток воображения: лицо Сэма Лэситера, уставшее и издерганное, на фоне заката. И та вьетнамка, его женщина, умоляющая сохранить ему жизнь. Все эти годы Лэситер жил в тиши и безопасности в речном городке. А теперь он мертв. Как Валдес, как Жерар. Это была правда, думала она, где бы она ни появлялась, повсюду за ней тянется кровавый след. И она даже не знала точную причину этого.

– Я не могу улететь домой.

Министр поднял бровь.

– Не можете или не полетите?

– Меня пытались убить в Бангкоке.

– Здесь вам будет ничем не лучше. Мисс Мэйтленд, нам бы очень не хотелось силой выдворять вас из страны, но вы должны понять, что

ставите нас в очень неловкое положение. Вы гость в нашей стране. Мы, вьетнамцы, привыкли уважать гостей, они для нас святое. И если вас, нашего гостя, вдруг найдут мертвой, это будет… – Он сделал паузу и закончил шутливым тоном: – Негостеприимно.

– Виза у меня в порядке, я хочу остаться, я должна остаться. Я собираюсь еще и в Ханой.

– Мы не можем гарантировать вашу безопасность.

– А я и не прошу, – сказала она и добавила устало: – Никто не может этого мне гарантировать, никто и нигде.

Министр посмотрел на Гая, отметил расстроенное выражение его лица:

– Мистер Барнард, вы конечно же сможете убедить ее?

– Но она права, – произнес Гай.

Вилли подняла глаза и увидела в лице Гая беспокойство, неопределенность. Ей стало не по себе оттого, что даже он, Гай, пребывает в тупике.

– Если бы я был уверен, что дома она будет в безопасности, то немедля посадил бы ее в самолет, но в том-то и дело, что я так не думаю. Не будет ей покоя, пока она не выяснит причину происходящего.

– Но ведь у нее есть друзья, они могут помочь.

– Да, но вы сами сказали, министр, что ей теперь не отличить друзей от врагов, а это очень шаткое положение.

Министр поглядел на Вилли:

– Что же вы там такое ищете на севере?

– Там самолет моего отца потерпел крушение, – сказала она, – он до сих пор может быть там, в какой-нибудь деревне. Мог потерять память, а может, просто боится выходить из джунглей…

– Или же он мертв.

Она сглотнула.

– Тогда я найду его тело, там, на севере.

Министр Транх покачал головой:

– Джунгли полны останков. Американцев, вьетнамцев… Вы забываете, что у нас тоже есть свои без вести пропавшие, вдовы, сироты, и, чтобы найти какого-то конкретного человека, придется… – Он громко выдохнул.

– Но я должна попытаться, я должна полететь в Ханой.

Министр пристально посмотрел на нее, глаза его странно пламенели черным. Она выдержала его взгляд и заставила его стушеваться – на губах его появилась примирительная улыбка.

– Неужели вы не боитесь, мисс Мэйтленд?

– Боюсь.

– Ну что ж, правильно делаете, раз так.

Он все еще улыбался, но глаза его стали стеклянными.

– Остается лишь надеяться, что вы осознаете степень нависшей опасности.

Спустя немало времени после ухода двух американцев министр Транх и мистер Айнх сидели и курили под стрекотание цикад в темноте ночи.

– Вы проинформируете наших людей в Ханое.

– Но разве не проще было бы аннулировать ее визу, – изумился Айнх, – выдворить ее из страны?

– Может быть, и проще, но никак не разумнее.

Министр поджег еще одну сигарету и затянулся теплым дымом. Это была добротная американская марка – непобедимая слабость министра. Он знал, что только ускоряет этим конец, что рак, разрастающийся в левом легком, будет жадно подпитываться каждой молекулой смертоносного дыма. До чего злая ирония! Враг, выбивавшийся из сил, чтобы стереть его с лица земли во время войны, теперь мог трубить победу, и все из-за его пагубной тяги к сигаретам.

– А что, если она пострадает? – спросил Айнх. – Ведь мы накликаем международный скандал.

– Вот поэтому-то ее и нужно охранять.

Министр поднялся с кресла. Его тело, когда-то такое подвижное, с годами одеревенело. Подумать только, этот скелет, обтянутый кожей, когда-то прошел через две жесточайших войны в джунглях, а теперь он с трудом поворачивался в стенах собственного дома.

– Мы могли бы напугать ее как-нибудь и заставить таким образом улететь, – предложил Айнх.

– Это как та ваша записка: «Смерть янки»?!

Министр засмеялся, подходя к двери.

– Нет, я думаю, такую непросто запугать. Понаблюдаем лучше, куда она нас приведет. Может статься, и мы кое-чего выведаем. Неужели вам изменило любопытство, товарищ вы мой?

Глаза Айнха выражали отчаяние.

– Любопытство до добра не доведет.

– Ну вот пусть она сама и крутится, пусть бросает вызов судьбе, – министр с улыбкой обернулся в дверях, – в конце концов, это ее судьба.

– Тебе не обязательно лететь в Ханой, – убеждал Гай, глядя на то, как Вилли паковала чемодан, – оставайся в Сайгоне и жди меня.

– А ты что будешь делать в это время?

– А я двину на север, посуечусь, посмотрю, что можно разузнать.

Он глянул в окошко на двух полицейских, карауливших на тропинке.

– Айнх расставил везде охрану, ты будешь здесь в безопасности.

– Да, и на стенку полезу в одночасье.

Она захлопнула чемодан.

– Спасибо, конечно, что ты готов ради меня на такую вылазку, но мне герои не нужны.

– А я и не геройствую.

– Тогда что это за участие такое?

Он пожал плечами, не найдя ответа.

– Из-за денег, да? Куш за Фрайера Така маячит?

– Дело не в деньгах.

– А, ну тогда в темном прошлом.

Он не ответил.

– А что там было такое, в этом прошлом? Что у них в «Эриал груп» на тебя есть такое?

Он по-прежнему молчал. Она застегнула чемодан.

– Да ладно, не говори, я и не настаиваю.

Он сел на кровать. На лице его проступила усталость, и он обхватил голову руками.

– Я убил человека.

Она впилась в него взглядом. Он сидел обессиленный, держа руками голову, глядя в пол, и говорил словно из последних сил. Ей вдруг захотелось сесть рядом, обнять его, но она не могла и пошевелиться – ее просто опрокинуло его откровение.

– Это было здесь, во Вьетнаме, в 72-м. – Он глухо усмехнулся из-под ладоней. – Четвертого июля…

– Но ведь шла война, людей погибло много.

– Тут другая история. Это не то что стрелять во врагов, а потом получать награды.

Он поднял голову и посмотрел на нее.

– Тот, кого я убил, был нашим, американцем.

Она медленно подошла и опустилась рядом с ним на кровать.

– Что, по ошибке?

Он помотал головой:

– Нет, ошибки не было. Я просто не думал, что делал. Само собой вышло.

Она не перебивала, ожидая продолжения. Она знала, что он расскажет все, раз уже начал.

– Я был в Дананге один день, за припасами приехал. Ну и закрутился, запутался в этих улицах. Какой-то переулок занюханный, бараки… Вылез из джипа и стал спрашивать, как проехать туда-то, и вдруг этот… этот крик.

Он остановился, глядя себе на руки.

– Она была ребенком еще, лет пятнадцати, от силы шестнадцати. Маленькая такая, фунтов девяносто, не больше. Ей было никак не справиться с ним. Ну и меня просто понесло. Оттащил его, швырнул на землю. А он встал и кинулся на меня. Мне ничего не оставалось, кроме как отбиваться. Когда я перестал бить, он уже не двигался. Я обернулся и увидел, что он сделал с девочкой… вся в крови была…

Гай потер лоб, словно стараясь стереть из памяти видение.

– И тогда я увидел, что вокруг собрались люди, вьетнамцы, смотрят на меня. Одна женщина подошла ко мне и стала шепотом объяснять, что мне надо уходить оттуда, что они избавятся от тела сами. Тогда я понял, что он готов.

Они долго так сидели, не касаясь друг друга и ничего не говоря. Он только что признался в убийстве. Но она не винила его, ее лишь охватила печаль из-за той девочки, из-за всех неоглашенных жертв войны.

– Что было потом? – осторожно спросила она.

Он пожал плечами:

– Я убрался. Никому ни слова не сказал. Думаю, мне и самому было страшно. А спустя несколько дней я услышал, что нашли тело солдата на той стороне города. Его смерть приписали рукам местных. Вот и конец истории. Но это я думал, что конец.

– А как «Эриал груп» разузнала об этом?

– Понятия не имею.

Он беспокойно встал и подошел к окну, из которого видна была тускло освещенная дорожка.

– Там было человек пять свидетелей, все вьетнамцы. Слух как-то разошелся, дошел до «Эриал груп». Я одного не понимаю: почему они так долго ждали?

– Ну, может быть, они только что и узнали.

– А может быть, ждали удобного случая. – Он повернулся к ней: – Тебе не кажется подозрительным, что мы оказались вместе во всей этой истории? Что мы «случайно» встретились на вилле у Кистнера? Что тебя «случайно» понадобилось добросить до города?

– Да, и что человек, которого тебе поручили отыскать, «случайно» оказался моим отцом…

Он кивнул.

– Они нас используют, – сказала она и добавила в порыве ярости: – Они меня используют!

– Не тебя одну.

Она взглянула на него.

– Что будем делать?

– Утром же полечу в Ханой, все выведаю.

– А я?

– Оставайся рядом с Айнхом и его людьми.

– Это бредни какие-то.

– Ну а ты что предлагаешь?

– Я? С тобой полечу.

– Ты усложнишь ситуацию. Если твой отец жив, то, будь уверена, я найду его.

– А потом что? Сдашь его? Сдашь им, чтоб молчали про тебя?

– Черт с ним – с молчанием, надоело! Мне теперь правда нужна.

Она стащила с кровати упакованный чемодан и поставила его у двери.

– Да с какой стати я еще спорю с тобой? Не нуждаюсь я в твоем разрешении, и ни в чьем не нуждаюсь. Он мой отец. Его лицо, его голос узнаю только я, только я узнаю его спустя двадцать лет.

– И только тебя могут укокошить. Или ты за этим и идешь, Мэйтленд-младшая? Вот черт… – Он усмехнулся. – Да у вас это в роду, наверное. Ты такая же чокнутая, как и твой папаша. Ведь ему нравилось

на мушке у кого-то висеть, да? Он был охотник до острых ощущений, и ты такая же. Признай же это, ведь настал твой звездный час!

– На себя посмотри.

– Я не ради острых ощущений на это иду. Мне просто иначе было нельзя, не было выбора.

– А у меня что, был, что ли, выбор?

Она повернулась, но он удержал ее за локоть и повернул к себе. Он стоял вплотную к ней, так что она даже испытывала боль, глядя на него.

– Оставайся в Сайгоне.

– Да ты, я смотрю, действительно хочешь избавиться от меня.

– Я хочу твоей безопасности.

– С чего бы это?

– Потому что я… тебя…

Он замолчал. Они смотрели друг на друга и тяжело дышали, так, что даже не могли говорить. И, не проронив больше ни слова, он придвинул ее к себе.

Последовал поцелуй, но такой, что она едва удержалась на ногах. От него исходила грубая мужественность: небритый подбородок, мозолистые руки, поношенная рубашка. Сами собою ее руки сомкнулись вокруг его шеи, потянули его к себе. Он не сопротивлялся. Он прижался к ней, и тут ей вспомнился ее сон: раскачивающаяся палуба корабля, звездное небо, его лицо над ее лицом. Будь ее воля, это произошло бы здесь и сейчас. Он уже явно тянул ее к постели, и ясно было, что если они упадут на матрас, то он ею овладеет, а она уступит, и готово дело. Да и что такого? Ведь она действительно желала его.

«Даже если это самая страшная ошибка в моей жизни?»

Она стукнулась ногой о край кровати, и это отрезвило ее. Она оттолкнула его на расстояние вытянутой руки.

– Не сейчас.

– А по-моему, как раз сейчас.

– Мы просто запутались…

– А по-моему, наоборот – связались, – сказал он тихо.

Тогда она прошагала к двери и рывком распахнула ее.

– Я думаю, тебе пора.

– Не пойду я.

– Пойдешь.

Он прочно стоял на ногах, словно вросший в землю, и вся его фигура говорила, что он не собирается уходить.

– Кажется, кто-то забыл, что его жизнь в опасности.

– Да, но в данном случае эта опасность исходит от тебя.

– Я всего-навсего поцеловал тебя. Всего лишь поцелуй! Неужели это так взбудоражило тебя, Вилли?

Она чуть не закричала: «Еще как! Ведь меня никто в жизни так не целовал!»

– Я не уйду, – произнес он тихим голосом, – я тебе сейчас нужен и, вынужден признать, ты мне тоже нужна, ты приведешь меня к Биллу Мэйтленду. Я не притронусь к тебе, если ты так хочешь, но и не уйду.

Она сдалась. Никакие уговоры не сдвинули бы его с места. Дверь захлопнулась, и она вернулась на кровать.

– Боже, как я устала. У меня нет сил с тобой спорить. До того измоталась, что даже перестала испытывать страх.

– Это-то самое опасное. Ты исчерпала весь адреналин, в таком состоянии голова туго соображает.

– Все, с меня хватит.

Она повалилась на кровать с ощущением, что каждая косточка в ее теле разложилась на атомы.

– Мне уже все все равно, я просто хочу спать.

Ему не нужно было отвечать, они оба знали, что прения закончились, и не в ее пользу.

На самом же деле она была рада, что он остался. Как хорошо было теперь закрыть глаза и знать, что кто-то тебя охраняет. К ней вдруг пришло осознание того, до чего затуманенна была ее голова, раз она доверилась такому человеку, как Гай Барнард. Но она действительно верила ему.

Стоя возле кровати, он смотрел, как она засыпает. Растянувшись на простыне, она выглядела до того хрупкой, что походила на бумажную куклу. Совсем не такими были ощущения, когда он держал ее в своих руках. Это была живая женщина из плоти и крови, мягкая и теплая, в общем, такая, какую он только мог пожелать. Но что это были за чувства? Конечно, тут присутствовало старое доброе сексуальное влечение. Но было и еще что-то, какой-то мужской инстинкт, выражавшийся в том, что ему хотелось унести ее подальше от любых невзгод. Он повернулся и посмотрел в окно. Двое полицейских по-прежнему стояли у лестницы, в темноте видны были огоньки их сигарет. Он лишь надеялся, что они не подведут, ведь он уже давно исчерпал весь запас бодрости. Он сел в кресло и попытался заснуть, но спустя двадцать минут очнулся, в неудобной позе затекло тело, и, плюнув на все, повалился на кровать рядом с Вилли. Та даже не пошевелилась. «Какого черта, – подумал он, – она и не заметит ничего». Он растянулся вблизи нее, и от этого матрас чуть приподнялся под ней, она издала стон и, повернувшись к нему, свернулась калачиком у самой его груди. Сладкий запах ее волос одурманил его. Держаться! Уж лучше бы он оставался в кресле! Но было уже невмоготу шевелиться, и он лежал так, обнимая ее и раздумывая об их делах.

Теперь у них было имя, за которое они надеялись ухватиться, – Нора Уокер, медсестра в британском Красном Кресте где-то на севере. Лэситер говорил, что она работала в местной больнице. Оставалось надеяться, что она захочет говорить с ними, что не примет их за очередных ищеек из конторы и не отвернется от них. То, что Вилли будет с ним, – это очень хорошо, ведь она, как дочь Билла Мэйтленда, имеет полное право задавать вопросы, и было бы хорошо, если бы Нора Уокер пожелала на них ответить.

Вилли издала вздох и пододвинулась к нему еще ближе. Он улыбнулся. «Ах ты, лихачка, – подумал он и поцеловал ее в макушку, – уж лихачка так лихачка». Он зарылся лицом в ее волосы.

Что ж, было решено – он повязан с ней, хорошо это или плохо, но это так.

Глава 9

Бортпроводница двигалась по проходу двухмоторного «Ила» и отгоняла мух, круживших у ее головы. Сизый дым исходил из отверстий

кондиционера и сворачивался кольцами в салоне. Проводница словно плыла в облаках, и через эти облака Вилли с трудом различила надпись на двери выхода: «Спасательная веревка». Что-то новенькое в мире средств безопасности. Она представила самолет, парящий в небе, а с него свешивается веревка в десять тысяч футов с вцепившимися в нее пассажирами.

На колени ей упала горстка леденцов от щедрот замученной тяжелой жизнью проводницы.

– Пристегнуть ремень, – послышался приказ.

Что ж, не придерешься.

– Я уже пристегнулась, – сказала Вилли и поняла, что обращались к Гаю.

Она толкнула его в плечо:

– Гай, ремень.

– Что? А, ну да…

Он пристегнулся и натянуто улыбнулся. Тут она заметила, что он впился руками в подлокотники, и, притронувшись к его руке, спросила:

– Ты в порядке?

– Да, в полном.

– Что-то не похоже.

– Это у меня давно так… ничего страшного.

Он уставился в окошко и тяжко сглотнул. Она не удержалась, и смех вырвался у нее из груди.

– Гай Барнард, только не говорите мне, что вы боитесь летать!

Самолет подался вперед и, подпрыгивая, покатил по трассе. Из динамиков полилась вьетнамская речь, затем заговорили на русском языке и, наконец, на ломанном английском.

– Ну и что, – вызывающе бросил он, – одни боятся высоты, другие закрытого пространства или там змей, а у меня вот страх полетов. С самой войны…

– Что-нибудь случилось тогда?

– Под конец уже…

Он уставился в потолок и усмехнулся.

– Смеху подобно! Прошел через весь Вьетнам целым и невредимым, и тут, понимаешь, садимся мы на эту железную красавицу птицу, летим домой, я и Тоби Вульф, с которым мы тогда и познакомились. Мы оба были поддатые и веселые, когда приземлялись уже, шутили без умолку.

Он покачал головой.

– И тут нам подвезло с нашими местами в самом хвосте… когда самолет сел, хвост у него и отвалился.

Она взяла его руку:

– Не продолжай, Гай, не надо.

Он посмотрел на нее с благодарностью:

– А ты что, вообще не боишься?

– Нет. У меня вся жизнь в полетах, это моя родная стихия.

– Наверное, унаследовала от папки своего. Гены летчика.

– Не только. Еще статистика.

Двигатели «Ильюшина» взревели что было силы. Корпус самолета трясло, когда они делали разбег, но вот земля ушла вниз, и они взмыли в небо.

– Насколько мне известно, самолетом путешествовать безопаснее всего, – закончила она свою мысль.

– Безопасно, ты говоришь?! – перекрикивал Гай рев моторов. – Оно и видно, что ты никогда не летала на «Эйр Вьетнам»!

В Ханое их встретила некая мисс Ху, красивая, неулыбчивая и педантичная до мозга костей дама.

Приветствие ее было строго деловым, рукопожатие – исключительно служебным. В отличие от мистера Айнха, который источал фонтаны прелестной болтовни, она любила молчание. Еще она любила противостояние. По пути в город она позволила себе всего лишь одно

замечание. Обратив их внимание на искореженные останки какого-то моста, она произнесла:

– Видите, вон там? Это от американских бомб.

Этим беседа исчерпалась. Вилли смотрела на угловатые плечи женщины и сознавала, что для некоторых и по ту и по эту сторону война не закончится никогда. Ее так раздражило замечание вьетнамки, что она не заметила озабоченного взгляда Гая. Лишь когда тот в третий раз обернулся назад, она, посмотрев туда же, увидела «мерседес» с тонированными стеклами, следующий за ними.

Она обменялась с Гаем взглядом. «Мерседес» ехал за ними до самого города и, лишь когда они остановились напротив своей гостиницы, обошел их и свернул за угол, скрывая за темными стеклами своих пассажиров. Дверь машины открыли, выпуская Вилли, и страшная жара ударила ей в лицо. Мисс Ху стояла снаружи с лицом уже покрытым бисером пота.

– В гостинице работает кондиционер, – сообщила она и добавила с тенью презрения: – Все для иностранных гостей.

Но как выяснилось, кондиционер работал через пень-колоду, а вид самого отеля во французском колониальном стиле обогатился еще большей «стариной». Ковер при входе был замызганным и бесцветным, а роль мебели в фойе играла жалкая смесь разбитого розового дерева и истерзанных валиков. Пока Гай регистрировал их в гостинице, Вилли не отходила от чемоданов и напряженно смотрела на входную дверь.

Ее даже не удивило появление в дверях двух вьетнамцев в темных очках. Они засекли ее и тут же свернули и скрылись за папоротником в одной из ниш в стене. Она видела, как струился вверх, к потолку, дым от их сигарет.

– Готово. Номер 308, с видом на город.

Вилли дотронулась до его локтя.

– Там двое… – шепнула она.

– Я видел.

– И что же нам делать?

– Не обращать внимания.

– Но…

– Мистер Барнард, – позвала мисс Ху.

Они оба обернулись. Женщина помахала им листком бумаги:

– Консьерж сказал, что вам пришла телеграмма.

Гай нахмурился:

– Я не жду никаких телеграмм.

– Она пришла сегодня утром в Сайгон, но вас уже там не было, и ее записали здесь по телефону.

Она передала ему записку и впилась в него глазами, когда он ее читал.

Если там и было что-то важное, то Гай умело скрыл это. Он привычно сунул бумажку в карман и, подхватив чемоданы, подтолкнул Вилли по направлению к открытому лифту.

– Хорошие новости? – раздался голос мисс Ху.

Гай улыбнулся ей.

– Просто записка от друга, – ответил он и ткнул в кнопку своего этажа.

Вилли мельком увидела двоих мужчин, наблюдавших за ними из-за папоротника, и дверь лифта закрылась. Гай схватил ее за руку и молча, одними глазами сказал: «Не говори ни слова!»

В молчании они поднялись на третий этаж. В номере Вилли недоуменно смотрела на то, как Гай крутился по комнате и осторожно водил пальцами под абажурами ламп, ощупывал выдвижные ящики, открывал стенной шкаф, проверял ночники. За изголовьем кровати он нашел то, что искал, – беспроводной микрофон размером с почтовую марку.

Он оставил его на месте и подошел к окну.

– Я польщен, – пробормотал он, глядя на улицу, – в стоимость номера входят нянечки.

Она встала возле него и увидела через окно припаркованный внизу черный «мерседес».

– А что в телеграмме? – спросила она шепотом.

В ответ он вытащил из кармана листок и протянул ей. Она дважды прочла его, тщетно пытаясь уловить смысл написанного.

«Дядюшка Сай спрашивал тебя. Намерен ехать Вьетнам гидом. Счастливых хвостов.

Боббо».

Гай опустил занавеску и забегал по комнате. Было видно, что он судорожно пытался что-то придумать. Вдруг он встал как вкопанный.

– Тебе от живота не надо чего-нибудь?

Она моргнула:

– Как-как ты сказал?

– Пепто-бисмол[6], например. Тебе надо полежать, все-таки кишечная палочка – с ней лучше не шутить.

– Кишечная палочка? – В полной растерянности она глядела на него.

Он подкрался к столу и, не прекращая говорить, стал рыться в ящике в поисках бумаги из гостиничного письменного набора.

– Уверен, это из-за той рыбы, которую ты ела вчера. Тебе все еще нехорошо?

Он поднял в воздух перед ее глазами бумажку с нацарапанным «Да!».

– Да, – сказала она, – да, очень нехорошо. Я… я, пожалуй, лягу… – Она запнулась – мне прилечь, да?

Он опять что-то написал, и на бумаге появилось: «Тебе надо в больницу!»

Она кивнула и пошла в ванную, оттуда послышались рвотные звуки и плеск воды в унитазе.

– Ты знаешь, я что-то совсем расклеилась… мне бы надо к доктору…

До нее дошло только теперь, пока она стояла у раковины и смотрела на струю воды, что он затеял.

«Да он гений», – подумала она с внезапным благоговением. Повернувшись к нему, она спросила:

– Ты думаешь, мы сможем найти врача, говорящего по-английски?

Ее встретило одобрение в виде поднятых вверх двух больших пальцев.

– Надо попробовать больницу, – сказал он. – Думаю, там отыщется кто-то, кто тебя поймет, пусть это будет и не доктор.

Она подошла к кровати и нарочито тяжело села на нее так, что заскрипели пружины.

– Боже, мне совсем плохо.

Он сел рядом с ней и приложил ладонь ей ко лбу. С игривым огоньком в глазах он сказал:

– Да ты хороша, как я погляжу.

– Знаю, что хороша, – ответила она.

Они оба с трудом удержались от смеха.

– Да она еще час назад была в порядке, – сказала мисс Ху десять минут спустя, когда усаживала их в лимузин.

– Ее совершенно внезапно прихватило, – сказал Гай.

– Я бы сказала, на редкость внезапно, – сухо заметила мисс Ху.

– Я думаю, это все из-за рыбы… – простонала Вилли с заднего сиденья.

– Я смотрю, у вас, у американцев, – мисс Ху презрительно фыркнула, – очень нежные желудки.

В прихожей больницы стояла дикая жара и кишел народ. Как только Гай и Вилли вошли внутрь, в помещении воцарилась тишина. Слышно было только, как ритмично постукивает вентилятор на потолке да плачет малыш на руках у матери. Взгляды всех были прикованы к двум американцам, шагающим к приемной. Вьетнамка за приемной стойкой с изумлением уставилась на посетителей, и, только когда прогремел голос мисс Ху, она, судорожно тряся головой, ответила.

– У нас есть только вьетнамские врачи, – перевела мисс Ху, – европейских нет.

– Неужели нет никого с европейским образованием? – спросил Гай.

– А что, вы считаете, что ваша западная медицина лучше?

– Послушайте, я не собираюсь спорить, кто лучше, а кто хуже, мне просто нужен кто-нибудь, говорящий по-английски. Хотя бы медсестра, у вас же есть англоговорящие сестры?

Мисс Ху повернулась и сердито передала сказанное сестре в приемном отделении, та сделала несколько телефонных звонков. Наконец, Вилли проводили по коридору в отдельный кабинет для осмотров. В кабинете было только самое необходимое: стол, кушетка для осмотров, плевательница и набор инструментов. В пыльных стаканах красовались хлопковые тампоны и палочки для горла. Вокруг единственной в комнате голой лампочки лениво жужжала муха.

Сестра подала Вилли драный халат и жестом приказала раздеться.

В планы Вилли не входило раздеваться перед мисс Ху, наблюдающей из угла кабинета.

– А нельзя ли мне остаться одной? – спросила она.

Но та не пошевелилась.

– А мистер Барнард, значит, остается? – заметила она.

– Нет, – Вилли поглядела на Гая, – мистер Барнард не остается.

– Ну что вы, я как раз собирался уйти, – сказал Гай, направившись к двери.

На ходу он поделился с мисс Ху полезной информацией:

– Знаете ли, товарищ, в Америке это считается грубым, когда смотрят на раздевающихся.

– Мне лишь хотелось увидеть подтверждение тому, что я слышала про нижнее белье западных женщин.

– И что же именно вы слышали?

– То, что оно сделано с единственной целью – пробудить в мужчине похоть.

– Товарищ, – заговорил Гай, ухмыляясь, – я с удовольствием поделюсь с вами своими знаниями в области женского белья...

Дверь захлопнулась, и Вилли осталась в комнате одна. Она переоделась в халат и села ждать на кушетке. Почти тут же в кабинет вошла высокая женщина в белом халате, лет сорока с лишним. На лацкане халата значилось имя: Нора Уокер.

Она кивком поприветствовала Вилли и задержалась у кушетки, проглядывая какие-то записи в больничной книге. В коричневых волосах виднелись седые пряди, темно-зеленые глаза были бездонными как море.

– Так вы американка, – сказала она с британским акцентом, – нечасто американцы здесь попадаются. На что жалуетесь?

– Сильная боль в животе и тошнит.

– Как давно?

– Весь день сегодня.

– Жар есть?

– Нет. Судороги сильные.

Женщина кивнула.

– Распространенное явление среди западных туристов.

Она снова заглянула в записи.

– Это от воды. Другой набор бактерий в воде, чем тот, к которому вы привыкли. Через несколько дней должно пройти. Мне нужно осмотреть вас. Я попрошу вас лечь, мисс... – Она глянула в запись и остолбенела.

– Мэйтленд, – тихо проговорила Вилли, – меня зовут Вилли Мэйтленд.

Нора прокашлялась и ровным голосом попросила:

– Пожалуйста, лягте.

Вилли послушно легла на спину, чтобы врач могла осмотреть живот. Руки, прощупывающие живот, были ледяными.

– Сэм Лэситер сказал нам, что вы можете помочь, – прошептала Вилли.

– Вы говорили с Сэмом?

– В Кантхо. Я встречалась с ним насчет моего отца.

Нора кивнула и спросила деловым тоном как ни в чем не бывало:

– Когда я тут нажимаю, больно?

– Нет.

– А так?

– А так да, немного.

Затем Нора, снова перейдя на шепот, спросила:

– А как там Сэм поживает?

Вилли сделала паузу.

– Он погиб, – проговорила она.

Руки на животе застыли.

– О господи! Как?.. – Нора взяла себя в руки, сглотнула. – Я имею в виду, как… каковы ощущения?

Вилли провела рукой, как ножом, по горлу.

Нора сделала глубокий вдох:

– Ясно.

Руки ее задрожали над животом Вилли. Она постояла молча, опустив голову. Затем развернулась и подошла к шкафу с лекарствами.

– Вам нужно попить антибиотики.

Она достала бутылочку с пилюлями.

– У вас нет аллергии на серосодержащие?

– Думаю, нет.

Нора достала чистую этикетку и стала писать на ней указания по приему.

– Ваше удостоверение личности, пожалуйста, мисс Мэйтленд?

Вилли достала водительские права Калифорнии и протянула ей.

– Этого будет достаточно?

– Вполне.

Нора положила права к себе в карман. Затем она налепила этикетку на бутылку.

– Принимайте по одной четыре раза в день. Улучшения должны наступить к завтрашнему вечеру.

Она протянула Вилли пузырек. Внутри лежало штук двадцать белоснежных таблеток. На этикетке было написано название препарата и обычные указания по приему. Ни скрытых посланий, ни секретных указаний. Вилли вопрошающе взглянула на нее, но Нора уже направилась к двери. По пути она остановилась.

– С вами был мужчина, американец. Он кто, родственник?

– Друг.

– Понятно.

Нора с тревогой посмотрела на нее.

– Я полагаюсь на верность того, что вы мне сказали по поводу аллергических реакций у вас, мисс Мэйтленд. В противном случае это лекарство может иметь очень серьезные последствия.

Она распахнула дверь и увидела за ней мисс Ху.

– В порядке ли мисс Мэйтленд? – спросила она.

– У нее умеренная кишечная инфекция. Я дала ей антибиотиков, и к завтрашнему дню ей полегчает.

– Мне уже немного лучше, – заверила Вилли, поднимаясь с кушетки, – хотелось бы на свежий воздух.

– Прекрасная мысль, – одобрила Нора, – свежий воздух и легкая здоровая пища. Никакого молока. Желаю приятно провести время в Ханое, мисс Мэйтленд, – сказала она, выходя из кабинета.

Мисс Ху гордо улыбнулась Вилли и язвительно произнесла:

– Вот видите, даже у нас, во Вьетнаме, можно найти первоклассных врачей.

Вилли кивнула и потянулась за одеждой.

– Да, пожалуй.

Спустя пятнадцать минут Нора Уокер, покинув больницу, катила на велосипеде в сторону улицы с лавками портных. Она задержалась у уличного торговца лапшой, взяв себе бутылку лимонада и плошку фо[7], заплатив аккуратно сложенной купюрой в тысячу донгов. Лапшу она съела здесь же, примостившись на тротуаре.

Доев последние капли перченого бульона, она пешком направилась к портному. В лавке никого не было.

Она прошла сквозь штору из бус и вошла в затемненную комнату, где и осталась ждать среди запыленных рулонов шелка, хлопка и парчи. Штора в проходе рассыпчато звякнула, и стало ясно, что ее связной прибыл. Нора повернулась к нему лицом.

– Я только что видела дочь Билла Мэйтленда, – сказала она по-вьетнамски и протянула удостоверение.

Мужчина рассмотрел фотографию и улыбнулся.

– Ну что же, сходство налицо.

– Есть и некоторое затруднение, – сказала Нора, – с ней мужчина.

– Ты говоришь о мистере Барнарде? – Он снова улыбнулся. – Мы осведомлены.

– Он из ЦРУ?

– Нам так не кажется. Очень похоже, что он сам по себе.

– Так вы за ними наблюдаете?

Мужчина пожал плечами:

– Это совсем нетрудно. Среди обычной толпы детей на улице они вряд ли заметят какого-то бродягу-подростка.

Нора сглотнула, силясь задать следующий вопрос:

– Она сказала, что Сэм погиб, это правда?

Улыбка сошла с его лица.

– Нам очень жаль. Похоже, со временем здесь не стало спокойнее.

Отвернувшись, она попыталась проглотить комок в горле, но боль не уходила, и она уткнулась головой в один из рулонов шелка.

– Это так. Ничего не изменилось, черт бы их побрал! Черт бы их…

– Что ты хочешь, чтобы мы сделали, Нора?

– Не знаю.

Она с дрожью вздохнула и повернулась к нему:

– Я думаю… я думаю, надо отправить ему сообщение.

– Я свяжусь с доктором Андерсеном.

– Мне нужен ответ к завтрашнему дню.

Мужчина покачал головой:

– Остается слишком мало времени.

– Весь сегодняшний день, предостаточно!

– Но есть… – он запнулся, – есть кое-какие сложности.

Нора вгляделась в его лицо, в эту маску, лишенную чувств.

– А именно?

– Компания проявляет интерес к этому делу. И ЦРУ тоже. Не исключено, что есть и другие.

«Другие», – подумала Нора. Это значит те, о ком они ничего не знают, те, которых стоило опасаться больше всего. Когда Нора вышла от портного и окунулась в болезненное сияние дня, она ощутила с десяток взглядов, следующих за ней, пока не спеша двигалась по улице Гиа-Нгу. Пестро расшитая блуза, которую она только что приобрела в лавке, казалось, так и светилась в толпе.

Не сказать чтобы до этого было что-то по-другому. В Ханое любой иностранец был предметом повышенного внимания. В каждом магазине, на каждой улице взгляды были обращены на него.

И Вилли Мэйтленд их тоже было не избежать.

* * *

– Мы на нее вышли первыми, теперь дело за ней, – сказал Гай.

– А если она не отреагирует?

– Тогда, боюсь, мы окажемся в тупике.

Гай сунул руки в карманы и обратил взгляд на озеро Возвращенного Меча. Как и добрый десяток других пар, прогуливающихся по зеленому берегу озера, они с Вилли нашли здесь уединение, здесь их никто не мог услышать. Деревья склонили к воде огненно-красные ветви.

Впереди на дорожке галдели дети, играя в «мячи и ежики».

– Ты так и не объяснил мне смысл телеграммы. Кто такой Боббо?

Гай засмеялся:

– Да это кличка Тоби Вульфа. После того крушения мы с ним бок о бок прошли через военный госпиталь. Медсестры от нас стонали. Ну, сама понимаешь, постоянные подмигивания, шуточки там всякие наши. В итоге они стали называть нас «плохиши-близняшки Боббзи», а потом он стал Боббо-один, а я – Боббо-два.

– Значит, это Тоби Вульф послал телеграмму?

Гай кивнул.

– Так что это значит все? Кто такой «дядюшка Сай»?

Гай не сразу ответил, внимательно оглядевшись вокруг. Она-то знала, что он не просто так огляделся, он высматривал. И высмотрел: в тени пойнсианового дерева стояло двое мужчин, вьетнамцев. Вернее всего, полицейские, посланные охранять их. А может быть, чтобы изолировать их?

– Дядюшкой Саем мы называем ЦРУ.

Вилли нахмурилась, вспоминая содержание телеграммы.

«Дядюшка Сай спрашивал тебя. Намерен ехать Вьетнам гидом. Счастливых хвостов.

Боббо».

– Это было предупреждение, – пояснил Гай, – контора знает про нас, и ее сотрудники находятся сейчас в стране, возможно, наблюдают за нами прямо сейчас.

Вилли с опаской пробежала взглядом вокруг озера. Проехал велосипед, на котором сидела обычная девчонка в панаме пирамидой. На траве лежала влюбленная парочка и тихо секретничала. До чего это все походило на открытку, думала Вилли. Все, кроме тех двоих за деревьями, что наблюдали за ними.

– Если он прав в своем послании, то как мы распознаем их среди других? – спросила Вилли.

– Вот тут-то и загвоздка... – сказал Гай, и тревога в его глазах насторожила ее, – мы не сможем их распознать.

Соглядатаи их всегда были вблизи и всегда были в недосягаемости!

Сианг сидел, притаившись в коляске рикши, и наблюдал за двумя американцами, гуляющими по ту сторону озера. Они шли не спеша, останавливаясь наподобие туристов, чтобы полюбоваться цветами или умилиться ребенком, играющим на траве. Они шли и не подозревали, как легко их можно было взять на мушку и в мгновение ока забрать их жизнь. Он переключился на тех двоих, что следовали за ними на некотором расстоянии. Полицейские, предположил он, охраняют их. Это была помеха, но Сианг мог обойти ее. Рано или поздно возможность представится.

Как легко было бы просто убрать, не труднее, чем навести прицел через открытые занавески. И как жаль, что задание на сей раз было другим.

Американцы вернулись к машине. Сианг вылез из коляски и, встряхнув затекшие ноги, влез на велосипед. Транспорт невзрачный, но зато какой юркий и неприметный. Ну кто будет обращать внимание на захудалого велорикшу в обносках, каких в Ханое тысячи?!

Сианг проследовал за машиной до самого отеля. Одним домом дальше по улице он слез с велосипеда и осторожно проследил за тем, как они скрылись в дверях отеля. Спустя несколько секунд у обочины встал черный «мерседес», из его недр вылезли два агента и последовали за американцами в отель.

Настало время развернуть торговлю. Сианг достал из велосипедной корзины замотанную в тряпку кучку предметов, выбрал на тратуаре

местечко потенистее и разложил свое скромное богатство: сигареты, мыло и поздравительные открытки. Затем он, как всякий бродячий торговец, сидя на корточках на соломенном коврике, стал жестами зазывать прохожих. За два часа такого сидения он продал один-единственный кусок мыла, но это было не важно. Его главная задача была – наблюдать. Наблюдать и выжидать. А как всякий хороший охотник, ждать Сианг умел.

Глава 10

В эту ночь Гай и Вилли спали на разных кроватях. По крайней мере, Гай спал. К Вилли сон не шел, она ворочалась и думала про отца, вспоминала тот день, когда видела его в последний раз. Он тогда собирался в дорогу, а она стояла у кровати и смотрела, как он кидал в открытый чемодан одежду. По характеру собираемых вещей она видела, что отец снова пребывал в смертоносных объятиях войны. Защитная жилетка, лаосско-английский разговорник, увесистые золотые цепочки – последнее спасение подбитого летчика от расправы на земле. Здесь также была правительственная бирка, напечатанная на куске материи и украденная у летчика ВВС США.

«Я гражданин Соединенных Штатов Америки. Я не говорю на вашем языке. Непредвиденные обстоятельства вынуждают меня просить вас помочь мне с едой и убежищем. Прошу вас указать мне того, кто сможет поручиться за мою безопасность и возвращение к своим»[8].

Надпись была сделана на тринадцати языках. Последнее, что он упаковал в чемодан, был пистолет 45-го калибра, поставленный на предохранитель. Вилли стояла у кровати, уставившись на оружие, от осознания силы которого у нее по коже прошел мороз.

– Зачем ты опять идешь туда? – спрашивала она.

– Такая у меня работа, крошка, – отвечал он, утопив в чемодане пистолет, – я хорошо делаю свое дело, к тому же это наш кусок хлеба.

– Мы можем перебиться без лишнего куска, нам нужен ты!

Он закрыл чемодан.

– Ты опять говорила с мамой, да?

– Нет, я говорю это от себя, папка, это я говорю.

– Конечно, конечно, малышка.

Он усмехнулся и потрепал ее по волосам, и она снова почувствовала себя папиной дочкой. Он опустил чемодан на пол и широко улыбнулся, как он всегда ей улыбался – улыбкой, неизменно подкупающей и маму.

– Ну послушай, а хочешь, я привезу тебе что-нибудь этакое, какую-нибудь диковинку из Вьентьяна? Может быть, рубин? Или сапфир? Тебе должен понравиться сапфир!

Она пожала плечами:

– Какая разница?

– Что значит, какая разница? Ты же детка моя!

– Твоя детка? – Она подняла глаза к потолку и усмехнулась: – Да разве я когда-нибудь была твоей деткой?

Улыбка исчезла с его лица.

– Мне не нужны ваши капризы, сударыня.

– Да тебе ничего не нужно! Ничего, кроме как летать на своих дурацких самолетах на своей дурацкой войне!

Он не успел ответить, как она, задев его плечом, устремилась к выходу и вышла из комнаты. Спускаясь по лестнице вниз, она расслышала его крик:

– Ты еще всего-навсего ребенок! Когда-нибудь ты поймешь! Подрасти немного, в один прекрасный день до тебя дойдет!..

«В один прекрасный день. В один прекрасный день».

– А я все-таки не понимаю, – шептала она в ночи. С улицы донеслось тарахтение проезжающего мимо автомобиля. Она сидела на кровати и, расправляя рукой влажные волосы, оглядывала комнату. Занавески колыхались паутинкой в залитом лунным светом окне. На соседней кровати спал Гай. Простыня, накрывавшая его, была сбита в сторону, и в темноте поблескивала его голая спина. Она поднялась и подошла к окну. Внизу, на углу улицы, трое водителей-велорикш в обносках сидели, сгрудившись, на корточках в тусклом свете уличного фонаря. Они молчали, сморенные усталостью и ночной тишиной. Она спрашивала себя, сколько их таких, утомленных и молчаливых, блуждало по городу среди ночи. А ведь они считали себя победителями в той войне.

Проскрипели пружины матраса, и она обернулась. Гай перевернулся на спину, скинув простыню на пол. Тайное его обаяние действовало на нее,

и она не могла отвести от него взгляда. Она стояла впотьмах, глядя на его спутанные волосы, на поднимающуюся и опускающуюся грудь. Даже пока спал, он улыбался, как будто приснившейся ему шутке. Она подошла и стала гладить его по волосам, и вдруг остановилась – рука ее застыла в нерешительности, пока она боролась с желанием снова прикоснуться к нему. Как давно уже она не испытывала подобного к мужчине, это даже напугало ее – ведь это был первый знак того, что она побеждена, что она готова отдать душу в его распоряжение. Этого нельзя было допустить! Не с этим человеком! Она вернулась к своему месту и повалилась на кровать. Она лежала и думала, до чего это все неправильно, какие они разные. Такими же разными были когда-то ее отец и мать.

Энн Мэйтленд не хотела признавать эту разницу, простую и совершенно очевидную несовместимость. Хотя для Вилли это было ясно как божий день. Билл Мэйтленд был рисковым малым, непредсказуемым и азартным в игре под названием жизнь. Энн без оглядки принимала любые его выкрутасы, потому что он был ее мужем, и она любила его. Но Вилли не нужна была такая любовь. Ей не нужен был молодой вариант Дикого Билла Мэйтленда. Хотя, Бог свидетель, она так его хотела! А он вот он – перед ней на соседней кровати. Она закрыла глаза и пролежала так, считая часы до самого утра, ворочаясь и потея.

– Какой любопытный поворот, – произнес министр Транх, он только что прилетел из Сайгона и, сидя на стуле с жесткой спинкой, пристально глядел на чаинки, плавающие в чашке. – Вы говорите, что они ведут себя как простые туристы?

– Да, типичные западные туристы, – подтвердила мисс Ху с отвращением.

Она раскрыла блокнот и начала зачитывать тщательно задокументированные события дня.

– Этим утром в 9.45 утра они посетили могилу нашего любимого лидера, но не выказали никаких эмоций. В 12.17 им был сервирован обед в отеле, в меню входила жареная рыба, тушеная речная черепаха, пареные овощи и заварной крем. Днем их сводили в Музей войны, а потом в Музей революции.

– Что-то не похоже это все на маршрут западных туристов.

– А затем, – она перелестнула страницу, – они отправились в магазин за покупками. – Она торжествующе захлопнула блокнот.

– Но послушайте, товарищ Ху, даже самый преданный партийный работник вынужден иногда делать покупки.

– В антикварных лавках?

– Ну что ж, они просто ценят местную старину.

Мисс Ху подалась вперед.

– Мы подошли к моменту, который вызывает у меня подозрения, министр Транх. Здесь леопард показывает свои полоски.

– Тогда уж пятна, – улыбнувшись, поправил ее министр.

Без сомнения, товарищ Ху – эта поистине рьяная соратница – снова штудировала американские идиомы. Какая жалость, что она не улавливала их юмора.

– И чем же именно они занимались?

– В этот день, после антикварной лавки, они провели два часа в австралийском посольстве – в коктейль-баре, если быть точной, – где они вели беседы с разными подозрительными иностранцами.

Ничего необычного министр Транх не увидел в том, что американцы потянулись к западному посольству. Любой другой, находясь в чужой стране, конечно же жаждал бы родной компании. Несколько десятилетий назад в Париже Транх испытывал такую же точно тоску. Потягивая кофе в сытых западных кофейнях и упиваясь радостями богемной жизни, он время от времени тосковал по черным как смоль волосам, по протяжному звуку родной речи. Но при этом как он любил Париж!..

– Таким образом, как вы можете убедиться, американцы находятся под присмотром, – сказала мисс Ху. – Можете быть уверены, министр Транх, все под контролем.

– То есть, полагаю, они продолжают сотрудничать с нами, так?

– Сотрудничать? – Мисс Ху гордо поджала губы. – Да они и не догадываются, что за ними все время ведется слежка.

Как жаль, что мисс Ху, будучи столь политически грамотной особой, так плохо проникала в суть вещей. Но у министра Транха не было сил спорить с нею, ведь он давно знал, что фанатиков редко волновала суть, и он лишь глядел на чаинки и вздыхал.

– Вы, без сомнения, правы, товарищ, – отвечал он.

– Прошел уже целый день, почему с нами до сих пор никто не связался? – шептала Вилли, сидя за покрытым клеенкой столом.

– Возможно, они пока не могут достаточно близко к нам подобраться, – сказал Гай.

– Или же они все еще изучают нас.

«Изучают, как и все остальные здесь», – думала Вилли, оглядывая шумное кафе. Одним взглядом она охватила столики, загроможденные кофейными чашками и суповыми тарелками, посетителей, сидящих в чаду готовки и сигарет, официантов, разносящих подносы с едой. «Все они наблюдают за нами», – думала она. В дальнем углу сидели двое полицейских и стряхивали пепел сигарет в блюдце. А через грязные уличные окна детские мордахи глазели на редких гостей из Америки. Официант, изможденный и молчаливый, поставил перед ними две миски супа с лапшой и исчез в створках дверей. В кухне лязгали горшки, слышалась болтовня, к этим звукам примешивалось стаккато нарубаемых овощей. Створки дверей не переставали ходить туда-сюда, пропуская официантов, согнувшихся под тяжестью подносов. Полицейские не смыкали глаз. Вилли, готовая рассыпаться от напряжения, машинально взяла в руки палочки и принялась есть. Это была скромная трапеза из лапши и почти прозрачных ломтиков мяса, плавающих в перченом бульоне. Это было мясо индийского буйвола, по словам Гая. Мясо вкусное, но жесткое. Согнувшись над столом и стараясь не замечать надсмотрщиков, она ела в полном молчании. Лишь когда она неосторожно прокусила семечко чили и надо было запить остроту лимонадом, она отложила палочки для еды.

– Даже не знаю, долго ли я смогу терпеть эту роль туристки, – вздохнула она.

– Терпеть придется столько, сколько нужно. Чему-чему, а терпению в этой стране можно здорово научиться. Надо ждать и ловить удобный момент, использовать возникшую возможность.

– Двадцать лет ожидания – по-моему, достаточный срок.

– Вот это как раз то, что меня сильно беспокоит, – сказал он, хмурясь, – что спустя целых двадцать лет контора по-прежнему интересуется этим делом, почему, спрашивается.

– Возможно, они и не интересуются. И Тоби Вульф просто ошибся.

– Тоби никогда не ошибается, – ответил Гай, тревожно озираясь в переполненном помещении. – Есть еще что-то, что меня все еще беспокоит, и беспокоило с первого дня. Наша так называемая случайная встреча в Бангкоке. Мы оба вдруг задаем одни и те же вопросы, ищем одного и того же человека. – Он сделал паузу. – В дополнение к этакой легкой паранойе я ощущаю какое-то…

– Совпадение?

– Скорее предначертание.

Вилли покачала головой:

– Я не верю в судьбу.

– Придется поверить.

Он стал разглядывать сигаретный дым, сворачивающийся у потолка вокруг вентилятора.

– Такова эта страна. Она изменяет твое представление о реальности, лишает тебя чувства контроля. Ты начинаешь верить в то, что все события были заранее предначертаны и сопротивляться этому бесполезно. Словно бы твоя жизнь уже расписана по мелочам в какой-то книге, и книгу эту никак уже не перепишешь.

Их взгляды встретились.

– Я не верю в судьбу, Гай, – сказала Вилли спокойно, – и никогда не верила.

– А я и не прошу тебя верить.

– Я не верю в то, что наши пути непременно должны были пересечься. Они просто пересеклись, и все.

– И все-таки что-то нас свело ведь, называй это как хочешь: судьба, рок или кто-то все это подстроил нарочно.

Он наклонился к ней, не сводя с нее глаз.

– Из всех возможных и невозможных мест в этом мире мы с тобой сидим именно здесь, за этим столиком, в этом самом кафе. И… – Он запнулся. Карие глаза его излучали тепло, а кривоватая улыбка лишь усилила

серьезность сказанного. – И я думаю, настало время смириться и принять выпавшую нам долю, настало время отдаться инстинкту.

Они смотрели друг другу в глаза через завесу дыма. А она подумала: «Я знаю, какому инстинкту хочу отдаться я, – пойти с тобой обратно в гостиницу и отдаться тебе. Знаю, что потом пожалею, но это то, чего я хочу сейчас, а может, и хотела с самого первого дня знакомства».

Он протянул к ней руку, а она встретила ее своей рукой. Как только пальцы их соединились, словно бы какая-то волшебная цепь замкнулась вдруг, и словно так и должно было быть, и теперь эта связь вела их куда-то, не каждого в отдельности, но обоих вместе. Их ждали объятия, ждало ложе.

– Пойдем в номер, – прошептал он.

Она кивнула.

Между ними пропорхнула улыбка ожидания, улыбка, полная обещания. Она уже представила себе, как снимаются их рубашки, как расстегиваются ремни, как блестят вспотевшие плечи и спины. Она медленно отодвинула назад свой стул.

Но как только они поднялись из-за стола, до них донесся до боли знакомый голос.

Додж Гамильтон пробирался к ним через сумятицу столиков и, весь в поту и бледный, рухнул на стул рядом с ними.

– Какого хрена ты здесь делаешь? – воскликнул Гай в недоумении.

– Это еще хорошо, что я вообще есть, – сказал Гамильтон, проводя по лбу носовым платком. – Один из движков на нашем самолете дымил всю дорогу от Дананга. Ох, как мне не хотелось быть раскиданным где-то там, по горам.

– Но я думала, что ты останешься в Сайгоне, – сказала Вилли.

– Если бы. Вчера получил телеграмму от министра финансов – он согласился дать интервью, я ждал этого не один месяц. Ну я и вскочил в последний самолет из Сайгона.

Он покачал головой:

– Все, отказываюсь я теперь летать, точка! Боже, выпить мне! – Он показал пальцем на стакан Вилли: – Это что у тебя в стакане?

– Лимонад.

Гамильтон повернулся и позвал официанта:

– Эй, послушайте, нельзя ли мне вот этого вот, лимонного?

Вилли отпила немного, внимательно глядя поверх стакана на Гамильтона.

– А как ты нас нашел?

– Что? А, да проще простого, консьерж в отеле направил меня сюда.

– А он откуда знал?

Гай вздохнул:

– Как видишь, нам и шагу нельзя ступить, чтобы об этом все не узнали.

Гамильтон подозрительно нахмурился при виде официанта, принесшего салфетку и стакан с лимонадом.

– Небось зараза какая-нибудь смертельная плавает. – Он поднял бокал. – Авось выживем. Что ж, за Ильюшиных – надежду и опору на крыльях. Чтобы не падали, пока я внутри по крайней мере.

Гай поднял свой бокал и от всего сердца добавил:

– Аминь! Отныне переходим на корабли.

– Или велорикш, – сказал Гамильтон, – ты только представь, Барнард, нас будут катать через весь Китай!

– Я думаю, что безопаснее будет все же самолетом, – произнесла Вилли и взяла свой стакан. Когда она подняла его, заметила темное пятно, отпечатавшееся на скатерти. Несколько секунд она соображала, что же это такое, эта голубая полоска. Конечно. Чернила. Что-то было написано на обратной стороне ее салфетки.

– Все упирается в самолет, – сказал Гамильтон, – с меня хватит русской техники после сегодняшнего. Прошу прощения за каламбур, но уж если хочешь плыть по небу, то «Ил» тебе не поможет.

Взрыв смеха, исторгнутый Гаем, отрезвил Вилли. Она подняла глаза на Гамильтона и поймала на себе его насупленный взгляд. Додж Гамильтон, думала она, он все время оказывался рядом с ними. Все время наблюдал за ними. Она скомкала салфетку в кулаке.

– Если вы не против, я, пожалуй, пойду к себе в номер.

– Что-нибудь не так? – спросил Гай.

– Я утомилась.

Она встала.

– И меня немного мутит.

Гамильтон тотчас отставил свой стакан в сторону.

– Так и знал, что лучше было продолжать пить виски. Тебе что-нибудь заказать? Может, банан? Это действительно помогает.

– Ничего страшного, – сказал Гай, помогая Вилли встать из-за стола, – я позабочусь о ней.

На улице стояла жара и бурлила жизнь. Вилли вцепилась Гаю в руку, боясь проронить хоть слово. Но он уже понял ее состояние и повел ее через толпу в сторону отеля.

В номере Гай запер дверь на все замки и задернул занавески. Вилли развернула салфетку. При тусклом свете настольной лампы они с трудом прочитали смазанное послание.

«2.00. Переулок за отелем. Берегитесь хвостов».

Вилли посмотрела на Гая:

– Ну, что ты думаешь?

Он не ответил. Она смотрела, как он ходил по комнате, оценивая степень риска, взвешивая все за и против. Затем он взял салфетку, разорвал ее на мелкие кусочки и скрылся в ванной. Послышался слив бачка – улика была уничтожена. Когда он снова появился в комнате, лицо его было непроницаемо.

– Почему бы тебе не прилечь? Что может быть лучше хорошего сна от расстроенного желудка.

Он потушил лампу, и на фосфоресцирующем циферблате своих часов Вилли увидела 7.30. Ждать оставалось немало. Они едва сомкнули глаза

в эту ночь. В темноте номера они считали часы. За окном потихоньку затихали шумы улицы, голоса, велосипеды. Они даже не разделись, а лежали так, боясь произнести слово. Должно быть, было уже за полночь, когда Вилли наконец провалилась в глухую дремоту. И как будто через мгновение она почувствовала, как ее толчком пробудили от сна. Потом губы Гая прикоснулись к ее лбу и послышался его шепот:

– Пора идти.

Она тут же села на кровати, сон улетучился, а сердце заколотилось быстро-быстро.

С обувью в руках она на цыпочках просеменила за ним до двери.

На этаже не было ни души. Голая лампочка, освещавшая коридор, тускло отсвечивала на паркете. Они направились к лестнице.

Они остановились на втором этаже и посмотрели вниз. У стойки в вестибюле никого не было, а через всю лестничную клетку до них доносился львиный храп. Они стали спускаться вниз, и в их поле зрения вплыла комната вахтера.

На диване, распластавшись и с открытым ртом, блаженно отдыхал этот ответственный муж. Гай оскалился в улыбке и показал Вилли поднятый кверху большой палец. Затем он повел ее дальше вниз по лестнице, а затем через дверь для персонала отеля. Они прошли через темное складское помещение, заставленное по одной стороне ящиками. В конце была дверь наружу. Когда они вышли, их окутала такая кромешная темнота, что Вилли стала водить вокруг руками, чтобы обрести хоть какой-то ориентир. Тогда Гай взял ее за руку, и она почувствовала себя уверенней, ведь она знала теперь, что этим рукам можно доверять. Они вместе прокрались через темноту к узкому проулку позади отеля и стали там ждать. Времени было 2 часа и 1 минута. В 2.07 они скорее почувствовали, чем услышали, какое-то движение в темноте. Словно из воздуха соткалась чья-то плоть. Они разглядели женщину, лишь когда она стояла уже совсем рядом с ними.

– Идите за мной, – сказала она.

Вилли узнала ее голос – это была Нора Уокер. Они петляли за ней по переулкам и улочкам, все дальше углубляясь в городскую паутину, каким был Ханой. Нора не проронила ни слова. Там и тут уличные фонари выхватывали ее из темноты, освещая спрятанные под панамой волосы, темную, поношенную для неприметности блузку.

Наконец они остановились в проулке, залитом лужами. В темноте Вилли различила лишь три велосипеда, стоящие наготове у стены. Ей в руки попал сверток, в котором оказалась пара пижамоподобных штанов, блузка и панама, пахнущая свежей соломой. Такой же набор достался Гаю. Переодевались в полной тишине. Потом несколько миль было проделано на велосипедах по задворкам города. В этом царстве теней все жило по своим законам. Ветви деревьев лезли в лицо, дорога петляла змеей. Вилли совершенно утратила ориентиры, и теперь ей казалось, что они ехали по кругу. Но она крутила машинально педали, держась взглядом за едва различимые в темноте очертания Нориной панамы, маячившей впереди. Из мощеной дорога превратилась в обычную проселочную, а каменные постройки – в хижины и огороды. Наконец, где-то на отшибе города, они спешились. На обочине дороги притулился старый грузовик. В кабине светился огонек сигареты. Дверца со скрипом открылась, и оттуда выпрыгнул водитель-вьетнамец. Они с Норой пошептались, и водитель, стрельнув в темноту окурком, жестом позвал их к кузову грузовика.

– Залезайте, – сказала Нора, – теперь вас повезет он.

– Куда мы едем? – спросила Вилли.

Она откинула вверх брезент и поторопила их лезть внутрь.

– Сейчас не время для вопросов, поторопитесь.

– А вы разве не с нами?

– Мне нельзя, они сразу заметят мое исчезновение.

– Кто – они?

В голосе Норы, и без того напряженном, зазвучала паника.

– Прошу вас, залезайте внутрь немедленно!

Они перелезли через задний борт грузовика и бухнулись на пол среди мешков с рисом.

– Запаситесь терпением, – сказала Нора, – путь неблизкий. Тут внутри есть вода и пища, вам хватит на дорогу.

– А кто водитель?

– Никаких имен, так безопасней.

– Но ему можно доверять?

Нора помолчала.

– А кому мы вообще можем доверять?

Она дернула за конец брезента, и их закрыло по ту сторону ночи.

Обратная дорога к квартире Норы была долгой. Она проворно крутила педали, разрезая ночную мглу, встречный ветер колыхал панаму на голове. Она хорошо знала этот путь и даже в темноте чуяла препятствия и обходила провалы на дороге.

Но было и еще что-то, что она чувствовала в эту ночь. Что-то недоброе витало в воздухе. И чувство это было настолько острым, что она не могла не остановиться и не посмотреть назад. С добрую минуту она стояла так, затаив дыхание и всматриваясь в темноту. Все было спокойно, лишь плыли сквозь лунный свет облака.

«Я все это себе представила», – подумала она. Никто ее не преследовал. Да и не мог преследовать, ведь она была так осторожна, без конца петляя с амерканцами по всему городу, никто бы не смог остаться незамеченным.

Успокоившись, она теперь дышала ровно и доехала так до самого дома, поставила велосипед на общей стоянке и взбежала по ступенькам к своей квартире. Дверь оказалась незапертой. Всю значимость этого она осознала, лишь когда уже шагнула внутрь, но было слишком поздно. Дверь за ней захлопнулась, она мгновенно обернулась, и тут же в глаза ей направили пучок света.

– Кто?! что это?!

Чьи-то руки из-за спины сомкнулись вокруг нее в жестоком объятии. К горлу поднесли нож.

– Молчи, – прошипели за спиной.

Тот, что с фонарем в руках, шагнул вперед. Он огромен, до того огромен, что тень от него перекрыла стену.

– Мы ждали вас, мисс Уокер, – произнес он, – куда вы их доставили?

Она сглотнула.

– Кого?

– Вы встретились с ними в отеле, а куда вы поехали потом?

– Я не встреча… – вырвалось у нее, и в тот же момент лезвие ножа зацепило ее.

Она почувствовала, как теплая капля крови прокатилась вниз по шее.

– Полегче, мистер Сианг, – сказал человек, – у нас вся ночь в распоряжении.

Нора заплакала:

– Умоляю, умоляю вас! Я ничего не знаю…

– Да нет, знаете. И все нам расскажете, правда же?

Человек пододвинул стул и уселся на него. В потемках мрамором сияли его зубы.

– Вопрос только в том, как скоро вы расскажете.

Из-под трепыхающегося брезента Вилли наблюдала лучи восходящего солнца, пробивающиеся сквозь ветви деревьев, пыль от колес на дороге, кристальную зелень рисовых полей. Позади уже были часы езды, и мешки с рисом теперь давили на спину, словно куски бетона. Это хорошо, что их снабдили едой и питьем. В открытом ящике они нашли бутыль с водой, большой ломоть французского хлеба и четыре яйца вкрутую. По-началу этого казалось достаточно. Но покуда день разгорался и жара крепчала, единственная бутыль с водой становилась на вес золота. Они распределили потребление воды по глотку на каждые полчаса, и этого едва хватало на то, чтобы промочить горло.

К полудню грузовик начал взбираться в гору.

– Куда мы едем?

– Похоже, на запад, в горы. Может быть, в Дьен-Бьен-Фу.

– Это Лаос?

– То место, где упал самолет твоего отца.

Впотьмах лицо Гая, небритое и все в пыли, казалось обреченным в своем измождении. Интересно, а она выглядела такой же замученной? Он стянул с себя мокрую от пота рубашку и швырнул ее в сторону, не

заботясь о комарах, снующих вокруг. Во мраке шрам на его животе показался совсем свежим.

В ужасе Вилли протянула руку, но, притронувшись, немного успокоилась.

– Ничего страшного, – сказал Гай, проведя ее рукой себе по животу, – это не больно.

– Но было-то еще как больно, когда ты его заработал!

– Да я и не помню толком.

Видя ее вопрошающий взгляд, он продолжил:

– В смысле, не помню на сознательном уровне. Хотя забавно то, что я помню отчетливо все, что было до падения. Тоби сидел рядом, хохмил вовсю. Потом говорил про летчика, вроде его старого приятеля, он был из общества анонимных алкоголиков. Из летной школы Тоби знал, что лучшие пилоты были алкашами, что трезвенники и не сунулись бы за штурвал развалюх, на которых приходилось порой летать. Помню, как мы ржали как раз перед посадкой. А потом…

Он покачал головой.

– Потом мне сказали, что я вытащил его оттуда как раз перед тем, как рвануло. Героем меня назвали. – Он отпил из бутылки. – Смеху подобно.

– А по-моему, ты заслужил это название.

– А по-моему, меня просто по башке так шарахнуло, что я ничего не соображал уже.

– Настоящие герои это те, которые перешагивают через себя. Отвага – это вовсе не тупое бесстрашие, а бросок навстречу своему страху.

Гай усмехнулся:

– Н-да? Ну, тогда я тут впереди всех.

Он вдруг напружинился, потому что грузовик внезапно замедлил ход и остановился. Вдали послышались выкрики командным голосом. Гай и Вилли беспокойно переглянулись.

– Что там такое, – прошептала Вилли, – что они говорят?

– По-моему, это контрольно-пропускной пункт… кажется, машины проверяют.

– О боже… Что же мы будем дел…

Он приложил палец к ее губам.

– Похоже, впереди еще полно машин, есть время, пока они дойдут до нас.

– Мы можем развернуться?

Он пробрался к щели в брезенте.

– Нет. Грузовики вплотную с обеих сторон.

Вилли судорожно стала шарить глазами в потемках, надеясь найти какой-нибудь пустой мешок или что-то, в чем можно было бы укрыться.

Голоса солдат приближались.

«Нам надо бежать», – пронеслось у Вилли. Гай уже приготовился выпрыгивать, но через щель они видели, что вокруг повсюду были рисовые поля, и их сразу же заметят.

«Но ведь они не тронут нас, – подумала Вилли, – мы же американцы».

Как будто в этом сумасшедшем мире какое-то изображение орла в паспорте может гарантировать безопасность!

Солдаты подошли к их грузовику. Судя по голосам, их было двое. Водитель стал заигрывать с ними, шутил и предлагал сигареты, чтобы отвлечь их от проверки.

Мужик имел крепкие нервы, голос его ничем не выдавал тревоги. Сигареты не помогли, и шаги зашумели по гравию к кузову грузовика. Гай инстиктивно пригнул Вилли к мешкам и закрыл ее собой. Его они увидят первым. Он приготовился к неизбежному. Чья-то рука взялась за конец брезента… и вдруг задержалась. Вдали засигналила машина, провизжали колеса, послышался удар и ругань шоферов. Рука отдернулась от брезента, двое солдат обменялись короткими фразами и зашагали по камням прочь. Их водитель тут же вскочил в кабину и нажал на газ. Грузовик подался вперед, бросив Гая на мешки прямо рядом с Вилли.

Они лежали, вцепившись друг в друга и с трудом веря в свою удачу, пока машина неслась на полном ходу, объезжая остальную колонну. На них

напала истерика радости, обезумев на время от счастливого исхода, они катались по мешкам как дети и смеялись. Гай придвинул Вилли к себе и поцеловал ее в самые губы.

– Это еще зачем? – отпрянула она изумленно.

– Чисто инстинктивно, – прошептал он в ответ.

– И всегда ты следуешь инстинктам?

– Всегда, когда знаю, что мне за это ничего не будет.

– А ты полагаешь, тебе ничего за это не будет?

Вместо ответа, он взял ее голову и поцеловал опять, длинно и с чувством.

По телу ее прошла волна желания, такая сильная, что лишила ее способности говорить.

– Я думаю, – пробормотал он, – что ты этого хочешь не меньше, чем я.

В порыве страсти она откинула его на мешки и села на него сверху.

– Гай Барнард, конченый ты тип, будет тебе то, что ты заслужил.

Он засмеялся:

– Да неужели?

– О да!

– И что же такого я заслужил?

Мгновение она смотрела на него сквозь пыль и потемки кузова, затем пригнулась к нему.

– Вот это, – тихо произнесла она.

Поцелуй был другим на этот раз – в нем было тепло и желание. Она была готова к этому, и, зная это, он ответил тем же. Она ясно осознавала, что они зашли уже слишком далеко и что еще чуть-чуть – и назад пути не будет. Она уже чувствовала, как под ней выросла его страсть, и тело ее готово было принять эту твердость.

И все время, пока она целовала его, пока тела их были слиты воедино, она не переставала думать: «О, как я пожалею об этом! Не сойти мне с этого места – я буду платить за это. Но, бог мой, как хорошо!»

Она слезла с него, пытаясь отдышаться.

– Ну что же, мисс Вилли Мэйтленд, – улыбаясь, сказал Гай, глядя на нее, – вы меня удивили.

Она стала судорожно приводить свои волосы в порядок.

– Это произошло совершенно случайно.

– Это вряд ли.

– Глупость, и все.

– Тогда почему ты совершила эту глупость?

– Это произошло, – она посмотрела ему в глаза, – чисто инстинктивно.

Он засмеялся. И не просто засмеялся, а стал кататься по мешкам и хохотать что было мочи. Грузовик подпрыгнул на какой-то хорошей кочке и швырнул ее на пол рядом с ним, а он все хохотал.

– Ты сумасшедший, – сказала она.

Он обхватил ее рукой и прижал к себе.

– И ты одна тому виной.

Сианг сидел за рулем черного лимузина с тонированными окнами и проклинал разбитое шоссе, а вернее, то, что в этой стране называли словом шоссе. Он никогда не мог понять, почему коммунизм и приличные дороги не дружили друг с другом.

А тут еще и пробки вдобавок, да еще эти проверки автомобилей, устроенные властями. Его на секунду охватила тревога при виде вооруженных солдат на обочине дороги. Но всего несколько слов, сказанные человеком на заднем сиденье, да советский паспорт, предъявленный через окно, – и их пропустили без всякой задержки.

Машина двинулась дальше на запад. Дорожный знак подтверждал, что они ехали по шоссе на Дьен-Бьен-Фу. Этакий странный знак, думал Сианг – что едут они не куда-нибудь, а в город, где когда-то потерпели поражение французы, где Восток победил Запад. За много столетий до этого один восточный мыслитель оставил пророчество:

Горы на юге лежат,

Это земля вьетов.

Кто на нее посягнет,

Тот заплатит за это жизнью.

Сианг глянул в зеркало на человека, сидящего сзади. Этот человек не думал в категориях Восток или Запад, ему было все равно, что значат слова родина или патриотизм. «Настоящая власть, – сказал он однажды Сиангу, – находится в руках отдельных личностей, таких личностей, которые знают, как этой властью воспользоваться и как ее удержать. И не кто иной, как я сам, намереваюсь ее удержать».

Сианг и сам не сомневался в этом. Он вспомнил день, когда они познакомились. Это было в долине Хеппи-Вэлли – на американской базе, которую служаки из тех, что посмешливее, окрестили «полем для гольфа». На дворе был 1967 год. У Сианга тогда было другое имя. Щуплый, босой мальчишка тринадцати лет, он влачил жалкое существование среди прочей сиротени. Его первое впечатление от американца было «вот это грома-дина». Широченное, мясистое лицо страшно пылало огнем в жару, ботинки великана огромные, руки… Был жаркий день, и Сианг торговал напитками. Человек купил кока-колу, в несколько глотков опрокинул ее в себя и протянул обратно пустую бутылку. Сианг взял тару и заметил на себе изучающий и даже как бы измеряющий взгляд американца. Потом тот удалился. На следующий день, а потом и в течение всей недели человек приходил из своих расположений за одной и той же кока-колой. Хотя вокруг было с десяток других мальчишек, зазывающих приобрести напиток, американец брал только у Сианга. В конце недели человек одарил Сианга новой рубашкой, тремя банками тушенки и неслыханной кучей денег. Сказал, что рано утром покидает долину, и попросил привести ему на ночь самую миловидную девчонку, какую только можно было найти.

Позже Сианг узнал, что это была только проверка. И проверку эту он прошел.

Надо сказать, что американец даже немного удивился, когда увидел на пороге Сианга, а с ним девчонку ослепительной красоты. Американец конечно же ожидал, что Сианг, заработав свои деньги, удалится. Но каково было удивление Сианга, когда тот отпустил девчонку, даже не притронувшись к ней. Вместо этого он попросил мальчишку остаться, не в качестве замены для утех, как сначала со страхом в душе подумал Сианг, но в качестве помощника.

«Мне нужен кто-то, кому я могу доверять. И кого могу научить чему-то», – сказал он.

Даже теперь, по прошествии стольких лет, Сианг продолжал испытывать мальчишеский трепет при виде американца. Он глянул в зеркало – на лицо, которое мало изменилось с того первого дня в Хеппи-Вэлли. Щеки, может, и пополнели еще больше и стали краснее, но глаза по-прежнему были цепкими и проницательными. Собственно, как и голова. Глаза эти наводили на него что-то вроде страха. Сианг устремил внимание обратно на дорогу. Человек на заднем сиденье мычал мелодию «Янки Дудль». Остроумный выбор, учитывая советский паспорт у него в кармане. Сианг улыбнулся ироничности всего положения. Американец был полон сюрпризов.

Глава 11

Было уже глубоко за полдень, когда грузовик наконец затормозил.

Вилли, лежавшая на мешках с рисом, в полусне перевернулась на спину и попыталась прогнать дремоту.

Все тело ломило, мышцы и кости болели все до единой.

Мотор заглушили, и в возникшей тишине заныли комары. Тьма стояла такая плотная, что, казалось, было трудно дышать.

– Проснулась? – донесся до нее шепот. Над ней склонилось лицо Гая, блестевшее в темноте от пота.

– Который час?

– Дело к вечеру, часов пять, наверное. У меня часы встали.

Она приподнялась, и все поплыло перед ее глазами от жары.

– Где мы?

– Я даже и не знаю точно. Где-то у границы, по-моему.

Гай застыл, когда послышались шаги по направлению к ним и мужские голоса заговорили по-вьетнамски. Полотно откинули, и в свете ударившего в глаза солнца на них уставились две головы, как два черных пятна.

Один из мужчин жестом скомандовал вылезать из кузова:

– За мной. Ни слова.

Вилли тут же перелезла через борт и спрыгнула на пружинящую почву джунглей. За ней последовал Гай. Несколько секунд их шатало, в глаза

бил свет, а в легкие впервые за много часов ударил свежий воздух. Лучи послеполуденного солнца полосками испещряли почву у их ног. Где-то над головой неведомая птица издала тревожный крик.

Вьетнамец махнул рукой, чтобы они шли вперед. Только они ступили в гущу зарослей, как позади зарычал мотор. Вилли беспокойно обернулась и увидела грузовик, уезжающий без них. Она взглянула на Гая и прочла на его лице ту же мысль, что промелькнула и у нее: «Назад дороги нет».

– Не стоять. Идти, идти, – сказал вьетнамец.

Они вошли в чащу леса. Было очевидно, что человек хорошо знал направление, он уверенно провел их через заросли к одиноко стоящей хижине. Изношенное одеяло американской армии висело на входе. Внутри земляной пол был покрыт циновкой, а койка закрыта мелкой-мелкой сеткой от комаров. На приземистом столике стояла скромная трапеза из бананов, расколотых кокосов и холодного чая.

– Вы ждать здесь, – сказал вьетнамец, – может быть, ждать долго.

– Кого мы ждем?

Ответа не последовало, вполне возможно, человек просто не понял вопроса. Он повернулся и, словно лесной дух, растворился в джунглях. Вилли и Гай долго простояли у входа в ожидании, слушая шумы леса. Слышен был лишь шум качающихся пальм да одинокий вопль какой-то птицы.

Сколько же им ждать? – думала Вилли. Часы? А может, дни? Она взглянула вверх, через плотные заросли, на последние лучики, играющие на листьях деревьев. Скоро наступит темнота.

– Я хочу есть, – сказала она и вошла обратно во мрак хижины.

Они съели на двоих все бананы, что были там, сжевали всю мякоть кокосов и выпили весь чай. За всю свою жизнь Вилли не вкушала такой превосходной еды. Наконец насытившись и испытывая немоту в ногах, они забрались под сетку и уснули рядышком на койке. Когда стало темнеть, полил дождь, не просто дождь, это был ливень, лавиной обрушившийся с небес, который, однако, не принес облегчения от жары. Вилли проснулась и лежала в насквозь промокшей от пота одежде, глядя в кромешную темноту широко открытыми глазами. Над ней подобно ночному призраку тихо вздымалась и опадала противомоскитная сетка. Она чуть откинула ее, чувствуя, что задыхается от духоты. Вилли встала, не потревожив спящего Гая, и подошла к двери. Стоя на пороге хижины, она несколько раз глубоко вздохнула и вышла под ливень. Джунгли

вокруг нее содрогались под ударами грома и вспышками молний. Молодая женщина дрожала в грозовой темноте, подставив лицо целым потокам воды, когда услышала сонный голос Гая за спиной:

– Что, черт возьми, ты делаешь?

Она обернулась, увидела его в дверном проеме и ответила смеясь:

– Принимаю душ.

– Прямо в одежде?

– Здесь, пожалуй, так даже лучше. Иди сюда, увидишь, что я права, скорее, пока дождь не кончился.

Мгновение он поколебался, затем шагнул из двери и встал рядом с ней под ливень.

– Разве это не замечательно, – крикнула она, подняв руки к небу, словно приветствуя водную стихию. – Я не могла больше выносить эту духоту, мне был невыносим даже запах моей одежды.

– Запах – ерунда, главное не довести дело до плесени, – усмехнулся Гай. Он уже рычал от удовольствия, подставляя лицо дождю. – Пожалуй, это неплохой способ принимать душ. Именно так поступают дети. Во время войны я здесь уже испытал шок от такого зрелища, видел, как под дождем прыгали и скакали голые коричневые дети местных аборигенов. И никакого смущения, никаких комплексов. Абсолютная свобода!

– Так и должно быть.

– Правильно, – согласился он и мягко добавил: – Так и должно быть.

Внезапно Вилли почувствовала, что он изучающе смотрит на нее. Она обернулась. Огромные лапы листьев пальмы трепетали под напором дождя и ветра. Гай молча подошел к Вилли и стоял так близко, что ей казалось, она чувствует, как колеблется знойный воздух между их телами. Но она не двинулась с места и не произнесла ни слова.

И тогда он задумчиво спросил:

– Может быть, нам снять нашу одежду?

Она тряхнула головой:

– Мы не должны этого делать.

– Почему нет?

– Одна ночь, а потом ты исчезнешь.

– Лучше одна ночь, чем ничего.

– И потом ты исчезнешь, – повторила она.

– Ты не знаешь, что будет потом, и я не знаю, что будет потом.

– Я знаю, ты исчезнешь...

Она повернулась, чтобы уйти, но он притянул ее к себе, и их губы встретились. Она уже знала, что проиграла эту битву.

«Лучше одна ночь, чем ничего», – успела подумать она, теряя последние силы для сопротивления. И пусть это случится хотя бы однажды, чем потом всю жизнь спрашивать себя, а как это могло быть. Она обняла его за шею и ответила на его жаркий поцелуй с отчаянной страстью женщины, изголодавшейся по мужской ласке. Они крепко прижались друг к другу, чувствуя жар своих охваченных страстью тел.

Он уже возился с кнопками ее блузки, стаскивал ее с плеч, Вилли дрожала под струями дождя, сбегающими по ее обнаженным плечам, но он накрыл горячей рукой ее грудь, и она поняла, что это дрожь желания.

Тесно обнявшись, они устремились в темноту хижины.

И стали нетерпеливо стаскивать одежду, помогая друг другу, наконец не осталось никаких барьеров и никаких запретов. Он прижался губами к ее губам, и она почувствовала, что никогда и ничей поцелуй не проникал так глубоко в ее душу. Темнота обступила их со всех сторон, земля указала путь. Он потянул ее вниз на их скромное ложе, окруженное противомоскитной сеткой. Они занимались любовью, и Вилли чувствовала себя парящей в облаках, она забыла, кто она и где находится. Не было ничего, кроме шума дождя и волшебных, ласковых рук Гая и его жгучих поцелуев. Это уже было с нею когда-то, она была счастлива в объятиях мужчины, и была боль, отчаянная боль после того, как он ушел от нее.

Такова жизнь. С мужчинами, подобными Гаю, такое окончание романа неизбежно. Но она не хотела думать об этом, прочь все эти глупые мысли. Пусть будет короткое, но счастье! Она обнимала его и шептала: «Да, пожалуйста».

Он сдерживал свое нетерпение, но ее тихая просьба заставила его потерять над собой контроль. Он завел ее руки ей за голову, заставив ее

почувствовать себя его пленницей, и вошел в нее. От удовольствия у Вилли прехватило дыхание, они стали двигаться вместе, как одно целое, поднимаясь к невероятным высотам наслаждения.

Ночь отступала, окутанная туманом и волшебством. Они подошли к самому краю блаженства и там задержались на мгновения между наслаждением и страданием, не желая сдаваться неизбежному. И тогда их крики удовлетворенной страсти смешались со звуками дождя и стонами деревьев, с дыханием джунглей. Даже когда она в изнеможении легла рядом с ним, чувствовала себя все еще плывущей в облаках.

Им не хотелось говорить, хотелось только лежать рядом, сплетясь телами, и слушать звуки ночи.

Гай нежно убрал спутанный локон с ее щеки.

– Почему ты так сказала?

– А что я сказала?

– Что я исчезну, оставлю тебя?

Она отодвинулась и повернулась к нему спиной.

– Потому что так и будет.

– Ты хочешь меня?

– Почему мы говорим об этом?

– Потому что я хочу знать, что заставляет тебя так думать?

Она села в постели, обняв колени. Она не знала, действительно ли он хочет услышать правду. Что после этой ночи она, скорее всего, сделает все, чтобы удержать его, чтобы он любил ее. Она повернулась к нему:

– Почему мы говорим об этом?

– Потому что я хочу говорить об этом.

– А я не хочу. Потому что знаю, ничего хорошего не происходит после таких ночей. Я проходила через это.

– Ты не доверяешь мужчинам, не так ли?

– А я должна доверять? – спросила она с колючим смехом.

– Это произошло, потому что твой старик тебя оставил, или произошла любовная драма?

– Тебе надо было спросить об этом раньше.

– Понятно.

Он молча поглаживал ее обнаженные бедра, Вилли чуть вздрагивала под его рукой.

– Так кто же еще, кроме твоего отца, оставил тебя?

– Мужчина, которого я любила и который любил меня.

– Он не любил.

– О, думаю, что любил, по-своему. Он не слишком постоянен.

– Тогда это не любовь.

– Вот хорошее название для песни.

– Для паршивой песни.

Она затихла и уткнулась носом в колени.

– Ты прав, паршивая песня.

– Надо быть выше пошлых любовных интрижек.

– О, я столько раз была выше, – она подняла голову, – в какой-нибудь месяц тебя охватывает любовь, а потом ты целый год наблюдаешь, как он постепенно уходит от тебя. Из своего опыта я извлекла урок – ваши отношения не разваливаются за один день. Почти никогда возлюбленный не покидает тебя сразу, он делает это шаг за шагом, и каждый его шаг причиняет боль. И приближение конца обычно начинается с того, что он говорит: «Кому нужен брак? Брак – это всего лишь клочок бумаги с печатью. И кто может поручиться, что это навсегда?» Может быть, мой отец выбрал лучший путь, без всяких объяснений просто вышел из двери.

– Нет и не может быть хорошего способа оставить кого-то.

– Ты прав. Именно поэтому я и не позволяю больше случиться этому со мной.

– И как тебе это удается?

– Я никому не даю шанса оставить меня.

– Оставляя кого-то первой?

– Люди всегда это делали.

– Некоторые люди.

«Включая тебя», – подумала она с отчетливым привкусом горечи.

– Эй, парень, а ты никогда не уходил от своей подружки? Ты сделал это до того, как узнал о ее беременности, или после?

– Это была необычная ситуация.

– Ну разумеется, а как же иначе?

– Мы расстались гораздо раньше, я ничего не знал до тех пор, как родился ребенок. К тому времени между нами давно все уже было кончено, а Джинни была замужем за другим человеком.

– О, – произнесла Вилли через паузу, – это все упрощает.

– Упрощает?!

Впервые она услышала гнев в его голосе, ей захотелось взять свои слова обратно.

– Тебе не приходила в голову такая простая мысль, что каждый из нас однажды пытается освободиться от обязательств, идти не оглядываясь на тех, кому мы причинили боль? – с горечью спросил он. – Позволь мне сообщить тебе кое-что. Наличие хромосомы Y не делает кого-то паршивым человеком.

– Я не должна была так говорить, – мягко касаясь его руки, произнесла она, – мне очень жаль.

Он лежал на спине, глядя в потолок, и говорил:

– Теперь Сэму уже три года. За все это время я видел его только два раза, один раз у дома Джинни, второй – на детской площадке. Я специально пошел туда, чтобы посмотреть на него, убедиться в том, что с ним все в порядке. Видимо, воспитатели сообщили его матери. Джинни проклинала меня, кричала, что я угрожаю ее браку, заявила, что наймет убийцу, который покончит со мной. С тех пор я его больше не видел и не буду пытаться, у мальчика уже есть хороший отец, судя по тому, что я слышал о нем. Никому не принесет пользы, если я попытаюсь бороться с

Джинни в суде. Но, когда он станет старше, я найду способ сообщить ему правду. Он должен узнать, что я хотел быть частью его жизни.

«И моей жизни? – подумала она печально. – Ты не будешь частью моей жизни».

Вилли поднялась на ноги и стала искать свою одежду.

– Надеюсь, Гай, ты не разочаруешься в своем сыне.

– Я тоже. Ты никогда не простишь своего отца?

Она вытряхнула свою влажную блузку.

– Есть вещи, которые дети просто не могут забыть.

– Или простить.

Дождь за стенами хижины перешел на шепот, зашелестели насекомые.

– Вы думаете, я должна простить его.

– Да.

– Я могу простить боль, которую он причинил мне, но не боль, причиненную моей матери. Хотя бы потому, что я помню, через что она прошла. – Ее голос прервался в тот момент, как они услышали звук шагов по грязи.

Гай скатился с постели и одним прыжком оказался рядом с Вилли.

Кто-то очистил ботинки о порог хижины, и тень человека заполнила дверной проем.

Человек поднял фонарь над головой, его лицо осталось скрытым капюшоном темно-зеленого пончо, и луч света выхватил из темноты застывшую пару. Женщина, прижимающая блузку к голой груди, и мужчина, сгруппировашийся в борцовской стойке.

Незнакомец медленно опустил фонарь и поставил его на стол.

– Я сожалею о задержке, – сказал он. – Дорога очень плоха сегодня. – Он бросил что-то, обернутое тканью, около фонаря. – Расслабьтесь, Барнард, если бы я хотел убить вас, вы были бы уже мертвы. – И через паузу добавил: – Оба.

– Какого черта! Кто вы? – спросил Гай.

Капли дождя полетели во все стороны, когда незнакомец отбросил назад капюшон своего пончо. Он оказался блондином с почти совсем белыми в свете фонаря волосами. Его светлые глаза остановились на Гае.

– Доктор Гуннел Андерсен, – произнес он светским тоном. – Нора сообщила о вашем прибытии. – Он встряхнул пончо и повесил его сушиться. Затем сел за стол со словами: – Пожалуйста, не стесняйтесь, надевайте свою одежду.

– Как Нора вас нашла? – спросил Гай, натягивая брюки.

– У нас есть коротковолновый радиоприемник для вызова экстренной медицинской помощи. Не все частоты проверяются правительством.

– Вы сотрудник шведской миссии?

– Нет, я работаю на ООН. – Бесстрастный, но пристальный взгляд Андерсена переместился на Вилли, которая смущенно сражалась со своей мокрой одеждой. – Мы обеспечиваем медицинскую помощь в деревнях. И гуманитарную помощь. Малярия, тиф – это все здесь и, вероятно, всегда будет. – Он начал разворачивать сверток, который принес с собой. – Я подозреваю, что вы голодны. Здесь немного, но это лучшее, что я мог принести для вас. Был плохой год для зерновых культур. – Внутри свертка обнаружилась бамбуковая коробка, заполненная холодным рисом, солеными овощами и микроскопическими кусочками замороженной свинины в соусе.

Гай сразу же сел к столу.

– После бананов и кокосовых орехов – это настоящий банкет.

Доктор Андерсен перевел взгляд на Вилли, которая все еще оставалась в своем углу, с подозрением поглядывая на доктора.

– Вы не голодны, мисс Мэйтленд?

– Я умираю от голода.

– Тогда почему же вы не едите?

– Сначала я хочу знать, кто вы?

– Я представился.

– Ваше имя мне ни о чем не говорит. Какое вы имеете отношение к Норе, к моему отцу?

Глаза доктора были прозрачны как вода.

– Вы ждали ответа двадцать лет, неужели не можете подождать еще немного?

– Вилли, ты должна поесть, ну иди же сюда, – поддержал доктора Гай.

Голод наконец подтолкнул ее к столу. Никакой посуды в хижине не было, пришлось есть руками, и все время, пока она ела, чувствовала, что швед пристально наблюдает за ней.

– Я вижу, что вы не доверяете мне, – сказал он наконец.

– Я больше никому не доверяю.

Он кивнул и улыбнулся.

– Тогда вы за несколько дней научились тому, чему мне пришлось учиться месяцы.

– Недоверию?

– Сомнению, опасению. – Он посмотрел на танцующие тени на стенах. – Тому, что я называю вползающим беспокойством. Я имею в виду, что вещи находятся не на своих местах, а под поверхностью скрыта какая-то тайна, нечто ужасное.

Свет фонаря мерцал, угасая, дождь не умолкая стучал по крыше, доктор беспокойно посмотрел в дверной проем, через который порывом ветра принесло запах джунглей.

– Я думаю, вы тоже это ощущаете.

– Я могу только сказать, что слишком много совпадений, подарков судьбы. Как если бы кто-то прокладывал для нас путь, а мы только следуем ему.

Андерсен кивнул:

– Все мы следуем по дорогам, проложенным для нас, стараясь выбирать ту, что полегче, и именно тогда, когда удаляемся от нее, наш путь становится опасным. – Он улыбнулся. – Вот сейчас я мог бы сидеть в моем доме, потягивая кофе, отращивая бока на пирогах и печенье. Но я остаюсь здесь.

– И ваша жизнь стала опасной? – полуутвердительно спросила Вилли.

– Моя жизнь сейчас ни при чем. Вы рисковали, придя сюда. Но Нора чувствует, что время выбрано правильно.

– Значит, это было ее решение?

Он кивнул:

– Она считает, что это, возможно, ваш последний шанс для воссоединения.

Вилли застыла, глядя на него.

– Вы сказали – воссоединения?

Доктор Андерсен спокойно встретил ее пристальный взгляд и медленно кивнул.

Вилли хотела что-то сказать, но голос у нее пропал. Ее отец жив?!

И тогда Гай спросил:

– Где он?

– Деревня к северо-западу отсюда.

– Заключенный?

– Нет, нет. Гость, друг.

– Его не держат против желания?

– Нет, с тех пор, как кончилась война. – Андерсен смотрел на Вилли, которая никак не могла выйти из оцепенения. – Вам трудно это принять, мисс Мэйтленд, но есть американцы, которые находят счастье в этой стране.

Она смотрела на доктора в замешательстве.

– Я не понимаю. Все эти годы он был жив… мог приходить домой…

– Многие люди не возвращались.

– Но он мог вернуться!

– Вероятно, у него были свои причины, чтобы не возвращаться.

– Причины?! У него были причины приходить домой! – Ее мучительный крик, казалось, заполнил комнату.

Мгновение все молчали. Наконец Андерсен поднялся.

– Ваш отец сам должен вам все объяснить, – сказал он и направился к двери.

– Тогда почему он не здесь?

– Необходимо принять кое-какие меры. Определить время, место…

– Когда я увижу его?

– Это зависит… – Доктор оглянулся на дверь, медля с ответом.

– От чего?

– От того, хочет ли ваш отец видеть вас.

Спустя некоторое время Андерсен уехал.

Вилли стояла в дверном проеме, глядя в пространство сквозь завесу дождя.

– Почему он может не хотеть видеть меня?! – крикнула она в темноту.

Гай подошел и обнял ее.

– Почему?

– Стоп, Вилли.

Она уткнулась лицом в его грудь и разрыдалась.

– Неужели это так ужасно, быть моим отцом?

– Конечно нет.

– Должно быть, это так, должно быть, я сделала бы его жизнь несчастной.

– Ты была всего лишь ребенком, Вилли! Ты не можешь обвинять себя! Иногда люди меняются. Иногда они нуждаются…

– Почему?! – кричала она.

– Эй, не все люди витают в облаках, некоторые бродят в поисках лучшего или худшего.

Он мягко подталкивал Вилли от двери, и она позволила ему отвести ее к постели под противомоскитной сеткой, ища в его объятии не утоления страсти, но дружеской поддержки. Ее обнимали руки друга. Она чувствовала это, даже когда они занимались любовью. И удивлялась этому ощущению, лежа в его объятиях. Но хотела запомнить его, потому что знала, что потом все изменится. Он тоже оставит ее, эта мысль причиняла ей боль, она не была готова потерять его.

За стенами хижины шелестели листья, дождь шел всю ночь.

На рассвете появился джип.

– Я беру только женщину, – заявил водитель, вьетнамец, направляясь к хижине. – Вы остаетесь здесь.

– Она не поедет без меня, – отрезал Гай.

– Мне сказали – только женщину.

– Тогда она не едет.

Двое мужчин с вызовом смотрели друг на друга. Наконец вьетнамец пожал плечами и отвернулся.

– Значит, я не беру никого.

– Гай, пожалуйста, жди меня здесь, – попросила Вилли, – со мной ничего не случится.

– Мне это не нравится.

Она посмотрела на водителя, который уже повернул ключ зажигания.

– У меня нет выбора, – улыбнулась она.

Водитель нажал на газ и стал разворачивать автомобиль. Когда они отъехали от хижины, Вилли оглянулась и увидела Гая, одиноко стоящего под деревьями. Ей показалось, он крикнул что-то, возможно, ее имя, но затем джунгли скрыли его от ее глаз.

Она стала смотреть на дорогу, или на то, что с трудом можно было назвать дорогой. Скорее это был просто грязный след колес автомобиля в джунглях. Ветви деревьев хлестали по стеклам джипа, брызги летели в полуоткрытое окно и на их лица.

– Как далеко это находится? – спросила она. И немного погодя: – Где мы едем?

Водитель не ответил на ее вопросы. Она умолкла и стала ждать, что будет дальше.

Они проехали несколько миль по следу на земле, когда он оборвался, вьетнамец остановил машину перед сплошной стеной джунглей. Несколько лучей солнца пробивались сквозь густую листву деревьев. Только одинокий крик птицы нарушил тишину.

Водитель вышел из машины и обошел ее, открыл заднюю дверь и достал из-под сиденья что-то, завернутое в брезент. И тут она увидела в его руках мачете. Несколько мгновений они пристально смотрели друг на друга, и она увидела в его глазах искорку удовольствия от промелькнувшего в ее взгляде испуга.

– Теперь мы должны идти.

После странной сцены с мачете она смогла лишь кивнуть. Ни слова не говоря, Вилли вышла из машины и последовала за вьетнамцем в джунгли.

Он прорубал путь среди свисающих с деревьев, подобно савану, виноградных лоз и лиан, и они продвигались, сопровождаемые целыми тучами москитов. Ее проводник шел не останавливаясь, легко преодолевая препятствия, а Вилли то и дело спотыкалась о корни деревьев, путаясь в цепких лианах и стараясь не упустить из виду его спину в изодранной рубашке. Она недолго боролась с москитами, решив, что может делать лишь что-нибудь одно: продвигаться сквозь джунгли или убивать жадных кровососущих тварей. Пусть пьют ее кровь, лишь бы не сбиться с пути. Вилли утратила чувство времени и пространства, остались только промежутки между деревьями и шагами. Наконец они остановились; обессиленная, она прислонилась к дереву, ожидая новой команды. Но он сказал:

– Здесь.

Она изумленно посмотрела на него.

– Но что здесь… – Она не успела закончить вопроса, потому что он вдруг повернулся и помчался в джунгли. Она закричала: – Подождите, вы же не бросите меня здесь.

Но вьетнамец продолжал удаляться. Все же он обернулся на мгновение. И она крикнула:

– Где я, что это за место?!

– То место, которое вы ищете, – ответил он и скрылся в джунглях.

Она кружила среди деревьев, боясь далеко отойти от места, где ее бросил вьетнамец, высматривая и надеясь, что появится ее спаситель. Но никого вокруг не было.

В отчаянии она подняла голову и посмотрела на небо, виднеющееся сквозь сплетения лиан, и вдруг увидела за деревьями чудовищный силуэт, возвышающийся подобно огромной акуле.

Это был хвост самолета.

Глава 12

Вилли пробиралась сквозь заросли и все явственнее различала то, что осталось от самолета. И наконец, увидела его целиком. Виноградные лозы змеились по ребристому металлу, распорки фюзеляжа вздымались, как ребра огромного мертвого животного. Взгляд Вилли медленно скользил вдоль корпуса самолета к хвосту, его покрывала ржавчина, но еще можно было разобрать номер машины – 5410.

Это был рейс «Эйр Америка» 5078. Пункт назначения Вьетнам – Лаос. И вот он, след реального пункта приземления, – сломанная верхушка дерева в северных вьетнамских джунглях. В тишине леса она склонила голову, как у могилы погибшего воина. Поток солнечного света, изрезанный лианами, заливал печальную сцену, деревья поднимались, словно стены собора вокруг ржавого остова самолета – алтаря войны.

Ее глаза наполнились слезами, но она заставила себя обойти и внимательно осмотреть машину. Видимо, самолет был сильно поврежден еще в воздухе. Некоторые части упали где-то до приземления, крылья отсутствовали полностью. Вилли подошла к кабине. Солнечный свет искрился в оставшихся стеклах ветрового стекла.

Навигационное оборудование было разбито: обугленные провода свисали из отверстий оторванной приборной панели. Она перевела взгляд на переборку, провела пальцами по искореженному металлу, задержавшись на пулевых отверстиях. Потом отступила на пару шагов и тут услышала шепот.

– Не слишком ли это для нее? Хотя то же самое можно спросить и обо мне.

Вилли оглянулась и застыла. Из зарослей вышел человек в каких-то обносках и направился к ней, странной нетвердой походкой отчаянно уставшего человека. У него не было лица. То есть то, что было, трудно назвать лицом. На нем отсутствовали брови, от волос на голове осталось лишь несколько чахлых пучков, и у него не было ушей. Он остановился в нескольких ярдах от нее, как если бы боялся подойти ближе.

Они смотрели друг на друга, и оба не могли решиться заговорить.

– Неужели это ты, такая взрослая? – наконец произнес он.

– Да, – она прочистила горло, – это я.

– Ты прекрасно выглядишь, Вилли, правда прекрасно. Ты замужем?

– Нет.

– Ты должна быть замужем.

– Нет.

Они смотрели друг на друга изучающе, как незнакомцы, которые ищут точки для соприкосновения.

Он мягко спросил:

– Как твоя мама?

Вилли моргнула, пытаясь остановить слезы:

– Она умирает. – И вдруг почувствовала неловкость в том, как это прозвучало, словно возмездие для ее отца. – Это рак. Несколько месяцев назад я хотела, чтобы ее осмотрел доктор, но ты же знаешь, какая она. Никогда не думает о себе, никогда не находит времени для себя. – Ее голос прервался.

– Я понятия не имел, – прошептал он.

– Как бы ты мог знать? Ты же был мертв. – Она посмотрела на небо и внезапно рассмеялась. – Тебе не приходило в голову написать нам? Хотя бы одно письмо из могилы?

– Это только усложнило бы все. Стало бы еще тяжелее.

– Тяжелее, чем то, что с нами произошло?

– С моей смертью Энн стала свободной, она могла жить дальше, найти кого-то, кто был бы лучше меня.

– Но она не искала, даже не пыталась, для нее существовал только ты.

– Я думал, она забудет, освободится от меня.

– Ты думал неправильно.

– Мне жаль. – Он склонил голову.

– Мне тоже жаль, – сказала она после паузы.

Птица запела где-то на дереве, и это скрасило возникшую напряженную тишину.

– Что случилось с тобой?

– Ты об этом? – спросил он, притронувшись к своему лицу.

– Я обо всем.

– Обо всем, – повторил он и рассмеялся. – Со мной случился ад.

Он стал ходить по кругу между деревьев, как потерянный. Наконец остановился у фюзеляжа, пристально глядя на изъеденный ржавчиной остов самолета, и снова заговорил:

– Это забавно, я ни на минуту не потерял сознание. Даже когда летел к земле, срезая верхушки деревьев, когда вокруг все горело и скрежетало, я был в сознании. Помню, я думал: «Когда же я буду на небесах или в аду?» И сам себе ответил: «У меня своя вечность».

Он остановился и глубоко вздохнул.

– Они нашли меня недалеко от этого места, блуждающим под деревьями. Мое лицо было почти уничтожено. Но я многое помню. – Он посмотрел на свои изуродованные руки. – Боль пришла позже, когда они пытались снять следы ожогов. Мои нервы не выдерживали, я кричал, прося дать мне умереть, но они не дали. Я был слишком ценен.

– Потому что ты американец?

– Потому что я пилот. Одни хотели от меня информации, другие надеялись получить деньги.

– Они мучили тебя?

Он помотал головой:

– Я думаю, они считали, что я уже достаточно измучен. Это был нудный вид убеждения. Бесконечные беседы, неоспоримые аргументы. К тому времени я уже поправлялся. И поклялся себе, что не дам врагу заморочить мне голову. Но я был слаб, к тому же далеко от дома. И они сказали мне так много всего, с чем я не мог спорить. И спустя какое-то время их слова обрели смысл. Относительно того, что эта страна – их дом, а мы, американцы, – грабители в их доме. Разве есть такие, кто не станет бороться с грабителями в своем доме? – Он снова тяжело вздохнул. – Я больше ничего не понимал. Сейчас это, быть может, выглядит неубедительно, но я тогда так устал. От их давления, от своих попыток объяснить, что делал в их стране, устал защищать Бога в своей душе, но еще помнил, что это такое. В общем, мне стало легче согласиться с ними.

И через некоторое время я даже стал верить, что все правильно. Некоторые люди считают меня предателем.

– Некоторые, но не я.

Он молчал.

– Почему ты не вернулся домой?

– Посмотри на меня, Вилли, кто хотел бы видеть меня таким?

– Мы с мамой.

– Вы не захотели бы. Я перестал быть человеком. – Он жутковато рассмеялся. – Представь, как люди шептались бы за моей спиной, увидев мое лицо. Разве ты могла хотеть такого отца? А твоя мама мужа? – Он тряхнул головой. – Энн, она была так красива! Я не мог вернуться к ней таким.

– Но что с тобой теперь? Что у тебя есть здесь, в этой стране? Посмотри на себя, во что ты одет, какой ты худой! Ты голодаешь?

– Я ем то же, что все в деревне. Достаточно для того, чтобы жить. – Он одернул на себе жалкую рубаху. – Что касается одежды, я никогда не придавал ей особого значения.

– На это ты поменял свою семью.

– Я нашел здесь другую семью, Вилли.

Она ошеломленно смотрела на него.

– У меня есть жена, ее зовут Лан, и дети: девочка – младенец и два мальчика… восемь и десять лет. Они говорят по-английски и немного по-французски, – проговорил он как-то беспомощно.

– Мы ждали тебя дома.

– Но я был здесь. И Лан была здесь. Она спасла мне жизнь, ухаживала за мной, лечила от лихорадки, снимала бесконечную боль.

– Ты говорил, что хотел умереть.

– Лан была той, которая заставила меня снова хотеть жить.

Вилли смотрела на человека почти без лица, который был ее отцом, его глаза без ресниц смотрели на нее не мигая, словно ожидая ее суда.

«У меня есть лицо, нормальная жизнь, – думала она, – какое я имею право судить его?»

– Хорошо, – сказала она, глядя куда-то вдаль. – Что я должна сказать маме?

– Я не знаю, может быть, ничего?

– Она имеет право знать.

– Возможно, было бы милосерднее не говорить ей.

– Милосерднее к кому, к ней?

Он посмотрел на свои ноги в грязных шлепанцах.

– Мне кажется, я заслуживаю этого, независимо от того, что ты должна сказать. Я заслуживаю. Но Господь знает, я хотел сделать это для нее и для тебя. Я послал деньги, двадцать, может, тридцать тысяч долларов. Вы получили их, ведь так.

– Но мы не знали, от кого они.

– Вы и не должны были знать. Нора Уокер устроила это через банк в Бангкоке. Это было все, что я имел, все, что осталось от золота.

Она изумленно смотрела на него, заметив его пристальный взгляд на фюзеляж самолета.

– В самолете было золото?

– Тогда я этого не знал. В «Эйр Америка» было правило – никогда не задавать вопросов, касающихся груза. Дело пилота – вести самолет.

Но когда самолет упал, я увидел это, золотые слитки, разбросанные вокруг. Это было безумие. У меня осталась половина моего проклятого лица, и помню, я думал: «Я богат, я прошел через все это, и богат». – Он смеялся теперь над этим своим безумием, нелепой радостью полумертвого человека. – Я закопал несколько слитков, другие бросил в кусты. Моя мысль была – это мой билет отсюда. Если меня возьмут в плен, я смогу заплатить за свою свободу.

– И что же случилось?

– Они нашли меня, вьетнамские солдаты. И нашли почти все золото. – Он пожал плечами. – В плену оказались и я и золото.

– Но ведь не навсегда. Ты мог вернуться. – Она помолчала. – Разве ты никогда не думал о нас?

– Я никогда не переставал думать о вас. Когда кончилось это безумие, я вернулся сюда и выкопал золото, которое они не нашли. Потом попросил Нору передать его для вас. – Он смотрел на Вилли. – Разве это не говорит о том, что я всегда помнил о вас. Я только... – Он перешел на шепот. – Я просто не мог вернуться.

Над их головой шумели ветви деревьев, листья мягким дождем падали на землю.

Он отвернулся.

– Думаю, ты захочешь вернуться в Ханой, я устрою, чтобы тебя отвезли туда.

– Папа?

Он остановился, не смея взглянуть на нее.

– Твои мальчики, ты сказал, они знают английский?

Он кивнул.

Она помолчала и затем сказала:

– Тогда мы должны понять друг друга, твои мальчики и я. Я имею в виду, что они, наверное, хотели бы встретиться со мной.

Ее отец прижал руку к глазам, но, когда отнял ее, она увидела в них слезы. Он улыбнулся и протянул ей руку.

Ее не было слишком долго. Прошло три часа, и Гай начал не на шутку волноваться. Он не находил себе места. Что-то было не так. Инстинкт подсказывал ему, что надвигается какая-то опасность, а он ничего не может сделать. Образы один страшнее другого рождались в его сознании: крик Вилли или она уже мертвая в джунглях.

Когда, наконец, послышался шум мотора джипа, Гай был уже на грани паники. За рулем сидел доктор Андерсен, он радостно, как будто только ради этого и прибыл, поприветствовал Гая:

– Доброе утро, мистер Барнард!

– Где она?

– Она в безопасности.

– Почему я должен вам верить?

Андерсен открыл дверцу со стороны пассажирского сиденья:

– Я отвезу вас к ней.

Гай забрался в джип и захлопнул дверцу.

– Куда мы едем?

– Это долгий путь. – Андерсен нажал на газ и вырулил на колею. – Запаситесь терпением.

Ночной ливень превратил колею в сплошную жижу, с обеих сторон машину обступили джунгли. Невозможно было понять, какое расстояние они проехали, милю или десять миль? Когда, наконец, Андерсен притормозил сбоку от колеи, Гай не понял, почему тот это сделал, никакой причины для остановки в этом месте он не видел. И только когда он вышел из машины, увидел едва заметную тропку, ведущую в чащу. Не было никакой возможности разглядеть, что скрывалось в этих зарослях.

– Отсюда мы пойдем пешком, – сказал доктор, опуская на джип целый сноп свисающих лиан.

– К чему такая маскировка? – удивился Гай, глядя, как Андерсен укрывает машину.

– Защита для деревни.

– Чего они боятся?

Доктор открыл дверцу, вытащил из-под брезента на заднем сиденье автомат АК-47 и небрежно вскинул его на плечо.

– Все, – вместо ответа сказал он.

Тропа вела в густой темный мир деревьев высотой в сотню футов и густо сплетенных виноградных лоз. Глядя в маячившую перед ним спину Андерсена, Гай задавался вопросом, против кого доктор собирается использовать автомат Калашникова? Запахи гниющих растений и грязи, кипящей в изнуряющем зное, были слишком знакомы Гаю: «проклятый запах джунглей, запах смерти». Он заметил, что походка доктора изменилась, он шел медленнее. Все пять чувств Гая обострились, он смотрел, как прогибается мягкая почва под ботинками Андерсена, и чувствовал, что его его ботинки ему так же отвратительны, как и его автомат.

Он услышал звуки деревни прежде, чем увидел ее. Где-то смеялись дети, шумела вода, плакал младенец. Когда, наконец, расступился последний занавес из лиан, Гай увидел среди деревьев расположенные вкруг хижины. В этом круге дети гоняли ногами камешки. Увидев двоих мужчин, выходящих из леса, дети застыли как вкопанные. Одна из девочек закричала, и сразу же из домов высыпали взрослые. Все они безмолвно уставились на Гая. И тогда на пороге одной из хижин появилась Вилли. Она подошла к Гаю, и ему захотелось схватить ее в объятия и поцеловать на виду у всей деревни, у всего мира, так он был счастлив видеть ее. Но он стоял онемело и только смотрел в глаза, в ее улыбающееся лицо.

– Я нашла его, – сказала она.

Он тряхнул головой.

– Что?

– Я нашла моего отца, он здесь.

Гай посмотрел в направлении ее взгляда и увидел у хижины человека без бровей и ушей, он протянул Гаю руку – кончик одного из пальцев отсутствовал.

Уильям Мэйтленд улыбнулся:

– Добро пожаловать в деревню На-Ко, мистер Барнард.

Несмотря на маскировку, джип доктора Андерсена было легко обнаружить. То, что прошли дожди, было большой удачей, если бы не грязный след на земле, Сианг ни за что бы не нашел джип. Но ночь выдалась подходящая. Сианг отбросил лианы и осмотрел джип внутри. У заднего сиденья стоял кувшин с питьевой водой, лежало несколько инструментов и журнал с записями, на обороте обложки было написано «доктор Гуннел Андерсен».

Сианг оставил джип и отошел на несколько шагов. Ему хватило одного взгляда, чтобы понять – здесь были два человека. Доктор Андерсен, а кто еще? Барнард? Он прошел по следам, без сомнения, они вели к старой тропе. Тропа в деревню На-Ко.

Он вернулся к лимузину, где его ждал человек.

– Они вошли в лес, – сказал Сианг, – там есть тропа в деревню.

– Тот ли это след?

Сианг пожал плечами:

– В этих горах много деревень, но этот джип принадлежит доктору Андерсену.

– Значит, это та деревня, которая нам нужна. – Человек выглядел удовлетворенным.

– Я ожидаю сегодня вечером наших людей.

– Так скоро?

– Это мой стиль. Выполнять задание не откладывая. Люди готовы.

Наемная команда уже два дня ожидала сигнала. Их собрали в Таиланде, пятнадцать обученных опытных бойцов, вооруженных стрелковым оружием. Как только поступил заказ, они, не задавая смешных вопросов, отправились в путь.

– Сообщите им, что нам нужны собаки. Там целая деревня.

– А дети? – после паузы спросил Сианг.

– Мы не должны оставлять сирот.

Это немного обеспокоило Сианга, но он ничего не сказал. Он слишком хорошо знал, что с силой и властью не поспоришь.

– Есть ли радиоприемник в джипе? – спросил человек.

– Да, – ответил Сианг.

– Разбейте его.

– Андерсен увидит.

– Андерсен ничего не увидит.

Сианг кивнул, мгновенно все поняв.

Человек откинулся на спинку сиденья, ему предстояло свидание за милю отсюда. Сианг дождался, когда автомобиль исчезнет из виду, и побежал к джипу. Он вырвал провода и для верности разбил всю установку. Потом отошел и сел в тени дерева – передохнуть. Закрыв глаза, он обдумывал свою задачу.

Скоро прибудет помощь. Сегодня хорошо оплаченная команда наемников будет собрана на этой дороге. Он не позволял себе думать о жертвах – женщинах и детях. Таковы условия военных действий, в каждой перестрелке бывают невинные жертвы. Он учился принимать это как неизбежное. Его работа требовала полной концентрации воли, ясной, не отягощенной эмоциями головы. Только при таких условиях можно выиграть бой. Это путь успеха.

– Она понимает, насколько это опасно?

– Не знаю. – Гай стоял в дверном проеме и пристально смотрел на усеянный листьями внутренний двор, где дети, обступив Вилли, засыпали ее вопросами. «Какой чудесный бедлам устроили эти дети!» – подумал он и перевел взгляд на Мэйтленда, на бесчисленные шрамы на его лице.

– Я не уверен, что сам понимаю всю меру опасности.

– Она сказала, что случились кое-какие вещи.

– Не вещи, а трупы случились по обе стороны нашего пути. Нас все время сопровождали.

– Кто они, компания?

– Местная полиция, возможно, были и другие. Я не знаю, они не представлялись.

Мэйтленд внезапно встревожился.

– Если они проследили за вами, то знают, что вы здесь.

– От кого вы скрываетесь? От компании? Или местной полиции?

– От всех.

– Кто является главным?

– Каждый.

– Это усложняет дело.

Мэйтленд сел на спальный помост и уронил голову в руки.

– Я хотел остаться один, только один.

Гай смотрел на израненный череп Мэйтленда и спрашивал себя, почему он не испытывает жалости к этому человеку? Безусловно, он заслуживает по меньшей мере жалости. Но Гай чувствовал лишь раздражение, потому что Мэйтленд сейчас думал только о себе. Вилли заслуживала лучшего отца.

– Ваша дочь уже нашла вас, вы не можете этого изменить. Вы не можете оттолкнуть ее обратно в прошлое.

– Я и не хочу этого. Я рад, что она меня нашла.

– Все же вы не потрудились сообщить ей, что живы.

– Я не мог. – Мэйтленд посмотрел на Гая глазами полными боли. – Рядом были люди, которых я должен был защищать, дети, Лан.

– Кто собирался причинить им вред? – Стоя напротив, Гай возвышался над сидящим человеком. – Прошло двадцать лет, а вы все еще боитесь. Почему? В чем вы замешаны?

– Я был только пилотом, водил самолет и никогда не имел отношения к грузам.

– Какие это были грузы? Наркотики? Медикаменты? Оружие?

– Иногда.

– И какая сторона осуществляла поставку?

Мэйтленд резко выпрямился:

– Я никогда не работал на врага. Я лишь выполнял заказы.

– Каким был ваш последний заказ, что вы можете сказать о последнем рейсе?

– Доставить пассажира.

– Интересный груз. Кто был этим пассажиром?

– Его имя не было записано в декларации. Но я думаю, что это было очень важное лицо, некий Лао, и его намеревались убить. Нас не сбивал вражеский огонь, бомба разорвалась внутри самолета. И она была заложена на нашей стороне. Предполагалось, что мы все погибнем.

– Почему?

Возникла долгая пауза. Наконец, Мэйтленд встал, подошел к двери и посмотрел на хижины.

– Я думаю, что пора поговорить со старшими.

– Что они могут сообщить мне? Мэйтленд обернулся и посмотрел на Гая:

– Все.

Малышка Лан заплакала. Мать приложила ее к груди и стала тихонько укачивать. Она ласково ворковала над ребенком, но все же чутко прислушивалась к разговору мужчин.

Они все собрались на слушание. В центре хижины сидели трое деревенских жителей: двое мужчин и женщина. Их древние лица были почти скрыты за дымом самокруток. Женщина дымила и что-то бормотала по-вьетнамски. Она показала на небо, а затем на Мэйтленда.

Гай переводил Вилли.

– Она говорит, что твоему отцу не время было умирать, но двое других, американец и Лао, были обречены на смерть, им суждено было встретить

все свои жизни… – Он затих, загипнотизированный голосом старухи. Ее голос дрейфовал подобно дыму, клубящемуся в тенях хижины.

Заговорил один из стариков, его голос звучал мягко, едва слышно.

– Он не согласен, – тихо перевел Гай, – он говорит, что не судьба убила Лао.

Старуха неистово замотала головой, теперь у них возник спор относительно того, почему умер Лао. Тогда старик поднялся и отошел в дальний угол хижины. Там он потянул за край материи, покрывающей земляной пол, стряхнул слой грязи, поднял небольшой узелок, развязал его и почтительно предложил посмотреть на то, что в нем было.

Даже во мраке хижины блеск предмета не вызывал сомнения. Золото.

– Это медальон, – прошептала Вилли, – одна девушка рассказывала нам о нем.

– Это медальон Лао, – пояснил ее отец.

Старик вручил узелок Гаю, и тот осторожно взял медальон. Хотя поверхность и пострадала от взрыва, рисунок отлично сохранился: трехголовый дракон с обнаженными клыками и острыми когтями, готовый к битве. Старик со страхом прошептал что-то.

– Он уже видел однажды этот медальон, несколько лет назад в Лаосе, на шее принца Соуванны.

Гай прерывисто задышал.

– Это королевский герб! Тот пассажир…

– Единокровный брат короля, – сказал Мэйтленд, – принц Ло Ван.

Горький ропот пробежал среди собравшихся.

– Я не понимаю, почему компания хотела его смерти?

– В этом нет смысла, – поддержал ее Гай, – Ло Ван был нейтрален и, кажется, склонялся к нашей стране. Он был прямой и честный лидер. С нашей поддержкой он мог крепко обосноваться в Лаосе. Это могло иметь для нас большую пользу.

– Это то, что предполагалось, – возразил Мэйтленд. – Та корзина была его, с нею он намеревался приземлиться в Лаосе.

– Чтобы купить армию? – спросила Вилли.

– Точно.

– Тогда почему его убили? Он ведь был на нашей стороне?

– Но парни, которые взорвали самолет, не были на нашей стороне, – заметил Гай.

– Вы подразумеваете коммунистов?

– Нет, кого-то более опасного, кого-то из наших.

Старики затихли, наблюдая за своим давним другом и его гостями.

Старуха снова заговорила. Мэйтленд переводил:

– Во время войны, когда коммунисты были в Лаосе, некоторые наши скрывались в пещерах, в них мы спали и жили. Но у нас было все: сады, огороды, цыплята и свиньи – все, чтобы выжить. Однажды, когда я еще плохо знала, как там живут, я услышала самолет, подумала, что это враги, американцы. Я взяла свою винтовку и отправилась стрелять по врагу. Но командир моей ячейки остановил меня. Я не могла понять, почему? Почему он позволяет самолету приземлиться – на нем вражеские маркировки, американский флаг. А наш командир приказал разгрузить самолет. Там в корзинах было оружие и боеприпасы. Тогда мы загрузили самолет опиумом в мешках. Я подумала, что это был обмен товарами. Я решила, что самолет был захвачен нашими, но пилот вышел из кабины, и я увидела его лицо, он не был вьетнамцем, он был американец.

– Монах подзагибает, – мягко произнес Гай.

А женщина смотрела на них темными непроницаемыми глазами.

– Я тоже его видел, – признался Мэйтленд, – я содержался в лагере к западу отсюда, когда он приземлился. И заявляю, что вся эта проклятая страна – фабрика опиума, и деньги на нем делались обеими сторонами. Думаю, именно поэтому Ло Ван и был убит. Все покрывала война. Выгодно поддерживать беспорядок, вроде грязной войны, чтобы обделывать свои делишки.

– Кто еще видел пилота? – спросил Гай, оглядев собравшихся. – Кто еще помнит, как он выглядел?

Мужчина и женщина, забившаяся в угол, подняли руки. Возможно, были и другие, слишком робкие для того, чтобы заявить о себе.

– Были еще четверо военнопленных в том лагере со мной, – сказал Мэйтленд, – они тоже видели пилота. Насколько я знаю, никто из них не вернулся домой живым.

Самокрутки были выкурены дотла, но дым все еще стоял во мраке хижины. Никто, даже дети, не проронил ни звука.

«Вот почему они до сих пор боятся, – думала Вилли, оглядывая лица крестьян, – даже теперь, когда прошло столько лет, война не отпускает их, она накрыла тенью их жизнь. И мою».

– Возвращайтесь с нами, расскажите вашу историю. Это единственный способ избавиться от прошлого. Стать свободным.

Мэйтленд стоял у двери хижины и смотрел на играющих детей во дворе.

– Гай прав, папа, ты не можешь постоянно жить в бегах. Настало время покончить с этим.

Ее отец посмотрел на нее:

– А что будет с Лан? А с детьми, где уверенность в том, что мне позволят приезжать в эту страну, поддерживать детей?

– Это риск, на который вы должны пойти. – Гай был непреклонен.

– Вы предлагаете мне стать героем? Позвольте мне сообщить вам кое-что. Настоящие герои не те парни, которые идут на глупый риск, но те, которые остаются там, где в них больше всего нуждаются. Возможно, их жизнь становится несколько унылой. Возможно, жена и дети делают их жизнь немного сумасшедшей. Но они все же остаются с ними. – Он задумчиво посмотрел на Вилли, а потом на Гая. – Поверьте мне, я сделал достаточно ошибок и знаю, о чем говорю.

Он снова посмотрел на дочь.

– Сегодня вечером вы оба отправитесь в Ханой. Вы должны вернуться домой и продолжать свою жизнь.

– Если она вернется домой, – усомнился Гай.

Мэйтленд молчал.

– Вы что, думаете, это зависит только от нее? – Гай говорил жестко, глядя на Мэйтленда. – Вы думаете, что они оставят ее в покое, зная, что ей известно? Вы думаете, они оставят ее в живых?

– Давайте, назовите меня трусом, – выпалил Мэйтленд, – подберите мне любое оскорбление. Это ничего не изменит. Я не могу уехать сейчас. – Он взмахнул рукой и выбежал из хижины.

Они видели, как он пересек внутренний двор и подошел к дереву, под которым сидела Лан. Она улыбнулась мужу и вручила ему малышку. Он долго сидел там, крепко прижимая к груди свою дочь, словно боялся, что кто-то отнимет ее у него.

«Вот он, целый мир в его руках, – думала Вилли, глядя на него, – надо быть сумасшедшим, чтобы оставить его».

– Мы должны убедить его, мы должны заставить его вернуться с нами, – сказал Гай.

В этот момент Лан подняла голову и ее пристальный взгляд встретился с глазами Вилли.

– Он не вернется, Гай, он принадлежит этой жизни.

– Но вы тоже его семья.

– Но мы не те, кто нуждается в нем теперь. – Она грустно смотрела, как лист, сорванный ветром с дерева, порхая летел на землю, малыш ковылял через двор. – Двадцать лет я ненавидела этого человека... – Она вздохнула и вдруг улыбнулась: – Я думаю, что, наконец, выросла.

Что-то было не так. Андерсен должен был уже вернуться. Мэйтленд стоял у края тропы, ведущей в джунгли, и смотрел на грязную колею. От того места, где был припаркован джип, следы вели на север, здесь валялись ветви, которыми был замаскирован джип. Но автомобиля не было. Вилли и Гай блуждали вокруг, ломая голову над тем, почему Андерсен задерживается.

– Он ведь знает, что вы его ждете, – с тревогой произнес Мэйтленд. – Он уже на час опаздывает.

Гай подбрасывал ногой камешки и рассеянно смотрел, как они исчезают в кустах.

– Похоже, мы не вернемся сегодня в Ханой. Поездка не состоится. – Он посмотрел на темнеющее небо. Я думаю, пора возвращаться в деревню.

Мэйтленд не двигался, он все еще смотрел на дорогу.

– Может быть, у него колесо спустило или бензин кончился. Так или иначе, но сегодня мы останемся с тобой. – Она ласково взяла его за руку. – Гай прав, пора возвращаться в деревню.

– Еще нет.

– Ты так хочешь избавиться от нас.

– Что? – Он растерянно посмотрел на дочь. – Нет, нет, конечно нет, только… – Он снова посмотрел на дорогу. – Что-то не так.

Вилли смотрела на него и внезапно тоже почувствовала беспокойство.

– Ты думаешь, что-то случилось?

– Случилось, и мы к этому не готовы, – мрачно кивнул он.

– Что вы хотите сказать? – резко обернулся Гай.

– Деревня должна быть готова к обороне. А у нас всего один пистолет в рабочем состоянии да несколько военных реликвий, которые не использовались десятилетиями. Плюс автомат Андерсена, он оставил ее сегодня.

– Сколько патронов?

– Недостаточно. – Он резко обернулся на звук автомобиля.

– Быстро прячьтесь, – скомандовал Гай.

Вилли уже прыгнула в ближайшие кусты, Мэйтленд и Гай скрылись в зарослях напротив. И как раз вовремя. Приземлившись в грязь, Вилли увидела сквозь листву, что джип, подруливший к колее, заполнен солдатами, они были совсем рядом, и она, не обращая внимания на шипы, царапающие ей лицо, распласталась на земле, чтобы переждать проезжающий джип. По ее руке пробежал огромный жук, она вздрогнула и проследила за ним взглядом и увидела, что их видимо-невидимо прямо рядом с ней, и, о боже, она дернулась всем телом. Это лежало в шести дюймах от нее – белый застывший палец. Даже если бы она хотела – не смогла бы закричать, ее горло словно парализовало. Ее взгляд скользнул от пальца выше, к туловищу и,

наконец, к лицу мертвого человека. На нее смотрели безжизненные глаза Гуннела Андерсена.

Глава 13

Мимо проревели военные джипы. Вилли впилась зубами в кулак и неимоверным усилием воли подавила рвущийся наружу вопль.

Она так сильно стиснула зубы, что на коже выступила кровь. Как только джип проехал мимо, она потеряла самообладание и, кое-как поднявшись на ноги, попятилась в сторону.

– Он мертвый! – крикнула она.

Гай и ее отец появились рядом с ней. Рука Гая обняла ее за талию и прижала к себе.

– Что ты кричишь?

– Андерсен! – Она выкинула руку в сторону зарослей.

Ее отец бросился на землю и отодвинул в сторону ветки кустов.

– Боже милостивый, – прошептал он, уставившись на тело.

Деревья заплясали вокруг Вилли, и она упала на колени. Ее стошнило, джунгли завертелись вокруг нее в беспорядочной зеленой мозаике.

Она услышала голос отца, прозвучавший без выражения:

– Ему перерезали горло.

– Профессионально сработано, чисто, – проговорил Гай, – похоже, он лежит тут уже не один час.

Вилли с трудом подняла голову:

– Почему? Почему они убили его?

Ее отец отпустил ветки, и они снова закрыли тело.

– Чтобы он замолчал. Чтобы мы не могли... – Вдруг он вскочил на ноги:
– Деревня! Мне надо туда!

– Отец! Стой!

Но он уже исчез в зарослях джунглей. Гай потянул ее за локоть:

– Нам надо двигаться, пошли.

Она последовала за ним, спотыкаясь и быстро перебирая ногами по тропинке.

Солнце уже начинало садиться, и небо пылало в кровавых лучах, пробивавшихся сквозь ветки деревьев. Где-то впереди послышались крики отца:

– Лан! Лан!

Выйдя из джунглей, они увидели с десяток жителей, скучковавшихся вокруг Мэйтленда, который сидел склонившись и прижав к себе жену.

– Им всем надо убираться отсюда! – прокричал Гай. – Мэйтленд, скажи же им, бога ради, чтобы уходили!

Мэйтленд отпустил жену и повернулся к Гаю:

– И куда же прикажешь нам идти?! До соседней деревни двадцать миль ходу, а у нас старики, младенцы.

Он показал на молодую женщину с большим животом.

– Ты полагаешь, она сможет пройти двадцать миль?

– Придется. Всем нам придется пройти.

Мэйтленд отвернулся, но Гай развернул его к себе, чтобы тот дослушал.

– Задумайся на минуточку. Андерсен убит. И ты будешь следующим, и все остальные! Все те, кто знают, что ты жив. Я не верю, что нам негде укрыться!

Мэйтленд повернулся к жителям и пророкотал по-вьетнамски вопрос.

Старик нахмурился, затем поднял руку и указал на северо-восток.

– Что он сказал? – спросила Вилли.

– Он говорит, что есть место километрах в пяти отсюда. Пещера под холмами. Говорит, что они прятались там в прежние времена, во время войны…

Он поглядел на небо.

– Солнце уже начало садиться, нам нужно трогаться прямо сейчас, иначе реку придется пересекать в темноте.

Но жители уже засуетились, собираясь в дорогу. Сотни лет войн научили их: если хочешь жить – торопись.

Пять минут потребовалось семье Мэйтленда, чтобы собраться. Лан руководила сборами, смотрела, чтобы взяли все необходимое – покрывала, провизию, драгоценный семейный горшок для приготовления пищи. Времени для слез и причитаний не было. И лишь когда был брошен последний взгляд на оставленную хижину, глаза ее заблестели. Деловитым движением руки она смахнула слезы.

Остатки дневного света пробивались сквозь ветви деревьев, когда группа людей, облаченная в тряпье, входила в гущу джунглей.

«Двадцать четыре взрослых человека, одиннадцать детей и трое младенцев, – посчитала Вилли. – И все как один до смерти напуганы».

Они двигались совершенно бесшумно, даже дети. Было что-то нереальное в этой тишине, словно это привидения порхали между деревьев. На берегу реки с быстрым течением они приостановились. В согласии с течением в реке поворачивалось колесо из бамбука, гнало через шлюзы воду на поля.

Река была глубокой, и детей пришлось на руках перетаскивать через нее. Мокрые и перепачканные все они выбрались на другой берег и двинулись дальше, в сторону гор.

Ночь сгустилась. Полная луна освещала процессию, продвигавшуюся через заколдованную страну ветров и теней, и казалось, что завеса тьмы была населена духами-попутчиками. Дети уже выбивались из сил и еле волочили ноги, и все же они шли дальше без всякого давления со стороны – страх погони делал свое дело. Наконец дорогу им преградила высокая скала, светящаяся серебром в лунном свете. Старейшины деревни взялись прикидывать, как им идти дальше. Повела всех за собой пожилая женщина, она уверенно направилась сквозь темноту, вверх по скале по подобию ступеней, которые в итоге лишь уперлись в стену непролазных зарослей. По толпе прошел ропот разочарования. Тогда один из мужчин отодвинул в сторону ветви и поднял вверх зажженную свечу.

Их взору предстала пустота. Он вытянул руку со свечой вперед, и темнота со всей своей необъятностью поглотила жалкий огонек. Они стояли у входа в гигантскую пещеру. Мужчина попытался шагнуть внутрь, но тут

же отпрянул назад под шквалом взметнувшихся в воздух и пронесшихся мимо него крыльев. По толпе прошел нервный смех.

«Мыши», – с содроганием подумала Вилли. Мужчина глубоко вздохнул и вошел впещеру. Спустя мгновение он позвал за собой остальных.

Гай подтолкнул Вилли:

– Ну давай, шагай внутрь.

– Другого пути точно нет? – спросила она, помешкав.

– Точнее некуда, – ответил он.

Деревня была мертва. Сианг обыскал все хижины подряд. Он переворачивал кверху лежанки, отпихивал в сторону матрасы в поисках подземных ходов, которые не были редкостью в деревнях. В мирное время такие подкопы служили хранилищами, в дни войны они превращались в укрытия или отходные пути. Все они теперь были пусты.

В ярости Сианг схватил глиняный горшок и разбил его о землю, потом вышел во двор, где в свете луны в полном боевом снаряжении, с замаскированными лицами стояли его люди. Пятнадцать американцев – видавших виды профи – возвышались над ним. Их доставил самолет прямиком из Таиланда, на сборы был выделен всего один час. Как и ожидалось, ПВО Лаоса было похоже на решето, неспособное засечь, а уж тем более сбить единственный самолет, летящий на низкой высоте над чужой территорией. За каких-нибудь четыре часа группа добралась сюда от точки высадки, что возле самой вьетнамской границы. Операция до сих пор шла безупречно.

И вот теперь…

– Похоже, мы припозднились, – раздался голос.

Сианг обернулся, чтобы увидеть произнесшего эти слова, одного из команды великанов.

– У них было всего несколько часов на все про все, – сказал Сианг, – ужин остался нетронутым.

– Значит, они не могли далеко уйти. Уж точно не с детьми и женщинами.

Мужчина повернулся к товарищам:

– А что там с пойманным? Сказал он что-ни-будь?

– Ничего не сказал.

Бойцы вывели на середину и швырнули наземь жертву. Они поймали его в десяти милях отсюда, по дороге на Бан-Дан. Вернее, поймали его собаки.

До чего полезные животные эти гончие, особенно когда речь идет об одном-единственном свидетеле, и упусти его – случится катастрофа.

Против этих собачек несчастный деревенский житель не имел никаких шансов. Теперь он стоял на коленях на земле, а луна серебрила его черные волосы.

– Заставьте его заговорить.

– Пустая трата времени, – крякнув, произнес Сианг, – эти северяне упертые, ничего он не скажет.

Один из бойцов ударил узника ногой, но тот и скрючившись не преминул исторгнуть вереницу выражений по их адресу.

– Что? Что он там говорит? – потребовал перевести солдат.

Сианг поежился, отвечая:

– Он говорит, что все мы будем прокляты, что нам всем конец.

Солдат рассмеялся:

– Суеверная хренабень!

Сианг оглядел темноту вокруг.

– Наверняка они послали еще людей звать на помощь. И к утру…

– К утру мы все закончим и нас здесь уже не будет, – перебил его наемник.

– Если найдем их.

– Это целую-то деревню? Да нет проблем! – Он обернулся и выпалил приказ одному из бойцов: – Собаки-то нам на что?

С десяток свечей мерцало в темноте пещеры. Снаружи свирепствовал ветер, порывы его то и дело вздымали закрывавшее вход покрывало. Среди пляшущих теней слышались бормочущие голоса, напуганная деревня вся пребывала в беспокойном перешептывании. Дети либо собирали камни, либо вязали из виноградых лоз веревки. Женщины строгали из бамбуковых палок оборонительные колья. Спали только младенцы.

Снаружи пещеры мужчины выкапывали старые добрые ловушки, в течение столетий стоявшие на защите их земли. Таков закон успешной войны в джунглях: победить можно не силой и не вооружением, а только молниеносностью, хитростью и отчаянностью. И более всего отчаянностью.

– Барабан заклинило намертво, – пробурчал Гай, глядя сквозь дуло старого пистолета, – от силы один раз пальнет, и все.

– Да всего два заряда и осталось так или иначе, – отозвался Мэйтленд.

– Таким образом, толку от этого ствола никакого, – Гай передал пистолет Мэйтленду, – ну разве что пулю себе в лоб пустить.

Мэйтленд подержал в руке пистолет, что-то прикидывая, затем повернулся к жене и тихо заговорил с ней по-вьетнамски. Лан смотрела на оружие, словно боясь прикоснуться к нему. Затем неохотно взяла пистолет в руки и вышла из пещеры.

Гай дотянулся до автомата Андерсена и наскоро осмотрел его.

– По крайней мере, эта малышка в рабочем состоянии.

– Ага. Старый добрый АК не переплюнешь, – сказал Мэйтленд, – сам видел, как его однажды из грязюки выудили, и стрелял потом как миленький.

Гай хохотнул:

– Там, в России, знали, как их делать, так ведь?

Он повернул голову в сторону подходившей к ним Вилли:

– Ну как ты там справляешься?

Она утомленно опустилась рядом с ним на землю.

– Мы настрогали копьев на целую армию «шашлыков».

– Еще надо, – сказал ее отец и, посмотрев в сторону входа, добавил: – А я пойду копать, моя очередь.

– Я только что был снаружи, – сказал Гай, – ямы все выкопаны.

– Тогда помогу им с другими ловушками.

– Они сами знают, что им делать, лучше не мешать им.

– Трудно поверить… – сказала Вилли.

– Во что?

– В то, что с помощью бамбука и лиан можно остановить армию.

– Уже останавливали и армии побольше, – сказал Мэйтленд, – а у нас нет задачи выигрывать войну. Нам просто нужно продержаться до тех пор, пока наши гонцы не доберутся до подмоги.

– Сколько же это займет?

– До соседней деревни двадцать миль. Если там есть радиосообщение, то помощи можно ждать к утру.

Вилли окинула взглядом спящих вокруг детей, которые один за другим попадали, сморенные усталостью. Гай притронулся к ее локтю:

– Тебе тоже надо отдохнуть.

– Не могу я спать.

– Ну тогда просто приляг, давай-давай.

– Ну а вы-то?

Гай вставил магазин в автомат.

– Мы на стреме будем.

Она нахмурилась в ответ на его слова:

– Ты же не хочешь сказать, что они найдут нас этой ночью?

– Мы здорово протоптали дорогу…

– Но без дневного света им не справиться.

– А если у них есть проводник? – сказал ее отец. – Кто-то, кто знает эти пещеры. Мы сумели найти дорогу в темноте, значит, смогут и они.

Он забрал у Гая автомат и перекинул его через плечо.

– Мы с Минхом первыми постоим в дозоре, Гай, а ты поспи.

Гай кивнул:

– Я вас сменю через несколько часов.

Когда ее отец ушел, Вилли снова посмотрела на спящих детей, на этих, свернувшихся калачиком под покрывалами, родственников.

«Что-то с ними будет? – думала она. – Со всеми нами…»

В дальнем углу женщины продолжали строгать из бамбука пики, и от скрежета лезвий о дерево у нее по спине бежали мурашки.

– Мне страшно, – прошептала она.

Гай кивнул. Свет от свечи бросал демонические тени на его лицо.

– Нам всем страшно. Всем до единого.

– Во всем я виновата. У меня просто не идет из головы, что если бы я не стала тогда ворошить…

Он притронулся к ее лицу.

– Ответственность несу я, и никто другой.

– Почему?

– Потому что я использовал тебя. Как ни тошно в этом признаваться, но я изначально собирался это сделать, и если теперь с тобой что-нибудь случится, то…

– Или с тобой, – перебила она, кладя свою руку на его. – Ты же не допустишь, чтобы я плакала над твоим бездыханным телом, Гай Барнард, ведь правда? Я не перенесу этого. Так обещай же мне!

Он приложил ее руку к своим губам.

– Обещаю. А еще я хочу, чтобы ты знала, что, после того как мы отсюда выберемся, я… – он улыбнулся, – я намерен ожидать от тебя большего, если ты позволишь…

Она улыбнулась в ответ:

– Я настою на этом.

«Что за лапшу мы вешаем друг другу на уши, – думала она, – словно у нас тут есть будущее». Но когда смерть дышит в лицо – обещания нужны как воздух!

– Что, если они найдут нас? – прошептала она.

– Мы должны будем бороться за жизнь, вот и все.

– Колья и камни против автоматов? Такая битва надолго не затянется.

– Но мы в обороне. На подступах ловушки. А на нашей стороне одни из самых хитроумных вояк в мире. Они останавливали целые армии, а за душой у них кроме смекалки мало что было.

Он всмотрелся в темноту, окутывающую слабый огонек свечи.

– Говорят, эту пещеру сам Бог хранит. Древнее убежище, древнее, чем кто-либо может помнить. Если ты пойдешь вот по тому туннелю, то выйдешь наружу на восточной стороне скалы. Эти люди знают свое дело, никогда не запрут себя в западне, всегда припасут отходной путь.

Он посмотрел на семьи, спящие в темноте.

– Они воюют с самого каменного века, и делают это подчас едва одетыми и с горстью риса за пазухой. Когда дело касается выживания, мы на их фоне просто дети.

Ветер завывал снаружи. Слышно было, как скрипят деревья, как трутся о скалу кусты.

Раздался сквозь сон детский плач – пробившийся наружу страх ребенка, – но мать тут же успокоила дитя своими объятиями.

«Детвора еще не понимает, что к чему, но чувствует достаточно, чтобы испытывать страх», – подумала Вилли. Гай обнял ее, и они вместе легли на пол пещеры, уткнувшись друг в друга. Говорить было незачем, ей достаточно было ощущать его рядом, слышать созвучное биение их сердец. А в темноте две старые женщины снова принялись строгать бамбуковые копья.

Вилли спала, когда Гай встал, чтобы сменить караульных. Нелегко было покидать ее.

За несколько коротких часов их тела так слились воедино, что расстаться до конца теперь было бы невозможно. Даже если бы он никогда больше ее не встретил, если вдруг судьба вычеркнет ее из его жизни, она навсегда останется частью его самого.

Он накрыл ее покрывалом и выскользнул из пещеры.

Небо раскинулось океаном из звезд. Мэйтленд сидел на выступе скалы немного выше пещеры.

По скале со стуком проскакал сорвавшийся сверху камень.

Гай поднял глаза и увидел на фоне звездного неба очертания одного из жителей, сидящего на выступе повыше.

– Удалось поспать? – спросил Мэйтленд.

Гай помотал головой:

– Знаешь ведь, как в старые времена мы могли спать в любых условиях – под тарахтение вертушек, снайперский огонь. Но не теперь. И не здесь. Признаюсь тебе, не по мне такая битва.

Мэйтленд отдал Гаю автомат.

– Да уж… это совсем другое дело, когда рискуешь теми, кого любишь, не правда ли?

Он поднялся и ушел в темноту.

«Кого любишь?» Гая вдруг ошарашила мысль, что он любит. Хотя что тут удивляться? Где-то глубоко в душе он всегда знал, что влюбился в дочь Билла Мэйтленда без памяти. Это не было в его планах. Может быть даже, слово любовь здесь и не подходило. Просто они вместе провели неделю в аду.

«И в раю тоже», – подумал он, вспомнив ночь под сеткой от комаров. Он знал, что даже сама мысль, что она может пострадать, была для него невыносима, что он сделает все, чтобы защитить ее. Была ли это любовь?

Где-то в ночи вскрикнул зверь. Он крепче сжал рукоятку автомата. До рассвета оставалось четыре часа.

На них напали, как только забрезжил рассвет. Гай как раз передал автомат своему сменщику и направился было вниз, как раздался выстрел. Реакция сработала мгновенно, он тут же пригнулся. Пока он пробирался через кусты, послышались еще автоматные выстрелы, а затем крик сверху, со стороны выступа, и Гай понял, что его сменщика подстрелили. Он высунул голову, чтобы посмотреть, насколько плохо положение раненого. Сквозь утреннюю дымку он разглядел окровавленную руку, безжизненно свисающую с выступа. Стрельба возобновилась, выколачивая куски из скалы. Никто не стрелял в ответ – единственный автомат, имевшийся в деревне, теперь находился в руках убитого. Гай бросил взгляд вниз и увидел других жителей, пригибающихся за камнями.

Сколько они, безоружные, могли продержаться, защищая пещеру? Им оставалось надеяться на ловушки, на протянутую проволоку, на ямы, бамбуковые пики и колья. Гай снова посмотрел на выступ, где лежал автомат.

АК-47 был теперь дороже золота, от него могло зависеть, жить им или нет.

Он заприметил валун с кустами вокруг на пути к выступу. Другой дороги не было. Он припал к земле, готовясь метнуться к этому укрытию.

Вилли помешивала в горшке бульон с рисом, когда до нее донеслись звуки выстрелов.

Первое, что она подумала, вскочив на ноги, было: «Гай! Боже Всевышний, его не ранили?!» Но не успела она сделать и двух шагов к выходу, как отец схватил ее за руку.

– Нет, Вилли!

– А вдруг ему надо помочь?!

– Тебе туда нельзя!

Он позвал жену, та, несмотря на суматоху, услышала его и, взяв Вилли за руку, потащила за собой в другой конец пещеры. Другие женщины уже уводили детей от беды через запасной выход. Вилли оставалось только беспомощно наблюдать, как мужчины хватали доморощенное оружие и выбирались из пещеры.

Опять затрещали выстрелы, и по склону покатились камни.

«А где ответный огонь? – подумала Вилли. – Почему никто не стреляет в ответ?»

Снаружи что-то покатилось и хлопнуло. Струя дыма стала заползать в пещеру, до того едкая, что Вилли невольно отпрянула назад, ловя ртом воздух.

– Назад! Все назад! В туннель! Все в туннель! – заорал ее отец.

– А как же Гай?

– Он справится! Детей вытаскивай отсюда!

Он как следует пихнул ее в сторону туннеля.

Выбора не было. Но повернувшись, чтобы бежать, и услышав очередную автоматную очередь, она почувствовала, что оставляет на поле боя частичку самой себя.

Дети уже все нырнули в туннель. Прямо перед собой она услышала плач младенца, нырнула на звук в темноту прохода. Замелькал впереди огонек – это была свеча, в мерцании которой Вилли разглядела желтое лицо женщины, той самой, что привела их в пещеру, – на этот раз она вела за собой вереницу детей и женщин. Вилли замыкала колонну и с трудом могла уследить за огоньком впереди. Движения пожилой предводительницы были быстрыми, и было видно, что она знает, куда идет. Вероятно, уже уходила этим путем от другой опасности в прошлом, в какую-нибудь другую войну. Несколько утешала мысль о том, что они шли тропой выживших. Вдруг они стали спускаться. Первый шаг вниз был внезапным для Вилли, нога ее на мгновение повисла в воздухе, но тут же опустилась на скользкий камень. «Как далеко вниз еще идти?» – подумала Вилли, хватаясь за стену, чтобы не упасть. Пальцы ощутили наросты воска, накапавшего с бесчисленных свечей в прошлом. Сколько же еще таких беглецов на ощупь пробиралось когда-то в глубь пещеры, спотыкаясь на поворотах и еле дыша от страха? Казалось, самый страх этих других навечно пропитал все вокруг. Туннель резко повернул влево и стал совсем уже уверенно проваливаться вниз. Интересно, как далеко они ушли? Казалось, что на целые мили. Выстрелы остались далеко позади, едва доносилось лишь «та-та», «та-та-та».

Вилли как могла отгоняла мысль о том, что творилось там, снаружи, и лишь держалась взглядом за спасительный, еле различимый огонек впереди. Вдруг свечение стало ярким и перешло в ослепительное сияющее пятно. «Ну как же! – внезапно осенило ее, когда она прошла извилину на дороге. – Это не свеча! Это дневной свет!»

По проходу пронеслись радостные голоса. Все в спешке стали пробираться к выходу, к ослепительным солнечным лучам.

Вилли стояла снаружи и, не переставая моргать, глядела на деревья, небо и горные кряжи. Они стояли на обратной стороне скалы. Все спокойно.

Пока.

Издали донеслось стрекотание автоматов. Пожилая вожатая скомандовала всем углубляться в джунгли. Сначала Вилли не поняла, к чему была эта спешка, что еще могло им угрожать здесь? И тут она услышала причину беспокойства пожилой женщины – собаки. Наконец и другие уловили приближающийся лай. Опасность подстегнула всех и направила в гущу леса. Одна лишь Лан не двигалась с места. Ее неподвижная фигура бросилась в глаза Вилли. Она словно прислушивалась к лаю, пыталась разгадать направление собак, расстояние до них. Двое ее сыновей, встревоженные нежеланием матери убегать, не сводили с нее озадаченных глаз.

Лан подтолкнула их в сторону леса и приказала уходить. Мальчики замотали головой – никуда они без матери не пойдут. Лан отдала младенца старшему сыну и опять толкнула, чтобы они бежали. Младший заплакал, замотал головой, вцепившись в ее рукав. Но приказания матери ослушаться было нельзя. Старший брат повел всхлипывающего мальчика за остальными детьми.

– Что ты делаешь?! – взмолилась Вилли. Неужто вьетнамка сошла с ума?

Совершенно бесстрастно Лан повернулась в сторону, откуда доносился лай. Вилли бросила взгляд на лес, на детей, исчезающих в чаще, – таких маленьких, таких беззащитных. Далеко ли они смогут уйти? Затем она перевела взгляд на Лан и поняла, что та двинулась в сторону собак, при этом целенаправленно бороздя ногами дорожную грязь. Тут Вилли осенило! Лан нарочно оставляла на дороге свой запах, чтобы отвлечь псов от детей. Этими действиями женщина приносила себя в жертву.

Лай приближался. Каждая клетка в теле Вилли кричала «бежать!». Но она вспомнила о Гае и об отце, о том, как они без оглядки взяли на себя роль защитников, бросив себя в лапы врага. Потом она посмотрела на скрывшихся в зарослях последних из детей – им нужно было время, чтобы уйти, время, которого у них не было… Тогда Вилли тоже начала топтать грязь на дороге. Лан бросила назад удивленный взгляд и все увидела. Они не проронили ни слова. Женщины лишь обменялись улыбками, полными грусти и понимания.

Вилли оторвала от блузки рукав и втоптала его в грязь – уж этого собаки не пропустят. Потом она повернулась и направилась к югу, обратно к подножию скалы, в сторону от детей. Лан тоже устремилась в обратном от беглецов направлении.

Вилли уже не торопилась. В конце концов, речь уже не шла о ее жизни. Интересно, как быстро собаки настигнут ее? А когда настигнут, сколько она сможет продержаться? Ей нужно было оружие – дубина или палка. Она подобрала с земли большую ветку, обломала сучья и махнула ею несколько раз.

Палка была хорошая, тяжелая, подходите, псы! Пусть она и станет добычей, но покажет им напоследок где раки зимуют! Собаки были уже совсем близко – их страшный лай напирал и леденил кровь. Но теперь к нему примешивался еще какой-то шум – ритмичный, бьющий в самую землю.

Это не стрельба… Вертолет! Ошалев от надежды, она вскинула голову в небо и различила два черных пятнышка на фоне утренней лазури. Неужто долгожданная помощь?! Она вскарабкалась на кучку камней и принялась махать руками. Это была последняя возможность выжить, последняя для всех, для Гая… Она впилась глазами в темные точки, маячащие в небе и не заметила, как к ней подлетели псы. Что-то коричневое метнулось к ней сбоку, она крутанулась на месте, и в этот же момент оскалившаяся пасть ринулась к ее шее. Реакция сработала быстро – она увернулась, и сотня фунтов шерсти и зубов ударила ей в плечо. Поваленная на землю, она закричала от боли, когда собака сомкнула челюсти у нее на руке. Раздался глухой звук приблизившихся шагов, и чей-то голос крикнул:

– Назад! Я сказал, назад!

Собака отпустила ее и, рыча, отступила.

Вилли медленно подняла голову и увидела двух мужчин в хаки, возвышающихся над ней. «Американцы», – озадаченно подумала она. Что они здесь делают?

Грубым движением руки ее подняли на ноги.

– Где остальные? – допросил один.

– Мне больно…

– Остальные – где?

– Нет никаких остальных! – прокричала она.

Жестокий удар сбил ее с ног. Едва в сознании она лежала растянувшись перед ними и пыталась прийти в себя.

– Прикончи ее.

«Нет, пожалуйста, не надо...» – подумала она, хотя сама прекрасно знала, что никакие мольбы не помогут. Она просто лежала, обхватившись руками, и ждала конца.

Тогда другой солдат сказал:

– Не сейчас. Она еще может пригодиться.

Ее подняли на ноги, шатающуюся, с позывами к тошноте. Темное от камуфляжа лицо, лишенное всякого выражения, взирало на нее сверху.

– Посмотрим, что скажет старина Фрайер.

Глава 14

Ну вот она – третья база. Теперь пора в дом[9]. Гай, распластавшись за валуном, прикидывал, как ему проскочить следующие двадцать ярдов. Из укрытий на пути к цели была только пара кустиков да жалкое подобие дерева. Он ясно видел ствол АК-47, торчащий из-за выступа, да так близко, что он мог буквально доплюнуть до него, а вот достать никак не мог. Не спеша он приподнялся на корточки и приготовился сделать последний рывок. Очередь прошлась по камням. Он тут же снова припал к земле.

«Что за сумасбродная идея, Барнард?! Самая сумасбродная за всю твою жизнь!»

Он взглянул вниз и увидел Мэйтленда, который подавал ему какие-то знаки. Что, черт возьми, он пытается сказать ему, было неясно, но Гаю показалось, что Мэйтленд просил его подождать, не спешить. Но времени и так оставалось в обрез! Он уже заметил нескольких человек в хаки, пробирающихся через кустарник к подножию скалы. Там-то и были ловушки.

«Господи, пусть они притормозят! Ведь нам так нужно немного времени!»

И тут он скорее услышал, чем увидел, как один из них провалился в яму.

Пронзительный вопль эхом отскочил от скалы – вопль человека, налетевшего на настил из торчащих кольев. А за ним донеслись крики и охи солдат, вызволяющих своего товарища из ямы.

«Это на затравку, ребятки, – подумал Гай злорадно, – увидите, что дальше будет».

Боевики не заставили себя ждать и после громкой команды стали вскарабкиваться по тропе вверх на скалу – как раз туда, где их ждала новая ловушка: натянутая леска, от которой валилось дерево. Но теперь нападающие были начеку, они знали, что каждый шаг мог обернуться сюрпризом, и наметанным глазом видавших виды в лесных боях высматривали опасность везде – за каждым камнем, каждым кустом.

«Ну вот теперь нам, пожалуй, осталось одно, – подумал Гай, – молиться». И тут он услышал – все услышали – знакомый рокот, и это заставило их поднять головы в небо, – вертушки! В этот самый момент, когда глаза всех были устремлены в небо, Гай бросился вперед. Враг не ожидал этого, но у него были лишь мгновения, чтобы выстрелить. Отчаянно застрекотали автоматы, пули взрыхляли землю и выбивали из нее пыль. Но Гай был уже на полпути, и ему оставалось миновать пару кустов. Время вдруг замедлилось, каждый шаг длился вечность. Он видел клубы пыли, бьющие из земли под ногами, услышал крики вдали и глухой удар упавшего на боевиков дерева. Гай прыгнул «рыбкой» в воздухе и приземлился на выступ. Время понеслось как пуля. Он выхватил АК из рук покойника и, прицелившись, открыл огонь.

Один из солдат, открытый для прицела, тут же повалился. Другие, укрываясь, метнулись в чащу джунглей. Две жертвы ловушек лежали мертвыми на тропе.

«Добро пожаловать в каменный век, Рэмбо».

Гай прекратил стрельбу, когда враг скрылся из виду, и был готов бить снова при малейшем движении. Но что это за затишье?

Он снова поднял глаза в небо в поисках вертолетов, но к своему ужасу увидел, что они удаляются, превращаясь в неприметные точки на фоне безбрежной синевы.

И почти сразу услышал крики по-вьетнамски снизу и увидел столб дыма, поднимающийся вдоль скалы – это был самый черный и самый замечательный дым, что он видел в своей паршивой жизни! Он был создан руками жителей пещеры. Скала была охвачена огнем. Он тут же с надеждой стал снова всматриваться в небо. Через пару секунд снова появились две точки, словно две мухи, кружащие над самой линией горизонта. Ему это казалось или они действительно приближались? У подножия скалы опять что-то зашевелилось, он посмотрел вниз и увидел две фигуры – они отделились от зарослей и подошли к скале.

Гай машинально вскинул оружие и собрался было выпустить очередь, но тут разглядел одну из фигур, и палец его застыл на спусковом крючке.

Внизу стоял налетчик, захватив жертву и прикрываясь ею. Даже отсюда Гай легко узнал лицо жертвы, бледное и беспомощное.

– Бросай оружие, Барнард! – послышался из-за кустов чей-то голос, отрикошетивший от скалы. Это был до боли знакомый голос.

Гай сохранял стойку снайпера – палец на крючке, щека вплотную к автомату.

Он отчаянно напрягал мозги, как бы ему вызволить Вилли живой из лап налетчиков.

Обмен?! Ничего больше не оставалось – его жизнь в обмен на ее. Пойдут ли они на это?

– Я сказал, брось! – снова крикнул призрак.

Захватчик приставил ствол пистолета к голове Вилли.

– Или ты хочешь увидеть, что пуля может сделать с этой симпатичной мордашкой?

– Подождите! – крикнул Гай. – Мы можем обменяться…

– Никаких обменов.

Пистолет нацелился в голову Вилли.

– Нет! – отчаянный вопль Гая отскочил от скалы.

– Тогда бросай оружие! Сейчас же!

Автомат выпал из рук Гая.

– Пни его в сторону, ну же!

Гай оттолкнул оружие ногой, автомат соскочил с выступа и брякнулся на камни внизу.

– Выходи, чтобы я тебя видел. Давай, давай!

Гай медленно поднялся на ноги, ожидая града пуль.

– А теперь спускайся. Давай, давай, слезай оттуда. И ты, Мэйтленд! Живо давайте, у меня что, времени навалом?!

Гай сошел по тропинке вниз. Когда он спустился, Мэйтленд, плененный, уже стоял там, – руки за головой. Гай мог думать только о Вилли.

Он видел, что ей досталось – майка изодрана и вся в крови, лицо белее снега.

Но взгляд ее был полон небывалой отваги, словно говорил: «Не волнуйся за меня, я в порядке. И я люблю тебя!»

Налетчик ухмыльнулся и приопустил пистолет. Гай тут же узнал его: с ним он столкнулся на террасе в отеле в Бангкоке. Таец-киллер, а может, и вьетнамец…

– Здравствуй, Гай, – раздался до боли знакомый голос.

Человек шагнул вперед, и лучи осветили его могучие плечи, которые, казалось, вот-вот разорвут на нем гимнастерку.

– Это же он… Фрайер Так… – догадался Мэйтленд вслух.

– Тоби? – произнес Гай.

– Да, это все я, – улыбнулся Тобиас Вульф. Он стоял как скала, а на лице отразились смесь радости победы и сожаления. – Я не хотел убивать тебя, Гай. Веришь, нет, я приложил все усилия, чтобы этого не случилось.

– Это почему же? – горько усмехнувшись, спросил Гай.

– Должок у меня… помнишь?

Гай с презрением глянул на его ноги:

– Ты можешь ходить.

Тоби пожал плечами:

– Ты же знаешь эти военные госпиталя. Врачи сказали, что дело мое плохо, что помочь они тут не могут, и просто отвернулись. Задвинули меня подальше и забыли. И как выяснилось, зря. Сначала я стал чувствовать пальцы ног. Потом зашевилил ими. Нет, я не стал сообщать про это наверх. Так мне даже удобнее было вставать на ноги. В этом прелесть паралича: никто от тебя ни хрена не ожидает! Ну и чек за инвалидность каждый месяц тоже не помешает.

– Вот уж поднялся.

– А что, все по понятиям: наши «шишки» наверху должны мне за годы безупречной службы.

Он бросил взгляд на Мэйтленда:

– Вот только он мне мешал. Единственный свидетель с того рейса 5078. Я слышал, что он выжил, но никак не мог напасть на его след.

Он прищурился на небо – шум вертушек усилился. Они подлетали все ближе на дымовой сигнал со скалы.

– Время, – сказал Тоби и, обернувшись к своим людям, крикнул: – По коням!

И сразу же его команда, живо, но без суеты, устремилась в лес. Тоби, посмотрев на киллера, кивнул:

– Знаете, что делать, мистер Сианг.

Сианг толкнул Вилли вперед, Гай подхватил ее, и они вместе упали на колени. Времени уже не было прощаться, произносить последние слова.

Гай лишь обхватил ее всю в тщетной попытке закрыть от пуль.

– Кончай, – приказал Тоби.

Гай взглянул на него:

– Увидимся в аду.

Сианг поднял пистолет и нацелил его прямо в голову Гая. Вжавшись друг в друга, Гай и Вилли ждали хлопка, ждали затмения.

Пистолет жахнул, и они оба дернулись. В недоумении Гай осознал, что по-прежнему стоит на коленях, по-прежнему дышит.

«Что за черт? Я жив? Мы оба живы?»

Он вовремя поднял голову и увидел Сианга – в окровавленной рубашке тот рухнул на землю.

– Вон она! Там! – завопил Тоби, тыча в сторону леса.

В тени деревьев стояла она, сжав в руках допотопный пистолет. Лан стояла недвижима, словно в шоке от содеянного.

Один из бойцов прицелился в нее.

– Нет! – заорал Мэйтленд и бросился на него.

Прогремел выстрел, и они, оба свалившись, сцепились в схватке.

Сверху заголосили, и Гай с Вилли припали к земле в тот момент, когда со скалы посыпались стрелы. Тоби взвыл и упал на землю. Остатки его армии бросились врассыпную. В суматохе Гай и Вилли нашли укрытие, но, как только они спрятались за валуном, до Вилли дошло вдруг, что отца с ними нет.

– Папа! – закричала она.

Мэйтленд лежал окровавленный в десяти ярдах. Вилли было ринулась к нему, но Гай удержал ее.

– Ты что, спятила?!

– Я не могу оставить его там!

– Подожди, пока дорога будет чистой!

– Но он ранен!

– Ты ничего не сделаешь!

Всхлипывая, она пыталась протестовать, но ее заглушили подлетающие «вертушки».

Военный вертолет завис прямо над ними. Летчик опустил машину в проем между деревьев, бережно коснулся перекладинами земли. В тот же момент, как машина приземлилась, из нее выскочило пятеро вьетнамских солдат и за ними командир. Он указал на Мэйтленда и выпалил указания.

Двое поспешили к раненому.

– Пусти меня, – сказала Вилли и вырвалась из рук Гая.

Он смотрел, как она побежала к отцу. Бойцы уже достали аптечку, двое бежали к ним с носилками. Гай снова перевел взгляд на вертолет, из которого вышел еще один пассажир и, пригибая под лопастями голову, направился к Гаю. Они постояли вместе, не произнося ни слова и глядя одобрительно на поднимающиеся облака дыма. Огонь, казалось, поглотил всю скалу, с которой уже сбежали вниз все до последнего жителя.

– Потрясающий сигнальный огонь, – произнес министр Транх и поглядел на Гая: – Вы не ранены?

Гай мотнул головой.

– У нас есть потери… там, на скале. Надеюсь, с детьми все в порядке, думаю, что так…

Он обернулся и посмотрел на Вилли, идущую к вертолету за носилками отца.

У двери она остановилась и посмотрела на него. Гай дернулся к ней. Он захотел обнять ее и сказать то, чего он не говорил ни одной женщине на свете. Это нужно было сделать сейчас, пока еще есть возможность, пока она рядом и к ней можно прикоснуться, обнять ее.

Дорогу ему неожиданно преградил солдат.

– Назад! – приказал он.

Пыль заволокла Гаю глаза, когда вертолет завращал пропеллером. Сквозь вихрь листьев и веток Гай видел, как военный на борту «вертушки» кричал, чтобы Вилли забиралась внутрь.

Взглянув последний раз через плечо на Гая, она послушалась. В открытую дверь ему все еще было видно ее лицо, обращенное к нему. С тоской он взирал на вертолет, уносящий с собой ту, которую он любил. Стрекотание лопастей затихло вдали, а он все стоял и смотрел в безоблачную синеву.

Вздохнув, он повернулся к министру Транху. Тут только он заметил, что был еще кто-то, кто с такой же тоской провожал вертолет. У самого леса стояла Лан, взгляд ее был направлен в небо. Как хорошо, что она выжила…

– Мы рады видеть вас живым, – сказал министр.

– Как вы нас нашли?

– Один из жителей деревни добрался до На-Кхоанга сегодня рано утром. Мы были обеспокоены вашим исчезновением… – Министр Транх покачал головой. – Вы большой мастер усложнять положение вещей, мистер Барнард. По крайней мере, для нас.

– Я был вынужден, просто не знал, кому верить. Я и сейчас-то не очень уверен… – сказал Гай, покосившись на спутника министра.

– Выпьем же, – предложил Додж Гамильтон, наклоняясь над стойкой гостиничного бара, – за славный бой!

Гай угрюмо уставился на свой стакан с виски и произнес:

– Не бывает славных боев, Гамильтон. Бывают лишь неизбежные бои.

– Ну что ж, – широко улыбаясь, Гамильтон поднял стакан, – тогда выпьем за неизбежность!

Это рассмешило Гая, хотя ему сейчас было не до смеха. Но ведь надо бы и отпраздновать. Испытания были позади, и он, впервые за много дней, вновь чувствовал себя человеком. Выспавшись, приняв душ и побрившись, он мог наконец-то спокойно смотреть на свое отражение в зеркале.

«Пусть разница и небольшая, – понуро подумал он, – она все равно не увидит».

Для него было настоящей мукой – остаться без нее. Вилли так и стояла перед глазами, грустно глядя на него через плечо перед тем, как забраться в вертолет. Ни прощаний, ни напутствий – только этот взгляд. Ах, если бы можно было стереть его из памяти!

Но нет! Он не хотел этого! Чего он хотел, так это чтобы все повторилось.

Гай поставил стакан с виски на стол и вымученно улыбнулся.

– Как ни крути, Гамильтон, – сказал он, – а ты таки заполучил свой сюжет.

– И даже больше, чем я ожидал.

– Думаешь, потянет на первую полосу?

– Еще как потянет! Здесь есть все: и ожившие призраки войны, и бывшие враги, сплотившиеся на поле брани, и счастливый конец! Эта история просто просится в печать. И все же… – он вздохнул, – ее скорее всего задвинут на последние страницы газеты, чтобы освободить место для каких-нибудь скабрезных слухов из жизни королевской семьи. Как будто судьба человечества зависит от того, кто и что натворил в стенах Бэкингема. – Гай покачал головой и хмыкнул. – Мир не меняется.

– Как там Мэйтленд, поправится?

Гай поглядел в небо.

– Думаю, да. Вилли звонила из Бангкока пару часов назад, Мэйтленд в состоянии перенести переправку.

– Его везут в Штаты?

– Да, сегодня вечером.

Гамильтон выпрямился.

– А ты разве с ними не едешь?

– Не знаю. Мне надо кое-что закончить, подтянуть кое-какие хвосты. К тому же ей не до меня будет…

Он опустил глаза на стакан с виски, припомнил их последний разговор по телефону. Связь была отвратительная, сплошные помехи, приходилось все время орать в трубку. Она звонила из больницы, ему же предстояла встреча с вьетнамскими представительными лицами, так что обстановка едва ли располагала к романтической беседе. И все же он готов был на любую откровенность, намекни она хоть одним словом, что желала бы этого.

Вместо этого они обменивались казенными «как дела», «как твоя рука», «рука нормально, вся в бинтах», ну и спешное «пока».

Он повесил трубку, в уверенности, что все кончено.

«Может быть, это и к лучшему», – думал он. Любой дурак знает, что военные романы недолговечны. Когда лежишь в траншее в обнимку с женщиной и пули свистят над головой, влюбиться нетрудно.

Но теперь-то они вернулись в нормальную жизнь. Он ей был больше не нужен, а он внушал себе, что не нуждается в ней. Ведь раньше ему никто не был нужен.

Он осушил свой стакан.

– В любом случае, Гамильтон, – сказал он, – думаю, что мне будет что рассказать своим, когда я вернусь домой. Как я воевал во Вьетнаме уже во второй раз, но теперь уже на стороне противника.

– Тебе никто не поверит.

– Пожалуй.

Гай перевел взгляд на портрет на стене: с полотна совершенно по-отечески улыбался Хо Ши Мин.

– А ведь я хочу кое в чем признаться тебе, – Гай вновь посмотрел на своего товарища по стакану, – в какой-то момент меня так обуяла паранойя, что я подумал, ты из ЦРУ.

Гамильтон взорвался от смеха.

– Нет, ты прикинь, – сказал Гай, тоже смеясь, – из всех возможных персонажей я выбрал тебя!

Гамильтон, не переставая улыбаться, поставил свой стакан на стойку.

– По правде говоря, – сказал он не сразу, – так и есть.

Наступила тишина.

– Что? – произнес Гай.

Гамильтон не отводил взгляда, лицо его не выражало ничего, кроме затаенного удовольствия.

– Генерал Кистнер кланяется. Он рад был слышать, что ты цел и невредим.

– Так тебя Кистнер послал.

– Нет, он тебя послал.

Гай напрягся.

– Ты что-то не понял. Я с этими людьми никаких дел не имею. Все это время я был сам по себе и…

– Да неужели? – В улыбке Гамильтона появилась чертовщинка. – Что за счастливый случай, ты не находишь? Я про вашу встречу с мисс Мэйтленд на вилле у Кистнера. А каковы были происки судьбы, когда шофер ее взял да и испарился! Это как раз когда ты был на пути обратно в город.

Гай опустил глаза на свой стакан, покрутил в нем спиртное.

– Это все было подстроено… – пробормотал он, – и встреча эта, которую мне Кистнер назначил…

– Назначил, чтобы дороги ваши с мисс Мэйтленд пересеклись. Она ступила на опасную территорию, вот-вот поплатилась бы. Мы знали, что ей нужна помощь. Но нам нужен был кто-то совершенно не связанный с конторой, кого не узнали бы вьетнамцы. Ты оказался как раз тем человеком.

Кулаки Гая сжались над барной стойкой.

– Всю грязную работу на меня…

– Ты сослужил службу дядюшке Сэму. Нам было известно, что ты вынужден лететь в Сайгон, что знаешь страну и немного язык. Знали мы и про твое, скажем так, щекотливое прошлое.

Он значительно поглядел на Гая.

«Они все знали, – думал Гай, – может быть, и всегда знали».

Он проговорил с расстановкой:

– А те люди из «Эриал груп»?..

– Ах ну да, «Эриал» – названьице приятное на слух, правда? А это не что иное, как имя самой младшей внучки Кистнера.

Гамильтон улыбнулся:

– Ты можешь не волноваться, Гай. Мы умеем хранить тайны, в особенности когда видим, что для нас хорошо постарались.

– Ну а что, если бы вы ошиблись на мой счет?! Что, если бы я работал на Тоби Вульфа? Я мог бы убить ее.

– Не мог бы.

– Но ведь у меня темное прошлое, разве не так?

– Уже нет, Гай. Даже с твоим прошлым ты гораздо чище, чем любой патриот-орун в Вашингтоне.

– С чего бы это?

Гамильтон пожал плечами:

– Мы знаем про тебя столько, что ты бы и не поверил. Про тебя и про всех.

– Но вы не могли предугадать моих действий! Действий Вилли! А что, если бы она послала меня куда подальше?!

– Что ж, да, риск был. Но она привлекательная особа, а ты находчивый малый. Вот мы и понадеялись, что между вами проскочит искра.

«И проскочила, – думал Гай. – Еще как проскочила, чтоб тебя, Гамильтон».

– При любом раскладе ты получишь то, чего так хотел, – никто не заикнется о твоем прошлом, – сказал Гамильтон, кладя несколько купюр на барную стойку, – но о денежном вознаграждении, боюсь, придется забыть – бюджет не позволяет. Но тебя должно утешать то, что ты послужил на пользу отчизне.

Тут Гай разразился несмолкаемым приступом смеха. Он хохотал до слез, и так громко, что на него оборачивались.

– Я что, пропустил какую-то шутку? – вежливо осведомился Гамильтон.

– Да, – сказал Гай, – надо мной пошутили только что. – Продолжая хохотать, он покинул бар.

Глава 15

Отец вновь покидал дом.

Ранним дождливым утром Вилли стояла в проходе спальни и смотрела, как он упаковывает чемодан, точь-в-точь как когда-то, давным-давно. Он так недолго пробыл дома, всего несколько дней со дня выписки из госпиталя. И все это время он не переставал тосковать по семье – по другой своей семье. Нет, он не жаловался и не срывался на нее, но она-то видела, как грустны его глаза, слышала, как он вздыхал, когда бродил по дому. Она знала, что это неизбежно – что он вот-вот уйдет из ее жизни опять.

Он заглянул напоследок в стенной шкаф, потом повернулся к секретеру.

Она посмотрела вниз, на пару новых макасин, которые он отставил в сторону.

– Пап, ты что, не берешь с собой обувь?

– Я не ношу обуви дома.

– А-а...

«Когда-то твой дом был здесь», – подумала Вилли.

Она рассеянно вошла в гостиную, села у окна и стала смотреть на дождь.

Казалось, горечь всей предыдущей жизни наполнила эти две недели, пока она была дома. В то время как ее отец поправлялся в военном госпитале, ее мать умирала в гражданском. Поездки из одного места в другое были как нож по сердцу – там отец набирается сил, а тут мать чахнет день за днем.

Смерть настигла Энн скорее, чем предрекали доктора. Создавалось впечатление, что она держалась изо всех сил, лишь бы увидеть мужа в последний раз, а после этого просто отдала себя в руки забытью.

Конечно, она простила его. Так же как его простила Вилли.

Почему всегда первыми должны прощать женщины, спрашивала она себя.

– Все собрано, – сказал отец, перетаскивая чемодан в гостиную, – такси я вызвал.

– Ты точно ничего не забыл? Игрушки, книжки для детей?

– Все положил. Ну и посылочка получилась! Они меня там за Санта-Клауса примут.

Он поставил чемодан на пол и сел на диван. Они помолчали с минуту.

– Ты нас навещать не будешь? – наконец не выдержала она.

– Это будет непросто…

– Тогда можно я буду приезжать к тебе?

– Вилли, ты же знаешь, что можно! И ты и Гай. Но уж в следующий раз мы соберемся по-людски, – он засмеялся, – тихо и мирно, без выкрутасов. Гаю это придется по душе.

Возникла долгая пауза. Отец спросил:

– Ты давно с ним говорила?

Она отвернулась.

– Уже две недели прошло.

– Так давно?

– Он не звонит.

– А почему ты не позвонишь сама?

– Я занята сейчас. Слишком много дел накопилось, ты сам знаешь.

– Но он не знает.

– Так должен знать.

В приливе раздражения она вдруг встала и заходила по комнате, остановившись наконец у окна.

– Да я и не удивлена, что он не звонит. Если рассуждать здраво, приюпоченьице наше позади, настала обычная жизнь.

Она стрельнула глазами в отца.

– Ведь это то, что мужчины так не любят, не правда ли? Обычную жизнь...

– Некоторые. Но некоторые из нас меняются со временем.

– Ах, папа, я кое-что повидала в жизни и могу определить, когда между людьми все кончено.

– Тебе Гай сам об этом сказал?

Она отвернулась и уставилась в окно.

– Да и говорить не нужно.

Отец промолчал. Немного погодя она услышала, как он ушел обратно в спальню. Сама она осталась стоять у окна, смотреть на дождь и думать о Гае. Впервые ей пришло в голову, что, может быть, это она отвернулась от него, а не наоборот.

Да нет, не отвернулась, а просто трезво взглянула на жизнь. Когда они были вместе, жизнь била ключом, это была безумная неделя, когда чувства их обострились до небывалой степени, каждый вздох, каждый удар сердца словно был ниспослан небом.

Такое не может длиться долго. Но чья в этом вина? Вдруг ее неодолимо потянуло к телефону. Уже набирая номер, она пыталась собраться с мыслями, что она ему скажет. «Здравствуй, Гай. Знаю, это тебе ни к

чему, но я люблю тебя». Потом она повесит трубку, избавив его от необходимости признаваться в том, что он не питает тех же чувств. Она прождала целых двенадцать гудков, зная, что сейчас в Гонолулу 4 часа утра и что он должен быть дома. В глазах у нее стояли слезы, когда она наконец опустила трубку. Она смотрела на телефон и поражалась тому, как этот кусок пластмассы с проводами может выглядеть таким предателем.

«Будь ты проклят, – думала она, – ты даже не удосужился дать мне возможность выказать себя полной дурой».

За окном по мокрому асфальту пропели шины, и она выглянула в окно.

Сквозь завесу дождя она увидела такси у дома.

– Отец, – позвала она и пошла в его комнату. – Твое такси приехало.

– Так скоро?

Он осмотрелся вокруг, соображая, не забыл ли чего.

– Ну хорошо, стало быть, пора.

В дверь позвонили, он накинул куртку и зашагал через комнату. Вилли не видела, как он отворил дверь, но слышала, как он воскликнул:

– Быть не может…

Она обернулась.

– Здравствуй, Мэйтленд, – произнес Гай.

Двое мужчин, оба в куртках, оба с чемоданами в руках, скалились в улыбках.

Гай стряхнул капли дождя с головы.

– Можно войти?

– Ну-у, даже и не знаю. Надо спросить начальницу.

Мэйтленд повернулся к дочери:

– Как ты полагаешь, можно человеку войти?

Но Вилли от потрясения лишилась голоса.

– Думаю, что это означает «да», – предположил ее отец жестом и предложил войти Гаю.

Гай перешагнул через порог и поставил чемодан на пол.

Он стоял и смотрел на нее, не говоря ни слова. Дождь прибил его волосы ко лбу, на лице лежала печать утомления, но ни один мужчина в мире не был так прекрасен!

Она попыталась вспомнить все, почему бы она не захотела его видеть и за что она могла бы выдворить его на улицу. Но голос ее не слушался, и она просто стояла и смотрела на него, смотрела и вспоминала его руки, когда она была в его объятиях.

Мэйтленд переминался с ноги на ногу.

– Э-э… кажется… кажется, я забыл что-то упаковать, – пробормотал он и незаметно выскользнул из комнаты.

Несколько секунд слышно было только, как с куртки Гая капают на пол капли дождя.

– Как мама? – спросил Гай.

– Она умерла, пять дней назад.

Он покачал головой:

– Мне жаль, Вилли.

– И мне…

– Как ты? У тебя все в порядке?

– Я… да.

Она отвернулась. «Я люблю тебя, – подумала она. – И тем не менее мы стоим тут, как чужие, обмениваемся любезностями».

– Я в порядке, – снова сказала она, словно чтобы убедить его и себя, что эти две недели сплошных страданий были сущим пустяком.

– Выглядишь неплохо, несмотря ни на что.

Она пожала плечами:

– Ты выглядишь ужасно.

– Я и не удивлен. В самолете поспать не пришлось. Да еще этот младенец кричал на переднем сиденье, всю дорогу от Бангкока.

– Бангкока? – Она нахмурилась. – Ты был в Бангкоке?

Он кивнул и усмехнулся.

– Вот она – моя работенка. Прибыл домой из Вьетнама, а через неделю меня требуют, говорят лететь назад… за Сэмом Лэситером.

Он сделал паузу.

– Признаюсь, я не очень-то обрадовался очередной посадке на самолет, но подумал, что раз надо, значит, надо.

Он помолчал, а потом тихо добавил:

– Ни один солдат не должен лететь на родину один.

Она подумала о Лэситере, вспомнила тот вечер в кафе у реки, лирическую песню на шуршащей пластинке, бумажные фонарики, пляшущие на ветру.

Потом увидела его тело, качающееся на волнах реки Меконг. И вспомнила черноглазую женщину, что любила его.

– Ты прав, – сказала она, – ни один солдат не должен возвращаться на родину один.

Снова возникла пауза. Она чувствовала, что он смотрит на нее и ждет.

– Ты бы позвонил мне…

– Я хотел.

– Но просто не было возможности, да?

– Возможностей было полно.

– Так тебе было все равно? – Она воздела глаза кверху. Вся ее боль, весь гнев вдруг вырвался наружу. – Две недели от тебя не было ни словечка! А теперь ты заявляешься в мой дом без предупреждения, бросаешь свой чемодан у меня в…

Последнее слово так и не наполнило ее уста, их наполнил он. Она оказалась захвачена мокрыми от дождя объятиями, и все, что она собиралась высказать, вся горечь в словах, все испарилось с одним этим

поцелуем. Она лишь издала тихий стон, и ее охватил вихрь желания. Она уже не могла определить, где кончалась она и начинался он. Она лишь была уверена теперь, что он никогда и не покидал ее, что до конца дней своих он будет частью ее. Даже когда он отпрянул, чтобы взглянуть на нее, она была пьяной им.

– Я хотел позвонить, но не знал, что сказать…

– А я ждала, чтобы ты позвонил, ждала все эти дни.

– Наверное, мне было… не знаю, страшно, что ли.

– Страшно отчего?

– Услышать, что все кончено. Что ты отрезвишься и поймешь, что я того не стою. Но потом, когда я прилетел в Бангкок, остановился в гостинице «Ориенталь». Выпил на террасе за те деньки. Увидел такой же закат, те же лодочки на реке. Но без тебя это все было не то.

Он вздохнул:

– Черт! Да без тебя все не то.

– Ты ничего мне не сказал. Просто исчез, и все.

– Все как-то казалось, что не время сейчас еще…

– Не время для чего?

– Ты знаешь для чего.

– Нет, не знаю.

Он нервно помотал головой:

– Ну зачем ты усложняешь?

Она отошла на шаг назад и посмотрела на него долгим испытующим взглядом. Затем, улыбнувшись, сказала:

– А я и не обещала, что со мной будет просто.

– Вилли, Вилли, – он обхватил ее и крепко прижал к своей груди, – вижу я, что нам с тобой многое придется утрясти.

– Как, например?

– Например… – Он приблизился к ее губам и прошептал: – Кто спит на правой стороне кровати…

– Ах, это… – промычала она, касаясь его губами, – ты.

– А кто назовет нашего первенца…

Она уютно устроилась в его объятиях и вздохнула:

– Я.

– А кто первый скажет «я люблю тебя»?

Она ответила не сразу.

– Ну а это… – сказала она с улыбкой, – можно еще обсудить.

– Так не пойдет, – произнес он, прижимаясь к ней лицом.

Они смотрели друг на друга, и каждый ожидал услышать признание первым.

Все разрешилось обоюдно.

– Я люблю тебя, – услышала Вилли как раз в тот момент, когда те же слова сорвались с ее уст.

И смех их тоже раздался одновременно, светлый и радостный, и в нем была уверенность в будущем. Затем последовал поцелуй, согревающий, страстный, но такой непродолжительный, что ей хотелось еще.

– Все лучше и лучше получается.

– Что, признаваться в любви?

– Нет, целоваться.

– Ах, это… – пробормотала она и тихо добавила: – Тогда, может, повторим?

За окном послышался гудок, вернувший их обратно в реальность. Они увидели в окно еще одно такси, припарковавшееся у обочины.

Вилли нехотя высвободилась из объятий Гая.

– Отец! – позвала она.

– Иду, иду.

Ее отец вышел из спальни, снова надевая на себя куртку. Он остановился и посмотрел на Вилли.

– А почему бы вам не попрощаться по-человечески? – вежливо заметил Гай и направился к двери. – Я положу чемодан в машину.

Вилли и ее отец остались в комнате одни. Они смотрели друг на друга и знали, что это прощание, как и любое другое прощание, может оказаться последним.

– Между вами все в порядке? – спросил Мэйтленд.

Вилли кивнула.

Снова возникло молчание. Тогда ее отец спросил мягко:

– А между нами?

Она улыбнулась:

– Там тоже все в общем неплохо.

Она подошла к нему, и они обнялись.

– Да. Между мной и тобой все хорошо, это точно, – пробормотала она, уткнувшись ему в грудь.

Без особой спешки он подошел к выходу. В дверях они с Гаем пожали друг другу руки.

– Желаю удачно добраться домой, Мэйтленд.

– Доберусь, спасибо. Смотри, чтоб все в порядке было, ага? И, Гай… спасибо тебе большое.

– За что?

Мэйтленд снова взглянул на Вилли. Во взгляде его было сожаление и искупление одновременно.

– За то, что ты вернул мне мою дочь.

Дикий Билл Мэйтленд вышел, а Гай вошел. Он не произнес ни слова.

Лишь взял Вилли за руки и заключил в объятия.

Послышался шум уезжающего такси, и Вилли подумала: «Мой отец покинул меня. Снова покинул».

Она посмотрела снизу вверх на Гая: «Ну? А ты?»

Он прочитал в ее глазах этот немой вопрос и ответил тем, что взял в руки ее лицо и поцеловал. Затем он, пнув дверь ногой, захлопнул ее, словно в знак победного конца. И она знала наверняка, что на этот раз ее не бросят.

Примечания

1

'Клонг – водный канал в Таиланде. *(Здесь и далее примеч. пер.)*

2

Earthquake Magoon, имеется в виду McGoon. Был такой летчик на самом деле.

3

«Воздушная кавалерия».

4

В русской армии соответствует званию ефрейтора.

5

6 футов 4 дюйма.

6

Лекарственный препарат от диареи.

7

Ф о – блюдо с рисовой лапшой.

8

Здесь не указано последнее предложение, имеющееся в этом обращении: «Правительство моей страны вас вознаградит».

9

Положение игры в бейсболе.